

- -
 - [Часть 1. Письма к монашествующим и мирянам](#)
 - [Часть 2. Письмо исихасту-пустыннику](#)
-

Изложение монашеского опыта

Содержание

[\[1\]](#)

HR

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Помню, мне было девятнадцать лет, когда я отправился в Сад нашей Пресвятой^[2], на Святую Гору. Путь этот, ведущий к монашескому житию, указала мне моя добродетельная и монахолюбивая мать, ныне монахиня Феофания. В первые годы бедствий оккупации^[3], когда я ради работы бросил школу, в одну из двух старостильных церквей^[4] Волоса^[5] пришел приходским священником иеромонах-святогорец. Он принадлежал к братии старца Иосифа Исихаста, как сам его называл. Этот иеромонах стал для меня в то время драгоценным советчиком и помощником в моей духовной жизни. Я избрал его своим духовным отцом и, благодаря его беседам и советам, вскоре начал чувствовать, как сердце мое удаляется от мира и устремляется к Святой Горе. Особенно когда он мне рассказывал о жизни старца Иосифа, что-то загоралось во мне, и пламенными становились моя молитва и желание поскорее узнать его.

Когда наконец подошло время, в одно прекрасное утро, 26 сентября 1947 года, кораблик потихоньку перенес нас из мира к святоименной горе, так сказать, от берега времени к противоположному берегу вечности. У причала скита Святой Анны нас ожидал почтенный старец отец Арсений.

- Ты не Яннакис из Волоса? - спросил он меня. - Да, старче, - говорю ему я, - а откуда вы меня знаете?

- А старец Иосиф узнал это от Честного Предтечи, - говорит он. - Он явился ему вчера вечером и сказал: "Посылаю тебе овечку. Возьми ее к себе в ограду". Тогда моя мысль обратилась к Честному Предтече, моему покровителю, в день рождения которого я родился. Я почувствовал большую признательность ему за эту заботу обо мне.

- Ну, Яннакис, пойдем, - говорит мне отец Арсений. - Пойдем, потому что старец ждет нас. Мы поднялись. Какие чувства охватили меня! Ни у кого не хватило бы сил их описать.

В тот вечер в церковке Честного Предтечи, высеченной внутри пещеры, я положил поклон послушника. Там, в полутьме, душа моя узнала только ей ведомым образом светлый облик моего святого старца. Я был самым младшим из братии по телесному и духовному возрасту. А старец Иосиф был одной из крупнейших святогорских духовных величин нашего времени. Я пробыл рядом с ним двенадцать лет, обучаясь у его ног. Столько он прожил после моей встречи с ним. Бог удостоил меня служить ему до его последнего святого вздоха. И он был поистине достоин всяческого служения в благодарность за его великие духовные труды, за его святые молитвы, которые он оставил нам как драгоценное духовное наследство. Я убедился в том, что он был подлинным богоносцем, превосходным духовным полководцем, опытейшим в брани против страстей и бесов. Невозможно было человеку, каким бы страстным он ни был, находиться рядом с ним и не исцелиться. Только бы он был

ему послушен.

Для монахов старец Иосиф выше всего ставил христоподражательное послушание. Для мирян отдавал предпочтение умной молитве, но всегда по указанию опытных наставников, ибо насмотрелся на прельщенных людей. "Ты видел человека, который не советуется или не исполняет советы? погоди, вскоре увидишь его прельщенным" - так часто говорил он нам. В соблюдении нашего подвижнического устава старец был предельно строг. Всей своей душой он возлюбил пост, бдение, молитву. Хлебушек и трапеза - всегда в меру. И если знал, что есть остатки со вчерашнего или позавчерашнего дня, то не ел свежеприготовленную пищу. Однако к нам, молодым, его строгость относительно питания была умеренной, потому что, видя столько телесных немощей, он считал, что должен оказывать нам снисхождение. Но его терпимость, казалось, как бы вся исчерпывалась этим снисхождением. Во всем остальном он был очень требователен. Не потому, что не умел прощать ошибки или терпеть слабости, но желая, чтобы мы мобилизовывали все душевные и телесные силы на подвиг. Ибо, как говорил он, "тем, что мы не отдаем Богу, чтобы этим воспользовался Он, воспользуется другой. Поэтому и Господь дает нам заповедь возлюбить Его от всей души и от всего сердца, дабы лукавый не нашел в нас места и пристанища, где мог бы поселиться".

Каждую ночь мы совершали бдение. Это был наш устав. Старец требовал, чтобы мы до крови подвизались против сна и нечистых помыслов. Сам он совершал бдение в темноте в своей келлийке, с неразлучным спутником - непрестанной умной молитвой. И хотя он уединялся там, внутри, мы видели, что он знает о том, что происходит снаружи - каждое наше движение и каждый шаг. Ему было достаточно просто взглянуть на нас, чтобы прочитать наши помыслы. И когда он видел, что мы нуждаемся в духовном ободрении, рассказывал о разных удивительных подвигах афонских отцов. Он был очень искусным рассказчиком. Когда он говорил, хотелось слушать его бесконечно. Однако, несмотря на его природный дар повествователя, когда речь заходила о божественном просвещении, о благодатных состояниях, он часто, казалось, испытывал огорчение из-за того, что бедный человеческий язык не мог помочь ему выразить глубину его опыта. Он оставался как бы безгласным, как будто находился далеко от нас, будучи не в силах говорить о том, что обретается на неведомой, пресветлой, высочайшей вершине тайных словес, там, где пребывают простые и непреложные, неизменные и неизреченные тайны богословия. Мой старец не изучал богословия, однако богословствовал с большой глубиной. Он пишет в одном из писем: "Истинный монах, когда в послушании и безмолвии он очистит чувства и когда успокоится его ум и очистится сердце, принимает благодать и просвещение ведения и становится весь светом, весь умом, весь сиянием и источает богословие, записывая которое, и трое не будут успевать за потоком благодати, изливающейся, подобно волнам, и распространяющей мир и крайнюю неподвижность страстей во всем теле. Сердце пламенеет божественной любовью и взывает: "Задержи, Иисусе мой, волны благодати Твоей, ибо я таю, как воск". И оно действительно тает, не выдерживая. И ум восхищает созерцание, и происходит срастворение, и пресуществляется человек, и делается единым с Богом, так что не знает или не может отделить себя самого, подобно железу в огне, когда оно накалится и уподобится огню".

Из этих слов видно, что божественный мрак, озаряемый нетварным светом, не был для него неведомой и неприступной областью, но был известен ему как место и образ присутствия Бога, как тайна неизреченная, как свет пресветлый и яснейший. И это потому, что мой старец умел молиться. Часто, когда он выходил из многочасовой сердечной молитвы, мы видели его лицо изменившимся и светлым. Совсем не удивительно, что тот свет, которым постоянно освещалась его душа, временами явственно освещал и его тело.

Впрочем, нимб святых - это не что иное, как отблеск нетварного света благодати, который светит и сияет в них, подобно золоту. Чистота старца была чем-то удивительным. Помню, когда я входил вечером в его келлийку, она вся благоухала. Я ощущал, как благоухание его молитвы наполняло все, что его окружало, воздействуя не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Когда он беседовал с нами о чистоте души и тела, всегда приводил в пример нашу Пресвятую.

- Не могу вам описать, - говорил он, - как любит наша Пресвятая целомудрие и чистоту. Поскольку Она - Единая Чистая Дева, то и всех таковых нас любит и желает. И еще он говорил:

- Нет другой жертвы, более благоуханной перед Богом, чем чистота тела, которая приобретает кровью и страшным подвигом. И заканчивал словами:

- Поэтому понуждайте себя, очищая душу и тело; совершенно не принимайте нечистых помыслов. Если говорить о молчании, скажу, что он не произносил ни слова без нужды. Особенно во время Великого поста, когда они были вдвоем с отцом Арсением и хранили молчание целую неделю. Говорили только после субботней вечерни до воскресного повечерия и затем молчали целую неделю. Объяснялись жестами. И поскольку старец узнал, как велика польза от подвига молчания, то и нам запрещал разговаривать между собой; только ради крайней необходимости он позволял нам нарушать молчание. Когда он посылал кого-то из нас для выполнения некоторого "служения" за пределы нашего исихастирия^[6], то не разрешал нам говорить ни с кем. Помню, когда я возвращался, он всегда устраивал мне строгий допрос, сохранил ли я совершенное послушание и молчание. За нарушение в виде двух-трех слов моя первая епитимья была двести поклонов.

Однако этот небесный человек умел с таким мастерством исцелять страсти своих послушников, что, просто находясь рядом с ним, они становились другими людьми. Но оставались немногие, хотя многие приходили. Остаться с ним было нелегко. В частности, меня его отеческая любовь воспитывала так, что, наверное, некоторым, если бы они услышали, это показалось бы невероятным. Например, за двенадцать лет, которые мы прожили вместе, всего лишь несколько раз я услышал свое имя из его уст. Чтобы обратиться ко мне или меня позвать, он использовал всевозможные бранные слова и все соответствующие им эпитеты. Но сколько любви было в этих искусных колкостях, какое чистое сочувствие стояло за этой бранью! И как благодарна сейчас моя душа за эти хирургические вмешательства его чистейшего языка! Мы пробыли в пустыне довольно долго. Но из-за различных напастей почти все болели. Старец получил в молитве извещение, что нам нужно спуститься пониже, что и было сделано. Там климат был помягче, труды поумеренней, и мы все поправились, за исключением старца: он болел всю свою жизнь. Может быть, от поста, может быть, от трудов бдения, от молитвы до пота или под действием искушений. Во всяком случае, от всего этого он весь превратился в одну сплошную рану.

Однажды я спросил его: - Старче, почему и сейчас, после такого изнурения, вы так строго поститесь?

И он мне ответил: - Сейчас, дитя мое, я пощусь, чтобы наш Благий Бог дал вам Свою благодать.

Но, несмотря на его телесные болезни и страдания, он ощущал в себе такую душевную благодать и блаженство, что, затрудняясь их описать, говорил, что чувствует, будто у него в душе рай. Наконец пришло время его отшествия. Смерти он ожидал всю свою жизнь, ибо пребывание его здесь было подвигом, трудом и болезнью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. И, несмотря на то, что с самого начала он привил нам твердую память смерти, на

нас произвело очень сильное впечатление то, как он свыкся со "страшнейшим таинством смерти". Казалось, что он готовится к празднику. Так совесть извещала его о божественной милости. Однако в последние дни он снова стал плакать больше обычного. Отец Арсений говорит, чтобы его утешить:

- Старче, вы столько трудились, столько молились всю свою жизнь, столько плакали, и опять плачете? Старец посмотрел на него и вздохнул:

- Ах, отец Арсений, правда то, что ты сказал, но ведь я - человек. Разве я знаю, было ли угодно то, что я сделал, моему Богу? Он Бог. Он судит не так, как мы, люди. И разве мы вернемся еще сюда, чтобы поплакать? Только то, что успеет сейчас каждый из нас... Чем больше будет рыдать и плакать, тем большее получит утешение. Любовь его к нашей Пресвятой была выше всякого описания. Стоило ему упомянуть Ее имя, как глаза его наполнялись слезами. Он давно просил Ее забрать его, чтобы он получил отдохновение. И Всецарица услышала его. Она известила его за месяц до его отшествия. Тогда старец позвал меня и указал, что нам нужно приготовить. Мы стали ждать.

Накануне его преставления, 14 августа 1959 года, старца посетил господин Схинас из Волоса. Они были очень близко знакомы. - Как поживаете, старче? - спросил его Схинас. - Как ваше здоровье?

- Завтра, Сотирис, отправляюсь на вечную родину. Когда услышишь колокола, вспомни мое слово. Вечером на всенощном бдении в честь Успения нашей Пресвятой старец пел, сколько мог, вместе с отцами. На божественной литургии во время причащения пречистых тайн он сказал: "Напутие живота вечного".

Наступил рассвет 15 августа. Старец сидит в своем мученическом креслице во дворе нашего исихастирия, ожидает часа и мгновения. Он не сомневается в извещении, которое ему дала наша Пресвятая, но, видя, что время идет и солнце восходит, начинает чувствовать что-то вроде огорчения, беспокойства от задержки. Это - последнее посещение лукавого. Старец позвал меня и сказал: - Дитя мое, почему Бог медлит и не забирает меня? Солнце восходит, а я еще здесь!

Видя, как старец печалится и почти уже не может терпеть, я осмеливаюсь сказать ему: - Старче, не огорчайтесь, сейчас мы начнем читать молитву, и вы отойдете.

Его слезы прекратились. Отцы взялись каждый за свои четки и начали усиленно молиться. Не прошло и четверти часа, как он мне говорит: - Позови отцов, чтобы положили поклон, потому что я отхожу.

Мы поклонились ему в последний раз. Вскоре после этого он поднял свои глаза и неотрывно смотрел вверх около двух минут. Затем повернулся и, исполненный трезвения и невыразимого душевного изумления, сказал нам: - Все кончилось, отхожу, отправляюсь, благословите!

И с последними словами приподнял голову вправо, два-три раза тихо открыл и закрыл уста и глаза, и всё. Он предал свою душу в руки Того, Которого желал и Которому работал от юности. Воистину преподобническая смерть. У нас она вызвала ощущение воскресения. Перед нами был покойник, и уместна была скорбь, но в душе мы переживали воскресение. И это чувство не исчезло. С тех пор оно сопровождает наши воспоминания о приснопамятном святом старце.

Поскольку его жизнь сама по себе была для нас письменным и устным наставлением, поскольку мы познали на собственном опыте силу его слов и поскольку многие уже много лет настоятельно просят нас написать о святом старце, в этой книге мы даем ему самому возможность говорить посредством своих писем. Старец Иосиф с мирской точки зрения был неграмотным - окончил всего два класса начальной школы. Однако был премудрым в вещах

божественных. Богонаученным. Университет пустыни научил его тому, в чем мы главным образом нуждаемся, - вещам небесным.

Мы знаем, что монашествующим слова старца принесут пользу. Знаем, что они принесут пользу и подвижающимся подвигом добрым в миру. Если же принесут и еще кому-нибудь пользу - Господь это знает, и пусть Он сотворит, как благоволит Его благодать. Во всяком случае, подобные поучения и слушать не легко, не имея мужественного образа мыслей, и на деле они не могут быть исполнены без подвига и большого труда. Мы весьма благодарны всем потрудившимся для данного издания и призываем на них благословение блаженного старца.

Архимандрит Ефрем,
проигумен святой общежительной обители
преподобного Филофея на Святой Горе (обратно)

ПРЕДИСЛОВИЕ ГРЕЧЕСКИХ ИЗДАТЕЛЕЙ

Благодатное слово есть вода живая. Освежающей водой станет чтение этой смиренной книги для желающих погасить в себе любовещественный огонь и зажечь в своем сердце невещественный огонь божественной любви.

Эти письма старца Иосифа - плод его внутренней жизни, выражение его монашеского опыта, родник воды живой. Жаждающий этой воды видит ее перед собой.

Это восемьдесят два письма из числа многих, написанных мудрым в божественных предметах старцем. Он не выучил, он испытал божественное. И вот он мудро и неложно, смиренно и искусно учит, описывая на этих страницах свою жизнь.

Вся книга разделена на две части. Первую составляют все письма, кроме одного, последнего. Оно одно составляет вторую часть книги. Это пространное письмо - в некотором роде трактат в виде письма, адресованный исихасту, живущему в пустыне. Оно разделено на двенадцать глав. Все остальные письма - из переписки старца с его духовными чадами в миру и вне мира, то есть с монашествующими и мирянами.

Некоторые из них живы, а некоторые преставились. Поэтому по благословной причине имена и личные или близкие к таковым моменты опущены. Хорошо это или плохо, но мы не стали приводить в точности цитаты из Священного Писания, которые с такой глубиной истолковывает богонаученный старец.

Сначала возникло искушение с примечаниями. Мы задались вопросом: писать примечания к тексту или нет? Мы знаем, что сил для ЭТОГО у нас недостаточно. Но возможно, что и само своеобразие данного текста не способствует этому опыту. Во всяком случае, мы предпочли, чтобы от чтения текста в уме и сердце читателя осталась некоторая неопределенность, тому, чтобы использовались примечания и комментарии. Ибо прежде чем будет закончено чтение всей книги, большинство недоумений будет разрешено. Другие же превратятся в изумление и удивление благодаря знакомству с многоопытным, многострадальным старцем и вышней мудростью его писаний.

С другой стороны, мы не делаем сейчас критического издания. Мы предлагаем, насколько это для нас возможно, готовое слово Божие для назидания и спасения душ. Итак, никаких примечаний. Следует сказать, что одно письмо от другого письма или, скорее, одни письма от других писем отличаются по длине, по стилю, по лексике - соответственно лицам, теме или душевному состоянию, в котором находился старец в момент их написания.

Обычно он писал ночью, после многочасовой сердечной молитвы. "Тружусь умно, -

говорит он, - и исполняю неопустительно свои монашеские обязанности. И по ночам достаточно долго, после того как ум устанет в молитве, пишу немало писем, когда христиане из многих мест просят у меня помощи". После прочтения некоторых писем читатель убедится в том, что речь, текущая перед ним непринужденно, естественно, изящно, обладает каким-то ритмом, размером, некоей гармоничной "прозаической" поэзией.

Вы встретите на этих страницах частое, но не утомительное употребление некоторых вспомогательных слов: "итак", "который", "но" и т. п. Также в разных местах встречается и необычное, своеобразное глагольное управление. Можно найти здесь новые слова и выражения. Их создала потребность старца исчерпать неисчерпаемое богатство своих мыслей. Приведем в качестве примера одно предложение: "Благодать же, чтобы сказать яснее, - это малый или великий дар беспредельного божественного богатствовоздаяния, которое Он, как благий, раздает по беспредельной благодати".

Когда вы дойдете до писем о болезнях, не торопитесь с выводами. К концу вы найдете более мягкую точку зрения старца. Это очень характерно: сначала - взгляд юношеской ревности и исключительно личного опыта, потом - зрелости и отеческой ответственности, умеряющей крайности и указывающей в конце концов ради многих скорее средний и царский путь. Необходимо также отметить, что время от времени по ходу речи меняются лица, единственное число переходит во множественное, поскольку речь об одном конкретном лице расширяется и распространяется на всю общежительную братию, а возможно, и на последующих нынешних читателей.

И слышах глас с небесе глаголющ ми: напиши: блажени мертвии умирающие о Господе от ныне; ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих, дела бо их ходят вслед с ними^[7]. В Отечнике говорится об авве Аммоне, который, идя навестить Антония Великого, по дороге заблудился и, устав, прилег, чтобы немного поспать. Проснувшись, он помолился Богу и сказал: "Господи Боже мой, прошу любовь Твою, не дай погибнуть Твоему созданию!" Тогда ему явилась божественная помощь в виде руки, висевшей на небе и указывавшей ему путь до тех пор, пока он не пришел и не остановился у пещеры святого Антония.

Если бы нам было позволено некое смиренное сравнение, мы бы могли сказать, что в течение двадцати лет после своего преставления старец Иосиф как бы выводит своими письмами на мысленную твердь и предлагает свои духоносные писания как руководство для СВОИХ чад. Он как бы указывает нам путь, по которому прошел сам, следуя стопам отцов, чтобы по нему шли и мы. Теперь вы можете увидеть, как вода живая истекает из его уст, как богатство мыслей изливается из естественной гармонии его слов.

"Волны мыслей ударяют мой ум. Язык немеет в беседе, не в силах произносить слова. Мысленные насосы изливают обильный дождь, но земли в наши дни совсем немного. Великое богатство - наш Господь, но, к несчастью, наследников мало. Нужны огромные усилия, а в наших местах царит бездействие. Поэтому я вынужден прокладывать оросительные каналы в мир, ибо есть надежда, что слово примут чистые души и я получу пользу - награду любви. Итак, послушайте мои слова, даруйте мне ваш слух..."

Часть 1. Письма к монашествующим и мирянам

1. Юноше,

вопросившему о молитве Иисусовой^[8] Возлюбленный во Христе брат мой, мир тебе! Сегодня я стал обладателем твоего письма и даю тебе ответ на то, о чем ты мне пишешь. Сведения, которых ты просишь, не требуют от меня много времени и труда, чтобы подумать и ответить.

Умная молитва для меня как ремесло для каждого человека, ибо я тружусь в ней более тридцати шести лет.

Когда я пришел на Святую Гору, то сразу стал искать пустынных, которые трудятся в молитве. Тогда, сорок лет назад, было много живших напряженной духовной жизнью. Людей добродетельных. Седых старчиков. Из них мы избрали себе старцев, и они были нашими наставниками.

Итак, делание умной молитвы заключается в понуждении себя произносить все время молитву устами, непрестанно. Вначале быстро, чтобы ум не успевал образовывать помысл парения. Внимай только словам: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Когда это продлится достаточно долго, ум к этому привыкает и сам их произносит. И ты чувствуешь сладость, как будто у тебя в устах мед. И хочешь все время их произносить. И если перестаешь, то очень огорчаешься.

Когда ум к ним привыкнет и насытится - хорошо их выучит, - тогда посылает их в сердце. Потому что ум - питатель души, и, если он что-то доброе или злое узнает или услышит, работа его - опустить это в сердце, центр духовной и телесной силы человека, престол ума. И когда молящийся не дает своему уму ничего представлять, но внимает только словам молитвы, тогда, дыша легко, с некоторым понуждением и усилием своей воли опускает его в сердце, и держит его там как бы взаперти, и размеренно произносит молитву:

"Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Вначале он произносит несколько раз молитву и делает один вдох. Затем, когда ум привыкнет стоять в сердце, он произносит одну молитву на каждом вдохе. "Господи Иисусе Христе" - вдох, "помилуй мя" - выдох. Это совершается до тех пор, пока не осенит и не начнет действовать в душе благодать; после этого - уже созерцание.

Итак, везде читается молитва: и сидя, и в постели, и на ходу, и стоя. "Непрестанно молитесь; о всем благодарите"^[9], - говорит апостол. Речь не о том, однако, чтобы, только когда ляжешь, молиться. Нужен подвиг: стоя, сидя. Когда устаешь, садишься. И снова стоя. Чтобы тебя не одолел сон.

Это называется деланием. Ты показываешь Богу свое произволение, но все зависит от Него, даст ли Он тебе это. Бог есть начало и конец. Благодать Его делает все. Она - движущая сила.

А чтобы появилась и стала действовать любовь, нужно хранить заповеди. Когда ты встаешь ночью и молишься, когда видишь больного и ему сострадаешь, видишь вдову и сирот, стариков и оказываешь им милосердие, тогда тебя любит Бог. И тогда и ты Его любишь. Он первый любит и изливает Свою благодать. И мы отдаем свое от своего, "Твоя от Твоих".

Итак, если стремишься найти Его только через молитву, не делай вздоха без молитвы. Смотри только не принимай мечтаний. Ибо Бог безвиден, невообразим, бесцветен: Он

всесовершенен. Ему не нужны силлогизмы. Он действует, как легкое дуновение в нашем уме.

Умиление приходит, когда думаешь, насколько ты огорчил Бога. Того, Кто настолько добр, настолько сладок, настолько милостив, благ, весь полон любви. Кто распялся и все претерпел ради нас. Размышление об этом и обо всем, что претерпел Господь, приносит умиление.

Итак, если сможешь читать молитву вслух и непрерывно, то через два-три месяца к ней привыкнешь. И благодать будет осенять тебя и освежать. Только произноси ее вслух, без перерыва, и, когда ее примет ум, тогда ты отдохнешь от чтения ее языком. И опять - когда ее оставляет ум, начинает язык. Все усилия направляются на язык вначале, пока ты не привыкнешь, потом все годы твоей жизни ее будет произносить ум без труда.

Когда ты приедешь, как говоришь, на Святую Гору, приди, чтобы увидеться с нами. Но тогда поговорим о других вещах. У тебя не останется времени для молитвы. Молитву обретишь там, где будет спокоен твой ум. Здесь ты будешь ходить по монастырям, и твой ум будет отвлекаться на другое, на то, что ты будешь слышать и видеть.

Я уверен, что ты обретишь молитву. Не сомневайся. Только стучи прямо в дверь божественной милости, и в любом случае Христос тебе откроет. Иначе быть не может. Возлюби Его много, чтобы принять много. В любви к Нему, большой или малой, заключается и дарование - большое или малое.

2. Ему

же о молитве Иисусовой и ответы на вопросы Я очень обрадовался твоему усердию принести пользу своей душе. И я жажду принести пользу каждому брату, стремящемуся спастись.

Итак, возлюбленный мой и желаннейший брат, отверзи свои уши. Предназначение человека, после того как он родится в эту жизнь, - найти Бога. Но он не может Его найти, если сначала его не найдет Бог. "О Нем бо живем и движемся"^[10], но наши страсти закрыли нам душевные очи, и мы не видим. Когда, однако, обратит к нам Свой глазик преблагий наш Бог, тогда мы просыпаемся, как ото сна, и начинаем искать свое спасение.

Поэтому, относительно твоего первого вопроса: сейчас на тебя посмотрел Бог, и тебя просветил, и тебя наставляет. Там, где находишься, трудись. Читай непрерывно Иисусову молитву: языком и умом. Когда язык устает, пусть начинает ум. И опять, когда отягощается ум, - язык. Только не останавливайся. Делай много поклонов. Бодрствуй ночью, сколько можешь. И если возгорится пламя и любовь к Богу в твоём сердце, и ты будешь искать безмолвия и не сможешь оставаться в миру, потому что в тебе будет гореть молитва, тогда напиши мне, и я скажу тебе, что делать. Если же благодать будет действовать не так, но усердие будет держаться в пределах того, чтобы исполнять заповеди Господни по отношению к ближнему, тогда успокойся на том, что есть и что у тебя все в порядке; не ищи ничего другого. Разницу между тридцатью, шестьюдесятью, сотней найдешь, когда прочитаешь "Эвергетинос"^[11]. Найдешь там и многое другое подобного рода и получишь большую пользу.

Вот ответ на другие твои вопросы: молитва должна произноситься так, внутренней речью. Но так как вначале ум к ней не привык, он забывает о ней. Поэтому произносишь ее иногда устами, а иногда умом. И это бывает до тех пор, пока ум ею не насытится и молитва не станет действием.

Действием называется то, что, когда читаешь молитву, чувствуешь в себе радость и

веселие и хочешь непрерывно ее произносить. Итак, когда ум примет молитву и появится радость, о которой я тебе пишу, тогда она будет произноситься в тебе непрестанно, без понуждения с твоей стороны. Это называется чувством-действием, так как благодать действует помимо воли человека. Он ест, ходит, спит, просыпается, а внутри постоянно возглашает молитву и имеет мир, радость.

Теперь - о часах молитвы: так как ты находишься в миру и у тебя есть разные попечения, то совершай молитву, когда находишь время. Но понуждай себя постоянно, чтобы не вознестись. А что касается "созерцания", которого ты ищешь, то там оно труднодостижимо, ибо требует совершенного безмолвия.

Духовное состояние разделяется на три чина, и соответствующим образом действует благодать в человеке. Одно состояние называется очистительным, оно очищает человека. Та благодать, которую ты сейчас имеешь, называется очистительной. Она побуждает человека к покаянию. Все усердие к духовному, которое у тебя есть, - всё от благодати. Твоего собственного нет ничего. Она тайно все совершает. И эта благодать, когда понуждаешь себя, остается с тобой в течение нескольких лет. И если человек преуспеет в умной молитве, то принимает другую благодать, сильно отличающуюся от прежней.

Первая благодать, как мы сказали, называется чувством-действием и является очистительной, ибо молящийся почувствовал в себе божественное движение-действие.

Другая называется просвещающей. С ней человек принимает свет ведения, возводится к созерцанию Бога. Не свет, не мечтания, не образы, а озарение ума, чистота помыслов, глубина мыслей. Чтобы это пришло, молящемуся нужно иметь совершенное безмолвие и истинного наставника.

И третье состояние - осенение благодати - есть следующая за ними совершенная благодать, являющаяся великим дарованием. Не пишу тебе сейчас об этом, потому что и нужды нет. Но если ты хочешь прочесть об этом, то я написал, несмотря на свою неграмотность, когда испытывал эти действия, рукописную книжечку "Духодвижимая труба" [\[12\]](#). Постарайся ее найти. Купи еще святого Макария у Схинаса [\[13\]](#), авву Исаака - получишь большую пользу. И если у тебя будут какие-то изменения, напиши мне, и я тебе отвечу с большим усердием.

Я сейчас все время пишу тем, которые спрашивают. В этом году приезжали из Германии только для ТОГО, чтобы узнать об умной молитве. Из Америки мне пишут с таким усердием! В Париже так много горячо просящих! Мы здесь, у себя под ногами, почему нерадим? Разве призывать непрестанно имя Христово, чтобы Он нас помиловал, то же, что землю копать?

И наконец, распространена одна темная идея искуателя-диавола: если человек читает молитву Иисусову, все боятся, что он впадет в прелесть, хотя как раз то, что они говорят, и есть прелесть.

Кто хочет, пусть попробует. И когда действие молитвы продлится долгое время, у него в душе будет рай. Он освободится от страстей, станет другим человеком. Если же он еще и в пустыне, о!., о!.. Нельзя описать благ молитвы!

3. Монаху,

вступающему на поприще подвижничества Радуйся о Господе, чадо возлюбленное, которое благодать Иисуса моего просветила и избавила от мира. Которое улетело в пустыню и водворилось в киновии со святой братией. И ныне славословит и благодарит Бога от души.

Божественная благодать, чадо мое, как наживка, входит в душу и ненасильственно

влечет человека к высоте и к высшему. Она знает способ уловлять словесных рыб и выводить их из мирского моря. Однако что после этого?

Когда Бог изведет из мира приходящего монашествовать и приведет его в пустыню, Он не показывает ему сразу ни его страсти, ни искушения до тех пор, пока тот не станет монахом и пока Христос не свяжет его страхом Своим. И тогда начинается испытание, подвиг и брань.

И если с самого начала испытываемый понудит себя и сумеет зажечь с помощью подвига свечу подвижничества, она не угасает, когда удалится благодать, когда придут искушения. В противном случае, когда отойдет благодать, то и он придет в свое прежнее состояние. И соответственно, вернутся страсти, которые были у него в миру, восстанут искушения и приведут в движение прежние привычки, которым он работал и которыми был поработан.

И прежде всего, знай, чадо мое, что люди очень сильно отличаются друг от друга, и монахи также. Есть души с мягким характером, которые подчиняются с большой легкостью. Есть и души с жестким характером, которые не подчиняются легко. Они отличаются друг от друга, как вата от железа. Вата требует только помазания словом. А железо требует огня и печи искушений для обработки. И таковому нужно иметь терпение в искушениях, чтобы произошло очищение. Когда у него нет терпения, он - фонарь без елея: быстро гаснет и пропадает.

И когда человек с такой природой, жестче железа, приходит монашествовать, то лишь только выходит на поприще, - сразу отступает от послушания. Сразу слагает с себя обеты и отказывается от битвы. И видишь: стоит ненадолго скрыться благодати, чтобы было испытано его произволение и терпение, как он сразу бросает оружие и начинает раскаиваться в том, что пришел, чтобы стать монахом. И проводит дни свои полный преслушания и горечи, весь - противоречие и превозношение.

Благодать постепенно, по молитвам старца, прогоняет тучи искушений, чтобы он немного пришел в себя и отрезвился. Но он вскоре снова - своеволие и преслушание, снова - смятение и возмущение.

Ты пишешь о брате, которого там видишь, и удивляешься, что он столько труда вкладывает в свое монастырское служение, а в душе у него все еще господствует гордость. Но разве ты считаешь, что человеку легко победить страсть?

Благодеяния, и милостыни, и все внешние добрые дела не смягчают надменности сердца. Но умное делание, боль покаяния, сокрушение и смирение - вот что смиряет бесчинное мудрование. И непослушный человек - это большой и неудобноносимый труд.

Только при крайнем терпении его можно привести в хорошее состояние. Только при крайнем терпении старцев, терпении и любви братии могут прийти в чувство жестоковольные послушники. Но вот и они часто бывают необходимы, как правая рука. И почти всегда таким, у которых есть какое-нибудь дарование, которого нет у других, трудно смириться. Они думают: они - что-то, а другие - ничто.

Итак, нужно много труда и много долготерпения, пока не будет раскопано это старое основание гордости и не будет положено другое основание - смирение и послушание Христово. Однако Господь, видя труды и произволение и тех и других, попускает им такое искушение, которое противодействует их страсти, и по милости Своей спасает и их, "всем хотяй спастися"^[14]. Ты же смотри, на кого хочешь быть похож.

Лучше всего было бы, если бы все имели хороший характер, были смиренными и послушными. Но если окажется у кого-нибудь природа жестче железа, пусть не отчаивается. Ему нужен подвиг, но по благодати Божией он может победить. Бог же не неправеден, чтобы потребовать одно вместо другого. Какие дал дарования, такого требует и воздаяния.

Потому что от начала творения Он на три чина разделил людей: одному дал пять

талантов, другому - два, а третьему - один.

У первого - высшие дарования, он имеет более восприимчивый ум и называется богонаученным, ибо принимает от Бога без обучения. Такими были в древние времена Антоний Великий, святой Онуфрий, преподобная Мария Египетская, Кирилл Филеот, Лука Элладский и тысячи других, которые без наставника стали совершенными.

Второй должен научиться добру, чтобы его творить. Третий же, если и услышит, если и узнает, прячет его в землю - не делает ничего.

Вот поэтому существует такое различие среди людей и монахов, которое ты видишь. И поэтому прежде всего - "познай себя", то есть узнай самого себя, каков ты. Каков ты воистину, а не каков ты по твоему мнению. С таким познанием становишься мудрее всех людей, и в смирение приходишь, и благодать получаешь от Господа. Если же не приобретешь самопознания, а будешь рассчитывать только на свой труд, знай, что всегда будешь находиться вдали от пути. Ибо не говорит пророк: "Вижь, Господи, труд мой", а "Вижь, - говорит, - смирение мое и труд мой"^[15]. Труд - для тела, смирение - для души; и, опять-таки, то и другое вместе, труд и смирение, - для всего человека.

Кто победил диавола? Тот, кто познал собственную немощь, страсти и недостатки, которые у него есть. Боящийся познать себя пребывает далеко от знания и ничто другое не любит, как только видеть ошибки других и их судить. Он не видит у других дарований, а видит только недостатки. Не видит в себе недостатков, а только дарования. И это воистину недостаток, которым страдаем мы, люди восьмого века^[16], не признающие дарований друг в друге. Один лишен многих, но разве многие имеют их все? Что есть у одного, того нет у другого. И если признаем это, приходит большое смирение. Поскольку чтится и прославляется Бог, Который разнообразно украсил людей и показал неравенство во всех Своих творениях. Не так, как усиленно пытаются нечестивые ввести равенство, извращая божественное творение. Бог вся премудростью сотворил^[17].

Поэтому, чадо мое, сейчас, пока еще начало, постарайся хорошо познать самого себя, чтобы положить твердое основание - смирение. Постарайся научиться послушанию, приобрести Иисусову молитву.

"Господи Иисусе Христе, помилуй мя" пусть будет твоим дыханием.

Не оставляй свой ум праздным, чтобы не научиться злу. Не позволяй себе смотреть на недостатки других, ибо, не подозревая о том, окажешься помощником лукавого и лишишься преуспевания во благом. Не делайся по неведению союзником врага твоей души.

Враг, будучи злокозненным, хорошо умеет прятаться за страстями и слабостями. Поэтому, чтобы поразить его, ты должен сразиться с самим собой, умертвить самого себя - все страсти. Когда ветхий человек умрет, тогда упразднится сила врага и противника.

Наша борьба не против человека, которого можно умертвить разными способами, но к началом и ко властям... тьмы^[18]. С ними воюют не пирожными и мармеладом, но потоками слез, болью души до смерти, крайним смирением и величайшим терпением. Чтобы текла кровь от утруждения в молитве. Чтобы ты от изнурения падал и лежал неделями, как тяжелобольной. И не отказывайся от брани, пока не будут побеждены и не отступят бесы. Тогда получишь свободу от страстей.

Итак, чадо мое, понуждай самого себя с самого начала войти через узкие врата, ибо только они вводят в широту рая. Отсекай каждый день и час свою волю и не ищи другого пути, кроме этого. Им шествовали ноги преподобных отцов. Открой и ты ко Господу путь твой, и Той тя наставит^[19]. Открой старцу свои помыслы, и он тебя исцелит. Не скрывай никогда своего помысла, ибо в нем находится скрытое лукавство диавола; при исповедании

оно исчезает. Не открывая грех другого для своего собственного оправдания, ибо благодать, которая до сих пор тебя покрывала, сразу откроет твои собственные грехи. Насколько ты по любви покрываешь брата, настолько благодать согревает и хранит тебя от клеветы человеческой.

Что же касается того брата, о котором ты говоришь, то, кажется, у него есть неисповеданные грехи, потому что он стыдится о них сказать своему старцу. И поэтому возникает искушение. Но эту нелепость нужно исправить, ибо без искренней исповеди человек не очищается. И очень жаль, что он позволяет бесу смеяться над собой. Причина этому - скрытая гордость. Господь да просветит его, чтобы он пришел в чувство. Ты молись и имей любовь к нему и ко всем, но храни себя от всех.

Однако сейчас, когда ты вступил на поприще, тебе предстоит испытать многообразные искушения, и готовься терпеть. Произноси постоянно молитву Иисусову, и Господь поможет тебе Своей благодатью. Искушения никогда не бывают сильнее благодати.

4. "Дитя

мое, если ты будешь внимателен к тому, что я тебе пишу..."

Дитя мое, если ты будешь внимателен к тому, что я тебе пишу, и будешь понуждать самого себя, обрешь большую пользу. Все это происходит с тобой потому, что ты не понуждаешь себя к молитве Иисусовой. Итак, понуждай себя. Читай непрестанно молитву. Вообще не закрывай уста. Так внутренне к ней привыкнешь, и затем ее примет ум. Не переставай следить за помыслами, чтобы не расслабиться и не оскверниться.

Иисусова молитва, постоянное понуждение естества - и увидишь, какую получишь благодать.

Жизнь человека, дитя мое, есть скорбь, ибо она проходит в изгнании. Не ищи совершенного успокоения. Христос наш поднял крест, и мы поднимем. Если вытерпим все скорби, обречем благодать у Господа. Поэтому Господь попускает нам искушения, чтобы испытать ревность и любовь к Нему. Поэтому нужно терпение. Без терпения человек не становится деятелем, не научается духовному, не достигает меры добродетели и совершенства.

Люби Иисуса и читай непрестанно молитву Иисусову, и она тебя будет просвещать на Его пути.

Смотри, не осуждай. Ибо из-за этого Бог попускает, и благодать уходит, и Господь оставляет тебя, чтобы ты падал, смирялся, видел свои собственные согрешения.

То, что ты пишешь, - хорошо. Первое, что ты чувствуешь, - это благодать Божия. Когда она приходит, человек становится духовным. И все ему кажется добрым и прекрасным. Тогда он всех любит, имеет умиление, слезы, теплоту душевную. Но когда отойдет благодать для испытания человека, тогда все становится плотским и душа впадает в уныние. Ты, однако, тогда не теряй своего усердия, но возглашай постоянно молитву с понуждением, с силой, с великой болью:

- Господи Иисусе Христе, помилуй мя. И снова, и многократно то же самое, непрестанно. И как бы взирая мысленно на Христа, говори Ему: "Благодарю Тебя, Христе мой, за добро, которое Ты мне дал, и за зло, от которого я страдаю. Слава Тебе, слава Тебе, Боже мой!" И если будешь терпеть, снова придет благодать, снова - радость. Однако и снова - искушение и печаль, смущение и раздражение. Но и снова - подвиг, победа, благодарение. И это бывает до тех пор, пока мало-помалу не очистишься от страстей и не станешь духовным. И со

временем, старея, придешь в бесстрастие.

Но подвизайся, не проси, чтобы добро пришло само собой. Монахом нельзя стать в неге. Монах должен быть оскорблен, осмеян, испытан; должен упасть, подняться, стать человеком. Не в объятиях своей матери. Разве возможно, разве слышано, чтобы человек стал монахом возле своей матери, которая, стоит тебе охнуть, - "Покушай, а то заболеешь!"

Подвижничество, дитя мое, требует лишений. Добра не найдешь в ваннах и жизни с удобствами. Требуется подвиг и великий труд. Нужно, чтобы ты взывал день и ночь ко Христу. Нужно терпение во всех искушениях и скорбях. Нужно подавить гнев и похоть.

Очень устанешь, прежде чем поймешь, что молитва без внимания и трезвения - это потеря времени, труд без платы. Нужно, чтобы при всех чувствах внутри и снаружи ты поставил неусыпного стража - внимание. Ибо без него ум и душевные силы растекаются по пустым и обыденным предметам, как негодная вода, текущая по дорогам. Никто никогда не обретал молитвы без внимания и трезвения. Никто никогда не устаивался подняться к высшему, не презрев прежде нижнее. Часто ты молишься, а ум твой отвлекается то на одно, то на другое, на то, что ему нравится, к чему он по привычке тянется. И нужно большое усилие, чтобы отвлечь его от этого, для того чтобы он внимал словам молитвы.

Часто в твой помысел, в твоё слово, в слух, в зрение коварно проникает враг, а ты этого не знаешь. Впоследствии начинаешь это понимать и желаешь подвига, чтобы очиститься. Однако не изнемогай, противоборствуя духам лукавства. Благодатию Христовою победишь и испытаешь радость вместо печали.

При этом будь внимателен, скажи и другим: "Смотрите, не хвалите друг друга в лицо. Потому что даже совершенным вредит похвала, а не только вам, еще слабым".

Одному святому трижды сказал один гость, что тот хорошо плетет свое рукоделие. И на третий раз святой ему сказал: "После того как ты вошел сюда, человек, ты изгнал от меня Бога".

Видишь, какую строгость имели святые? Поэтому во всем нужно великое внимание. Только поношения и оскорбления приносят духовную пользу человеку. Ибо от них рождается смирение. Человек приобретает венцы. Терпя, подавляет гордость и тщеславие.

Поэтому, когда тебя оскорбляют: "Гордец, лицемер, нетерпеливый!" и так далее, - время терпения. Начнешь говорить - потеряешь.

Итак, всегда имей страх Божий. Имей любовь ко всем и будь внимателен, чтобы не огорчить кого-нибудь чем-нибудь и не нанести кому-то вред, ибо во время молитвы скорбь твоего брата будет для тебя препятствием.

Будь для всех добрым примером в словах и делах, и божественная благодать всегда будет тебе помогать, будет тебя покрывать.

И смотри, дитя мое, никогда в жизни не забывай, что монах должен быть для мирян примером, а не соблазном, как сам, опять-таки, должен брать пример с ангелов. Поэтому он должен быть очень внимательным, чтобы его не обокрал сатана.

Монаху понадобилось выйти в мир? Пусть выйдет. Однако он должен быть весь - глаза, весь - зрение, должен тщательно следить за тем, чтобы, принося пользу другим, самому случайно не получить вред.

Чрезвычайно опасно выходить в мир молодым монахам и монахиням, находящимся еще во цвете лет: они ходят посреди сетей.

Тем, которые пришли в зрелый возраст и от подвижничества увяли, - не так страшно. Они не столько получают вред, сколько могут принести пользу, если у них есть опыт и ведение.

Но в общем ни один монах не получает от мира никакой пользы, кроме похвал и славы,

которые окрадывают его, и он остается нагим. И горе было бы, если бы не покрывала божественная благодать соответственно нужде и цели, ради которой каждый выходит.

5. "Не одевайся в одни

листья..." Чадо мое, о Господе возлюбленное, Духа Святого порождение! Радуюсь, когда ты радуешься. Радуются начала и власти, херувимы и серафимы, ангельские воинства, лики апостолов и пророков, мучеников и праведных и Пречистая Матерь наша, Царица и Госпожа всех.

Сегодня ты возвеселил мою душу сказанным тобой посредством чернил и бумаги.

Особенно же сильно буду радоваться и веселиться, если до конца подтвердишь то, что сегодня пишешь. Поскольку брань врага начинается через три-четыре года. Ибо тогда благодать уменьшается для испытания и свеча угасает. И то, что сейчас кажется прекрасным и что действительно прекрасно, тогда покажется безобразным, черным и мрачным. Поэтому то, что сейчас с тобой происходит, вообще не считай искушениями. Поскольку другое тебя ждет. И так как ты, возлюбленное мое дитя, просишь у меня, смиренного, совета, то послушай.

Не одевайся в одни листья, но прости корни глубоко, чтобы найти источник, как это делают платаны. Чтобы ты был постоянно орошаем водой и постоянно рос. Чтобы, когда к тебе придет засуха, ты не претерпел никакого изменения. Потому что нашел собственный источник. И когда угаснет твоя нынешняя свеча, ты уже зажжешь другую своими делами. И никогда не испытаешь тьмы. А средство приобретения этого следующее. Прежде всего, совершенное и нерассуждающее послушание всем. От него рождается смирение. Признак смирения - бесчисленные слезы, которые три-четыре года текут ручьем. От них рождается непрестанная молитва, так называемая умная молитва. Так что стоит сказать: "Иисусе мой Сладчайший!" - текут слезы. Стоит сказать: "Моя Пресвятая!" - не можешь удержаться. Тогда от них рождается тишина во всем теле и совершенный мир.

Один брат захотел как-то удержать себя, потому что у него начали течь слезы, а кто-то постучал в дверь, и не смог, пока они не прекратились: такую силу они имеют.

Итак, если их стяжешь, тебе будут не страшны изменения. Потому что станешь человеком с другим естеством. Не то чтобы изменялось естество, но его свойства благодать изменяет посредством божественных энергий Божиих.

Так называемый "устав" должен заключать в себе суть, как листья деревьев покрывают плоды.

Псалмопение пусть совершается смиренно. Ум пусть гонится за смыслом тропаря. Разум пусть наслаждается тем, что воспринимает ум, и пусть возводится в созерцание этого.

Чтение также пусть совершается с великим вниманием. Тогда от всего этого душа вырастает, делается большой; угасает, умирает ветхий человек, и обновляется новый и изобилует любовью Христовой. И человек уже совсем не удовлетворяется земным, но непрерывно желает небесного.

Также относительно тела: оно должно подвизаться изо всех сил, всегда быть поработанным духу. Совсем его не жалея. И ешь ли, работаешь ли - не прекращай молитву Иисусову.

При всех же молитвах ум пусть следит за тем и понимает то, о чем ты молишься и что ты говоришь. Ибо если ты не понимаешь, что говоришь, то как может возникнуть взаимопонимание с Богом и как Он может даровать тебе то, о чем ты просишь?

Если сохранишь это, благо тебе будет. Спасешься навсегда и меня обрадуешь. Если же по нерадению слушаешься, станешь виновником скорби для многих.

6. "Ты пишешь о гневе"

в сердце безумного..." Итак, послушай меня опять.

Положи твердое основание. Строй прекрасную палату на небесах. Очищай внутреннее [\[20\]](#)стекляницы, как нас учит Господь, чтобы она стала и снаружи чистой. Поскольку все исполняемое посредством тела - это листья, украшающие внешнего человека.

И это хорошо и прекрасно. То же, что я написал тебе прежде, очищает человека изнутри. Сие откроет душевные очи. Сим очистится сердце, чтобы увидеть Бога в день оный, поскольку без умного делания мало пользы от внешнего.

Если же не видишь слез, текущих всякий раз при воспоминании о Боге, то ты болен неведением, от которого рождается гордость и, ожесточается сердце.

Итак, да будет смирение одеянием во всех твоих движениях, и будь для братии губкой, очищающей все поношения и унижения, напоая свою душу не почестями и похвалами, но поношениями и обвинениями, будучи неповинным.

Не пытайся никогда доказать свою правоту, ибо тогда будешь неправ. Но научись терпеть мужественно искушения, какие бы ни попустил Господь. Без многих оправданий говори: "Прости!" - и, не согрешив, кайся, что согрешил. С душевным сознанием, а не внешне, ради похвалы, говори, что согрешил, и внутренне осуждай себя.

Не ищи в своих скорбях утешения у людей, и получишь утешение от Бога.

Мост, через который переходим мы все, - прощение падающих, и, если ты не прощаешь падающего - разрушаешь мост, через который должен был перейти. Итак, стань добрым примером и образцом для других своими добрыми и благоугодными Господу делами и не желай всех победить своим языком.

Не помышляй о покое, если, когда с кем-то говоришь, захочешь доказать свою правоту. Правота в том, чтобы мужественно претерпеть приходящие искушения и выйти победителем, согрешил ты или не согрешил. Если же говоришь: "А почему?" - борешься с Богом, посылающим скорби из-за твоего страстного состояния. Бог нас наказывает, чтобы мы пришли в бесстрастие. И если этого не выносишь, то воистину воюешь с Богом.

Ты пишешь о гневе в сердце безумного. Гнев сам по себе естествен. Как нервы в теле. А он - нерв души. И каждый должен им пользоваться против демонов, людей-еретиков и всего препятствующего пути Божию. Если же гневаешься на единокровных братьев, или, бывая вне себя, разрушаешь дела рук своих, знай, что болен тщеславием и злоупотребляешь нервом души. А избавляешься от этого любовью ко всем и истинным смирением.

Поэтому, когда найдет на тебя гнев, крепко закрой рот и не говори с оскорбляющим, или позорящим, или обличающим, или всячески тебя искушающим без причины.

И этот змей взвьется в сердце, поднимется к горлу и, поскольку ты не дашь ему выхода, задохнется и лопнет. И когда это повторится несколько раз, станет слабее и прекратится совсем.

Так как человек создан разумным и кротким, то исправляется несравненно лучше любовью и кротким обращением, нежели гневом и грубостью.

Это нашел и я во многих и великих испытаниях. Добром и любовью можешь многих сделать кроткими. Если человек имеет доброе произволение, быстро можешь заставить его исправиться, стать ангелом Божиим.

Итак, это я говорю тебе и всем: никогда не стремись исправлять друг друга гневом, ибо искушение искушения не устраняет, но - смирением и искренней любовью. Если видишь, что впереди тебя идет гнев, отложи на время исправление. И когда увидишь, что гнев прошел, и пришел мир, и бесстрастно работает рассудительность, тогда говори полезное.

Никогда не видел я, чтобы совершилось исправление с помощью гнева, но всегда - с помощью любви. Тогда и вразумляемый жертвует собой. Поэтому так и поступайте. Возьми пример с самого себя: когда ты становишься кротким? От оскорблений? Или благодаря любви?

И не удивляйся словам, которые говорит оный святой в Отчнике, что "гневливый и яростный человек, если и мертвого воскресит, не принимается в Царство Божие"!

Говоришь, что считаешь мои слова. Испытай же, если это истинно, то что я тебе здесь пишу. И задуши страсть, когда она придет, чтобы тебя задушить. Держи змею запертой внутри единожды, и дважды, и многожды - и сразу найдешь путь к радости и победе. И тогда сразу действуют молитвы, которые я о тебе творю. И когда будет побеждена мать, падет вся стая дочерей, которых рождает гнев.

Ибо главные страсти, которые рождают все другие, - это гнев и похоть.

Итак, души всеми своими силами гнев во всякое мгновение, когда он придет в движение, и найдешь его после этого ослабленным. И снова продолжай его поражать и отсекай ему голову, когда увидишь, что он поднимает голову. И вскоре расцветет плод долготерпения - невозмутимость. Отсюда мир и благодать, и за этим следуют все блага.

Другая же мать - это вожделевательная сила души, которая сбрасывает наездника. И когда во всем будет употребляться воздержание и не будет прибавления вещества, тогда не будет избытка крови. А когда нет избытка крови, похоть не может сбросить человека, но воюет с ним.

Итак, противостань противоречу. Не позволяй входить помыслам, но борись с помощью молитвы. Борись мужественно, а не вяло, и они сразу ослабеют. И если будешь это делать, расцветет цветок чистоты и невинности, о котором будет радоваться душа твоя радостью неизреченной, и об извещении, что отныне уготовано тебе место упокоения. И так ослабишь злобу этой страсти и у всех дочерей злобу их.

7. "...

Послушай об одном событии, происшедшем со мной" Только что получил твое письмо и видел, что в нем; и радуюсь твоему здравью, но печалюсь о твоих скорбях.

То, что ты пишешь, дитя мое, происходит с тобой потому, что у тебя нет терпения. Ты, дитя мое, ищешь Христа, стремишься войти в Небесный Град. Молится об этом твой старец, молятся отцы, молюсь и я, убогий, здесь, среди скал. Итак, нас всех слышит Господь и ради сокрушения твоей гордой души, чтобы ты смирил и поборол гнев, ярость, раздражение, гордость, Он послал тебе одну блоху - это маленькое искушение, чтоб она тебя кусала, а ты терпел, чтобы она тебе докучала, а ты не обращал внимания. И чтобы мало-помалу ты укрощал гнев, ярость и возмущение, удушая это в себе и не позволяя грубому слову выйти из твоих уст. И тогда эта сила сатаны, которую человек подавляет в себе один, и два, и много раз, убегает и оставляет его кротким и спокойным, как ягненка.

Также послушай об одном событии, происшедшем со мной. Когда я был в миру, со всеми ссорился. Сердце у меня было львиное. И вот любовь Христова меня сокрушила. Если бы я захотел рассказать, что терпел каждый день от этой страсти, должен был бы написать книгу.

Ибо Бог, желая меня освободить, посылал мне все изощренные нападки: чтобы мне несправедливо досаждали, чтобы меня оскорбляли, чтобы надо мной издевались. Не простые издевательства, а способные убить. И, терпя и подавляя в себе сатану крайним терпением, я получил избавление от зла.

Итак, одной тяжелой зимой искушитель приготовил и направил против меня все козни, которыми привык нас искушать и которыми Бог попускает ему нас испытывать. И вот, когда он произвел три или четыре искушения и увидел тщетность своих нападений, внезапно врывается сквозь дверь ветер, настолько сильный, что срывает крышу со всеми опорами, кровлю с тысячами ок^[21] камней наверху^[22] - она пронеслась по воздуху, как самолет, - и бросает ее напротив на скалы, в снег. И мы остались в тишине под снегом.

А если ты услышишь еще и о видах искушений, то не перенесешь этого без вреда для себя, осуждая виновников. Однако, терпя испытания, получишь взамен, соответственно искушениям, благодать, которой нет меры. Поэтому не думай, что, если откажешься от одного, к тебе не придет другое искушение. Обязательно придет. И если окажешься немужественным в нем, то и в других искушениях будешь таков же.

Ибо искушение внутри нас. Ты не видишь его, дитя мое? Посмотри получше! Оно от пупа чрева поднимается в сердце, разжигает его, горячит кровь и поднимается к горлу, ударяет в голову, помрачает ум. И как бы ком стоит в горле, и перекрывает самое дыхание, и душит человека.

Наконец, его может вызывать другой, худший человек, или, вернее, и того толкает искушитель, чтобы привести тебя в возмущение и раздражение. Однако Господь это позволяет ему, чтобы ты становился с каждым днем испытаннее и пришел в бесстрастие. Ибо, когда ты готовишься и его ожидаешь, то не раздражаешься, не возмущаешься, не выходишь из себя.

Ты пишешь, что, если бы знал, что получишь благодать, вытерпел бы тысячу искушений, таких, как это. А откуда ты знаешь, что если выдержишь, то не получишь благодати? Я говорю тебе и всем братьям, что нет другой, более короткой дороги, чем терпеть искушения, которые приходят так, как они приходят. Духовное состояние человека и благодать, которую он имеет, подтверждаются терпением. Почему всех вас терпит ваш старец? Потому что имеет терпение. Этим подтверждается, что он имеет благодать, имеет добродетель.

У добродетели нет колокольчика, чтобы узнавать о ней по его звону. Колокольчик праведности - снисходительность, великодушие, терпение. Это - украшение монаха и всякого христианина.

Подвизающийся, предвидя мздовоздаяние свыше и благодать, которую получит от Господа, все терпит. Вот брату, как сильному, старец поручил выносить и терпеть искомому. Тебе же, как слабому, дал эту мельчайшую занозу. Итак, прояви терпение, чтобы и ты сделался способным выносить бесноватого. Его терпеть, ему служить, его выдерживать. Великая добродетель! Знаешь ли ты, что значит выносить и терпеть сумасшедшего?

Пришел к нам один сумасшедший, и мне стало жаль его прогонять. Отовсюду его прогоняли. Итак, я оставил его, чтобы он как человек немного передохнул, чтобы согрелось его сердце. И что же после этого? Я наложил на него строжайший пост, как говорит Господь: "Род сей ничим же может изыти, токмо молитвою и постом"^[23].

И вот, однажды мы все были во дворе, а он закрыл все двери и окна келлии и нас оставил снаружи. И, несмотря на многие уговоры, не открывал. Что нам оставалось делать? Мы нашли отвертку, выкрутили петли и открыли. И тогда он вышел.

- Слушай, - говорю я ему, - почему ты закрылся и оставил нас снаружи?

- Потому, - говорит, - что в доме были лук и картошка: я хотел один подвизаться - есть лук и картошку!

Вскоре ему стало лучше, но он ушел и снова начал бесноваться. Три раза приходил, и, только лишь выздоравливал, уходил, и снова делался сумасшедшим, и им овладевали бесы. Сейчас его держат в больнице.

Ты же будь внимателен, не презирай ни одного из малых, уничиженных и немощных мира сего. Ибо эти презрение и обида с твоей стороны не останавливаются на этих несчастных, а восходят через них к лицу Творца и Создателя, образ Которого они носят. И весьма удивишься в день оный, когда увидишь, что Святой Дух Божий почивает более на них, чем в твоём собственном сердце.

Я ещё сильнее разболелся. Как парализованный. Не могу сделать десяти шагов. Из-за этого и из-за всего остального превратился в мертвеца. Очень прошу: молитесь обо мне, ибо есть много людей, которые просят у меня помощи.

И поверьте, отцы и братия мои, что за каждую душу, получающую помощь, я испытываю брань, которой она подвергается.

Поэтому и ваш старец постоянно болен. Ибо слабеет от умственного перенапряжения и от искушений, которые ради всех вас переносит. Поэтому не говори, дитя мое, того, что тебе говорит бес: что старцу нет до тебя дела, что он не обращает внимания на твои труд и нужды. Как может не обращать внимания тот, кто ради всех вас страдает?

Будь внимателен! Оставь этот помысл и прояви терпение, чтобы Бог увидел произволение и облегчил твой труд. Прими искушение и не обвиняй того или другого. Ибо когда не терпишь то или другое искушение и жалуешься на других, то, поскольку Господь нам это посылает, Он Сам нас будет бичевать, что гораздо страшнее и весьма сурово, потому что никто из людей не может так наказывать, как наказывает Всесильный. Поэтому, дитя мое, примите наказание, да не когда прогневается Господь всяческих^[24]. Возлюбите волю Его и переносите напасти, как свои, чтобы Он не предал нас малодушию и хуле.

И когда будешь согрешать снова и падать, снова кайся. Не отчаивайся. Возбуждай в себе дерзновение и упование. Говори: "Прости меня, Христе мой", и снова: "Каюсь!" Не говори: "Мне уготован гнев Божий". Не грех ли это? Ведь мы люди.

Не ропщи на братьев. Переноси их ошибки, чтобы и они переносили твои. Люби для того, чтобы тебя любили, и терпи для того, чтобы тебя терпели. Стань добрым, и все станут добрыми к тебе. Покори свои страсти, и увидишь, что многие благоговейно будут относиться не только к твоим словам, но и к движению твоих глаз.

Что касается послушаний, о которых ты говоришь: если их много и ты не успеваешь их выполнять и приходишь в смущение, прошу и я твоего старца, чтобы он их тебе облегчил и ты не исполнял их с ропотом.

А из остального, о чем ты мне пишешь, видно, что у тебя большое тщеславие. Поэтому уничижи себя, чтобы все попирали тебя ногами. Стань землей. Бей, ударяй, возненавидь, как непримиримого врага, самого себя, совершенною ненавистью возненавидь его. Ибо если ты его не поразишь, то он тебя поразит. Мужайся, не жалея его! По благодати Божией я тебя поддерживаю. Но напоминаю тебе и слова отцов, которые говорят: "Если не прольешь кровь, то не примешь Духа".

Не считай себя человеком, если не принял благодати. И без благодати напрасно мы, люди, родились в мир.

В соответствии же с чистотой души и просвещением, которое принял каждый из нас здесь, он будет видеть Христа там ближе, яснее, и сильнее будет наслаждаться Его

благоуханием, и больше, чем другие, будет радоваться и ликовать.

Итак, не считай себя человеком, если не принял благодати.

8. "Ты

не выдержишь всего этого ради Моей любви?" Ничто другое не может так помочь утишить гнев и все страсти, как любовь к Богу и всякому сочеловеку. С помощью любви побеждаешь легче, чем с помощью других подвигов.

При этом, подвизаясь, не чувствуешь боли, когда над умом господствует любовь. Поэтому любовь не ослабевает, так как кормило души ты всегда направляешь к ней. И если что-то случится, выкрикиваешь условленные слова: "Ради любви Твоей, Иисусе мой, сладкая Любовь, переношу оскорбления, поношения, несправедливости, труды и все скорби, все, что бы со мной ни случилось". И сразу, как это подумается, бремя боли облегчается и бесовское огорчение исчезает.

И поверь тому, что я тебе скажу. Однажды из-за следующих одно за другим страшных искушений мной овладели печаль и уныние. И я судился с Богом, как обиженный.

Что Он ввергает меня в столь многие искушения, нимало их не сдерживая, чтобы я хоть перевел дух. И в этом огорченном состоянии я услышал внутри себя голос, очень сладкий и очень отчетливый, полный глубочайшего сострадания: "Ты не выдержишь всего этого ради Моей любви?" И при звуке этого голоса я залился слезами и каялся в унынии, которое мною овладело. Не забываю никогда этот голос, столь сладкий, что сразу исчезло искушение и все уныние.

- Ты не выдержишь всего этого ради Моей любви? - О, воистину сладкая Любовь! Ради любви Твоей мы распялись и все переносим!

Рассказал мне еще тот брат, что однажды была у него печаль из-за какого-то брата, которому он советовал, а тот не слушался, и у него была из-за него большая печаль. И, молясь, он пришел в исступление.

И видит Господа, пригвожденного ко кресту, всего осияваемого светом. И, подняв главу, Христос повернулся к нему и говорит: "Посмотри на Меня, сколько Я претерпел ради любви к тебе! А что ты претерпел?"

И при этих словах исчезла печаль, он наполнился радостью и миром, и, изливая источники слез, удивлялся и удивляется снисхождению Господа, Который попускает скорби, но и снова утешает, когда видит, что мы унываем.

Поэтому не унывай, не печалься в скорбях и искушениях, но любовью нашего Иисуса облегчай гнев и уныние.

И ободряй себя, говоря: "Душа моя, не унывай!" Ибо малая скорбь очищает тебя от многолетней болезни. Но вскоре она уйдет. И это так же истинно.

Искушения... Чем меньше у нас терпения, тем более сильными кажутся искушения. И чем больше привыкает человек их терпеть, тем слабее они становятся, и он преодолевает их без труда. И делается твердым, как скала.

Итак, терпение! И то, что сейчас тебе кажется трудноисполнимым, когда пройдут многие годы, само придет к тебе в руки и ты будешь владеть этим как своей собственностью, не понимая, откуда это взялось.

Поэтому трудись сейчас, в молодости, не говоря: "Почему?" - и не унывая. И когда состаришься, пожнешь урожай бесстрастия. И будешь недоумевать, откуда у тебя взялись такие прекрасные колосья, хотя ты не возделывал землю! И стал богатым, не достойный

ничего! И все твои ропот, преслушание и уныние вырастили такие плоды и благоуханные цветы!

Поэтому понуждай себя. Если и тысячекратно падет праведный, не теряет своего дерзновения, но снова поднимается и собирает силы, и Господь записывает ему победы. И победы ему не показывает, чтобы он не превозносился, а падения ставит у него перед глазами, чтобы он их видел, чтобы страдал, чтобы смирялся.

Когда же он пройдет через станы врагов и везде одержит незаметные победы, тогда Господь начинает мало-помалу ему показывать, что он побеждает, что получает награды, что руки его осязают что-то, чего он прежде просил, но что не было ему дано. И так он упражняется, испытывается, совершенствуется, насколько вмещает естество, ум, мысль и сосуд нашей души.

Поэтому мужайся и крепись о Господе и не уменьшай своего усердия. Но проси, взывай непрестанно, получаешь или нет.

9. "Итак,

Творец вдохнул в тебя и дал тебе дух жизни" Благодать же, чтобы сказать яснее, - это малый или великий дар беспредельного божественного богатствовоздаяния, которое Он, как благий, раздает по беспредельной благодати. И снова принимая то, что мы отдаем Ему как благодарение, то есть познание Бога (от которого проистекает удивление), любовь, поклонение, песнь, славословие, - все это принимая, Благий Податель снова нам воздает от Своего Свое, "Твоя от Твоих".

От Своего богатства Он наделяет, и мы, нищие, и слепые, и хромые, от него обогащаемся, и то же богатство остается у Него, без недостатка и без избытка. О величие невообразимое! Всех обогащает! Тысячи тысяч и тьмы тем обогатились и стали святыми, и то же богатство остается у Бога!

Поэтому, во-первых, знай, чадо мое, что всякое благо имеет начало от Бога. Не бывает доброго помысла не от Бога и лукавого не от диавола. Итак, все, что бы ты ни помыслил, ни сказал и ни сделал доброго, - все от дара Божия. "Всяк дар совершен свыше есть сходяй"^[25]. Всё - от дара Божия, своего собственного мы не имеем ничего.

Итак, всякий, кто желает и стремится принять благодать, чтобы Бог дал ему дар, должен, во-первых, хорошо познать свое собственное существо: "познай себя". И это - действительно истина. Ибо у каждой вещи есть начало. И если не узнаешь начала, не будет для тебя добра в конце.

Итак, и начало и истина в том, чтобы познать, что ты ничто, ноль, и что из ничего произошло все. Рече и быша... повеле и создашася^[26]. Сказал, и явилась земля, и, взяв брение, создал человека: без души, без ума - бренного человека. Вот твое существо. Вот, что такое мы все. Земля и грязь.

Это первый урок для того, кто не только хочет принять благодать, но хочет, чтобы она осталась с ним навсегда. От этого он приобретает знание, а от него рождается смирение. Пусть он не праздными словами смиреннословствует, а на твердом основании говорит истину: я земля, я брение, я грязь. Она наша первая мать.

Землю топчут, и тебя, как землю, должны топтать. Ты грязь, ты ничего не стоишь, тебя туда-сюда бросают, из тебя строят. Из одного в другое тебя переделывают, как негодный материал.

Итак, Творец вдохнул в тебя и дал тебе дух жизни. И вот ты сразу стал разумным

человеком. Ты говоришь, трудишься, пишешь, учишь: ты стал машиной Божией. Однако не забывай, что корень твой - земля. И если возьмет дух Тот, Кто тебе его дал, тобой опять будут штукатурить стены.

Поэтому поминай последняя твоя и во веки не согрешишь.^[27] Это первая причина, которая не только привлекает благодать, но и умножает ее, и удерживает. Она возводит ум к первому созерцанию естества. А без этого начала человек находит какую-нибудь малость, но по прошествии времени ее потеряет. Ибо строит не на твердой почве, а добивается этого различными способами и ухищрениями.

Если говоришь, например: "Я грешник!", но в глубине души думаешь, что ты праведник, то не можешь избежать прелести. Благодать хочет остаться, но так как ты еще в действительности не нашел истины, то по необходимости она должна уйти. Ибо ты, несомненно, согласишься своему помыслу, что ты есть то, что ты не есть, и обязательно прельстишься. И посему благодать не остается.

Поскольку у нас есть противник, крепкий искусник, изобретатель зла и творец всякой прелести, который бдит возле нашей пяты, который из света стал тьмой и знает все, который есть враг Бога и стремится всех нас сделать Его врагами. И наконец, он - лукавый дух и легко смешивается с духом, который нам даровал Бог, и берет нашу машинку, и движет ею, как сам хочет. Смотрит, куда склоняется стремление души и каким образом ей помогает Бог, и сразу сам изобретает подобное.

Ибо есть брани, о которых человек знает и их избегает. Но есть и другие, о которых он не знает, потому что это борьба умная, и человеку нелегко их различить. Это - душевные изменения, мысленные движения, телесные болезни и перемены.

Поскольку Творец, Который создал брение, взял состав из четырех стихий: сухой, влажной, горячей и холодной^[28], - потому необходимо, чтобы человек каждое мгновение страдал согласно изменению каждой стихии. То есть сохнул, увлажнялся, нагревался и охлаждался. И если излишествуют свойства какой-нибудь стихии, по необходимости заболевает тело. И следовательно, вместе с ним страдает и душа. И ум не может совершать свои умные движения, поскольку хромает вместе с телом.

Сохнет от солнечного жара тело? Сохнет и ум. Увлажняется, если идет дождь, и становится вялым тело? Становится вялым и ум. Охлаждается, если дует ветер, тело? Умножается с избытком желчь, помрачается ум, и торжествуют победу мечтания.

Итак, во всех этих изменениях благодать хотя и присутствует, однако не действует, так как органы больны, а наш враг диавол знает, как надо вести брань при каждом изменении. Ибо сухостью он тебя ожесточает, чтобы ты был как камень, чтобы прекословил, чтобы не слушался. Холодом он умеет охлаждать в тебе ревность, чтобы ты был холодным к божественному и остывшим. Жаром - заставлять тебя гневаться и возмущаться, не позволяя тебе различать истину. Поскольку, как мы сказали, появляется избыток крови и посредством теплоты приводит в движение вожделение - страстную часть души - и гнев. А влагой он рождает в тебе сонливость, вялость, упадок сил, расслабление всего тела.

Итак, от всего этого страдает тело, страдает вместе с ним и душа, хоть и умная и бестелесная.

Подобным образом и благодать. Когда она приближается к человеку, то изменяет не природу, а те же самые естественные свойства и благие преимущества, которыми одарено естество - насколько позволяют вместилища каждого - восполняет и переполняет или, наоборот, уменьшает и отнимает.

Итак, поскольку создание предшествует дуновению^[29], постольку делание должно предшествовать созерцанию. И деланием называется то, что совершается телом, а

созерцанием - то, что умно делает разум.

Невозможно без делания прийти к созерцанию. Итак, подвизайся сейчас в том, чего требует делание, а высшее придет само собой.

Вот ты узнал, что ты - брение, нищ и наг. Теперь проси Могущего воссоздать естество, чтобы Он обогатил тебя. И если Он тебе даст много или мало, знай своего Благодетеля. И не присваивай чужое как свое. С болью и слезами примешь благодать. И опять же со слезами радости и благодарности, со страхом Божиим ее удержишь. Теплотой и ревностью она привлекается, холодностью и нерадением теряется.

Христос не просит от тебя лишнего, чтобы дать тебе Свои святые дарования: только признавай, что если имеешь что-то доброе, - это Его. И сострадай не имеющему. Не осуждай его за то, что он не имеет: что он грешный, злой, лукавый, болтливый, вор, блудник и лжец. Если приобретешь это познание, никогда не сможешь никого осудить, даже если увидишь его смертно согрешающим, ибо сразу скажешь: "Нет у него, Христе мой, Твоей благодати, поэтому он согрешает. Если Ты уйдешь и от меня, я сделаю еще худшее. Если я стою - стою потому, что Ты меня поддерживаешь. Брат как видит, так делает. Он слеп. Как же Ты хочешь, чтобы он видел без очей? Он - нищ. Как же Ты требуешь, чтобы он был богат? Дай ему богатство, чтобы он его имел. Дай ему глаза, чтобы он видел".

Если будешь искать справедливость в каком бы то ни было деле: когда твой ближний поступит с тобой несправедливо, опозорит тебя, оскорбит, ударит, выгонит или покусится на твою жизнь, - то сам окажешься несправедливым, посчитав его виновным или страстно его обвинив. Ибо ты требуешь от него того, чего ему не дал Бог. И если хорошо уразумеешь то, что я тебе говорю, для тебя все будут невиновными ни в каком грехе, и только ты будешь во всем виноват.

Поскольку три врага ведут брань с человеческим родом: бесы, наше собственное естество и привычка. Помимо этого другой брани не существует.

И если удалишь беса, который мучает все человечество, тогда все мы будем хорошими. Вот кому ты должен приписать несправедливость. Его ты должен возненавидеть, его осудить и до конца относиться к нему как к врагу.

Другой враг, как мы сказали, - это естество, которое, как только человек познает мир, сопротивляется закону духа и требует всего, что пагубно для души. Вот и другой враг, который достоин ненависти до конца твоих дней. Его ты должен осуждать и обвинять.

Есть у нас вдобавок и третий враг - привычка: когда мы привыкаем делать всякого рода зло, она становится в нас душевным свойством, занимает место второй натуры и делает законом грех. И потому требует такого же подвига, чтобы мы приняли божественное изменение и избавление. Итак, вот и третий враг, который достоин совершенной ненависти.

Если хочешь, чтобы твой ближний был во всем хорошим, как тебе нравится, удали от него этих трех врагов с помощью благодати, которой обладаешь. Вот что такое справедливость; если захочешь ее найти, - молись Богу, чтоб Он его избавил от этих врагов. И тогда у вас будет согласие.

Если же ты захочешь по-другому найти справедливость, то будешь всегда несправедлив и, следовательно, благодать будет вынуждена уходить-приходить, пока не найдет успокоения в твоей душе. Ибо человек имеет право содержать в себе благодать в такой мере, насколько сильное искушение с благодарностью терпит, насколько тяжкое бремя своего ближнего безропотно несет.

Предыдущие письма, которые я тебе послал, содержали в себе "делание". Это, которое написал сейчас, содержит в себе просвещение. От делания человек получает просвещение знания. Ибо делание слепо, а просвещение - это очи, которыми ум видит то, чего не видел

прежде.

Итак, теперь у него есть светильник и глаза и он видит вещи иначе. И прежде была благодать делания, а теперь он принял десятикратную благодать. Теперь ум стал небом, видит далеко, имеет вместимость, превосходящую прежнюю. Сейчас ему недостает созерцания. Он нашел престол, как царь, и ему недостает зрелища, о котором скажем в другой раз. Ты же перепиши письма чернилами, чтобы не стерлись, так как написаны карандашом, чтобы их читать и исправлять свое житие.

10. "... Благодать всегда

предшествует искушениям как некое извещение для приготовления" Делание заключается не в том, чтобы попробовать и отступить. Делание заключается в том, чтобы выйти на единоборство, победить, потерпеть поражение, приобрести, потерять, упасть, встать, все преодолеть и продолжать подвиг и брань до последнего издыхания.

И чтобы никогда не впадать в самонадеянность, пока душа не выйдет из тела. Но когда она восходит на небо, должна ожидать, что на следующий день сойдет в ад. Не говорю уже о том, что нисхождение может произойти в то же самое мгновение. Поэтому человек не должен удивляться изменениям, но должен иметь в виду, что ему свойственно и то, и другое.

Знай, что благодать всегда предшествует искушениям как некое извещение для приготовления. И когда видишь благодать, сразу настораживайся и говори: "Пришло объявление войны! Смотри, брение, откуда даст сигнал к битве злобный". Часто он приходит быстро, и часто - через два или три дня. Во всяком случае, он придет, и пусть твердыми будут укрепления: исповедь каждый вечер, послушание старцу, смирение и любовь ко всем. И так облегчишь скорбь.

Теперь, если приходит благодать прежде очищения и тому подобное, - прошу внимания и ясности ума.

Благодать разделяется на три чина: очистительная, просвещающая и совершенная. И житие - на три: по естеству, выше естества, противно естеству. По этим трем чинам человек восходит и нисходит. И великих дара, которые получает человек, три: созерцание, любовь, бесстрастие.

Итак: деланию содействует благодать очистительная, которая помогает в очищении. И всякого, кто покался, именно благодать побудила к покаянию. И все, что человек делает, - это дело благодати, даже если этого и не знает тот, кто ее имеет. Однако она его воспитывает и его наставляет. И соответственно преуспеянию, которое принимает, он восходит, или нисходит, или остается в том же состоянии. Если у него есть ревность и самоотречение, тогда он восходит к созерцанию, за которым следует просвещение божественного познания и отчасти бесстрастие. Если охладает ревность, усердие - уменьшается и действие благодати.

Относительно молящегося со знанием, о котором ты говоришь, - это тот, кто знает, о чем молится и чего просит у Бога. Молящийся со знанием не многословит, не просит излишнего, а знает место, способ и время и просит подходящего и полезного для своей души. Он умно общается со Христом. Он обнимает Его, и удерживает, и говорит: "Не отпущу Тебя вовек".

Итак, молящийся просит оставления грехов, просит милости Господней. Если он просит и великих дарований прежде времени, Господь этого ему не дает. Ибо Бог дает их по чину. И если ты, прося, надоедаешь Ему, Он позволяет духу прелести изображать благодать и

прельщать тебя, показывая тебе одно под видом другого. Поэтому бесполезно просить превосходящих меру дарований. Но если ты и будешь услышан прежде очищения, не достигнув соответствующего чина, они превратятся в змей и будут тебя жалить. Ты же имей искреннее покаяние, оказывай всем послушание, и благодать придет сама, без твоих прошений.

Человек, как лепечущий младенец, просит у Бога Его святой воли. Бог как Преплагий Отец дает ему благодать, но дает ему и искушения. Если он безропотно терпит искушения, получает прибавление благодати. Насколько большую он получает благодать, настолько большее и прибавление искушений.

Бесы, приближаясь, чтобы начать битву, не идут туда, где ты их спокойно победишь, а проверяют, где твое слабое место. Там, где ты их совсем не ожидаешь, они пробивают стены крепости. И когда они найдут душу немощной и слабое место, всегда там побеждают человека и делают его виновным.

Ты просишь благодати у Бога? Вместо благодати Он попускает тебе искушение. Не выносишь брани, падаешь? Тебе не дается прибавление благодати. Снова просишь? Снова искушение. Снова поражение? Снова лишение - и так до конца дней. И ты должен выйти победителем. Стой против искушения насмерть. Упав без сил в битве, взывая в изнеможении: "Не отпущу Тебя, сладчайший Иисусе! И не оставлю Тебя! Неразлучным с Тобой пребуду вовек и ради любви Твоей умру на поприще". И внезапно Он предстает на поприще и взывает сквозь бурю: "Я здесь! Препояшь, как муж, чресла свои и следуй за Мной!" Ты же весь - свет и радость: "Увы мне, окаянному! Увы мне, лукавому и непотребному! Слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя; темже укорих себе сам... и мню себе землю и пепел"^[30].

Тогда ты исполняешься божественной любовью. И душа твоя горит, как у Клеопы^[31]. И в час искушения ты больше не оставишь покрывало и не убежишь нагим^[32], а терпеливо будешь переносить скорби, размышляя: как миновало одно искушение и другое, так минует и это.

Однако когда унываешь, и ропщешь, и не терпишь искушений, тогда, вместо того чтобы побеждать, ты должен постоянно каяться: о дневных согрешениях, о ночном нерадении. И вместо того чтобы получать благодать на благодать, ты увеличиваешь свои скорби.

Поэтому не страшись, не бойся искушений. И если много раз упадешь - встань. Не теряй своего хладнокровия. Не отчаивайся. Это тучи, которые пройдут.

И когда с помощью благодати, которая очищает тебя от всех страстей, ты пройдешь все то, что есть "делание", тогда твой ум будет вкушать просвещение и двигаться к созерцанию.

И первым является созерцание всего существующего: как все-все Бог сотворил для человека, и еще самих ангелов для служения ему. Какое достоинство, какое величие, какое великое предназначение имеет человек - это дуновение Божие! Не прожить здесь немногие дни своего изгнания, а жить вечно со своим Создателем. Видеть божественных ангелов, слушать их неизреченное пение. Какая радость! Какое величие! Лишь только эта наша жизнь достигает конца и закрываются эти очи, сразу открываются другие и начинается новая жизнь. Воистину радость, которая уже не имеет конца.

Думая об этом, ум погружается в мир и крайнюю тишину, которая распространяется по всему телу, и он совершенно забывает, что находится в этой жизни.

Такие созерцания сменяются одно другим. Человек не мечтает в своем уме, но таким бывает состояние - действие благодати, которая приносит помышления, и ум размышляет в созерцании. Человек их не создает - они сами приходят и восхищают ум в созерцание. И тогда ум расширяется и становится другим. Человек просвещается. Все для него открыто. Он

наполняется премудростью и, как сын, обладает тем, что принадлежит его Отцу. Он знает, что он - ничто, брение, но и сын Царя. Ничего не имеет, но всем обладает. Он наполняется богословием. Он возглашает ненасытно, с полным сознанием исповедуя, что существо его - ничто. Происхождение его - брение. А его жизненная сила? Дуновение Божие - его душа. Душа взлетает прямо на небо! "Я дуновение, дыхание Божие! Все разрушилось, осталось в земле, из которой было взято! Я сын вечного Царя! Я бог по благодати! Я бессмертен и вечен! Я через одно мгновение - рядом с моим Небесным Отцом!"

Таково поистине предназначение человека; для ЭТОГО он был создан и должен прийти туда, откуда произошел. Таковы созерцания, о которых размышляет человек духовный. И ожидает часа, когда оставит землю и душа взлетит на небеса.

Итак, держай, чадо мое, и с этой надеждой терпи всякую боль и скорбь, поскольку вскоре мы удостоимся всего этого для всех нас - равное. Все мы - чада Божии. К Нему взываем день и ночь и к сладкой нашей Мамочке, Владычице всяческих, Которая никогда не оставляет молящегося Ей.

11. "Я,

когда пришел на Святую Гору, нашел многих из отцов в делании и созерцании"

Когда любовь нашего Господа распалит душу человека, мера более не имеет над ним власти, и он выходит за пределы ограничений. Поэтому она "вон изгоняет страх" и, если он что-то пишет, если что-то говорит, впадает в неумеренность. Но что бы он ни говорил в это благодатное мгновение, перед пламенным сиянием божественной любви всего, что он говорит, мало. Затем, когда сократится сердце и облако отойдет восвояси, тогда приходит черед мерки и он ищет меры ради рассуждения.

Итак, все, что я вам написал, было сказано с одной целью: чтобы согреть теплоту вашей души, чтобы побудить вас к ревности и вожделению нашего сладчайшего Иисуса. Как и в войсках делают полководцы, которые рассказывают о подвигах доблестных воинов и этим понуждают их воевать мужественно.

И жития и слова святых, которые они написали и оставили нам, имеют ту же цель. Также и душа, которую Бог создал таким образом, если не слышит часто о таком высоком и чудесном, то впадает в сонливость и нерадение. И только этим - чтением и полезными повествованиями она прогоняет забвение и обновляет старое здание.

Я, когда пришел на Святую Гору, нашел многих из отцов в делании и созерцании. Старых и святых людей.

Был старец Каллиник. Прекрасный подвижник. Сорок лет затворник. Упражняющийся в умном делании и вкушающий мед божественной любви, бывший и для других полезным. Он вкусил восхищение ума.

Пониже его жил другой, старец Герасим. Превосходный безмолвник. По происхождению хиосец^[33]. Удивительный подвижник. Упражняющийся в умной молитве. Девяноста лет. Жил на вершине пророка Илии^[34] семнадцать лет; борясь с бесами и страдая от непогоды, пребыл непоколебимым столпом терпения. У него были непрекращающиеся слезы. Услаждаемый помышлением об Иисусе, совершил он свою беспопечительную жизнь.

Повыше был старец Игнатий, незрячий много лет. Долгие годы духовник. Старец девяноста пяти лет. Молящийся умно и непрестанно. И из-за молитвы уста его испускали благоухание, так что беседа с ним вблизи его уст доставляла радость.

Был и другой, еще более удивительный, у святого Петра Афонского^[35] - отец Даниил,

подражатель Арсения Великого. Крайне молчаливый, затворник, до конца дней служивший литургию. Шестьдесят лет он ни на один день не помышлял оставить божественное священнодействие. А в Великий пост во все дни служил преждеосвященные литургии. И, не болея до последних дней, скончался в глубокой старости. А литургия его продолжалась всегда три с половиной или четыре часа, ибо он не мог от умиления произносить возгласы. От слез перед ним всегда увлажнялась земля. Поэтому он не хотел, чтобы кто-то посторонний находился на его литургии и видел его делание. Но меня, поскольку я очень горячо его просил, меня он принимал. И каждый раз, когда я ходил к нему, три часа шагая ночью, чтобы предстоять при этом страшном воистину божественном зрелище, он говорил мне одно или два слова, выйдя из алтаря, и сразу скрывался до следующего дня. Он совершал до конца жизни умную молитву и всенощное бдение. У него и я взял устав и нашел величайшую пользу. Ел он двадцать пять драми^[36] хлеба каждый день и весь возносился ввысь на своей литургии. И пока земля у него под ногами не превращалась в грязь, не заканчивал литургию.

Были и многие другие созерцательные отцы, которых я не удостоился увидеть, так как они скончались на год или два раньше. И мне рассказывали об их удивительных подвигах, поскольку я этим интересовался. Шаг за шагом обходил горы и пещеры, чтобы найти таковых. Потому что мой старец был добрым и простым, и после того как я приготавливал ему пищу, он давал мне благословение на поиск таких примеров, полезных для моей души. А когда уже я его похоронил, тогда обследовал весь Афон.

Был один в некой пещере, который должен был плакать семь раз в день. Это было его делание. А ночь целиком проводить в слезах. И возглавие его было всегда мокрым. И его спрашивал служивший ему, который приходил два-три раза в день, ибо он не хотел иметь его рядом с собой, чтобы тот не прерывал его плач:

- Старче, почему ты столько плачешь? - Когда, дитя мое, человек созерцает Бога, от любви у него текут слезы, и он не может их удержать.

Были и другие, меньшие: отец Косма и иные. И великие, и если кто-то захочет о них написать, ему потребуется слишком много бумаги.

Сейчас все они умерли здесь и живут вовеки там. А сегодня не слышно ни о чем подобном. Ибо множество материальных попечений и забот и почти совершенное пренебрежение трезвением завладели людьми, и многие не только не хотят найти, узнать, делать это, но, если услышат, что кто-нибудь говорит о чем-то подобном, сразу враждебно восстают против него. И считают его неразумным и глупым, потому что жизнь его не похожа на их и вменилась им в посмеяние.

И происходит нечто подобное бывшему во времена идолопоклонства. Тогда, если ты поносил идолов, тебя побивали камнями и со злобой предавали злой смерти. А теперь каждая страсть занимает место идола. И если ты обличишь и осудишь страсть, которой, как ты видишь, все побеждаются, то все кричат: "Побейте его камнями, ибо он оскорбил наших богов!"

Последнее: поскольку я никого не принимаю, ни для кого не делаю исключений, и даже слышать не хочу, как живут или что делают мир-монахи, я всегда - мишень для осуждения. А я не прекращаю днем и ночью молиться об отцах и говорить, что они совершенно правы. Только я не прав, когда соблазняюсь из-за них. Ибо они видят глазами, которые им дал Бог. Разве не буду не прав и виноват, если скажу: "Почему они не видят так, как вижу я?"

Бог всяческих да помилует всех по молитвам преподобных богоносных отцов.

ум весь становится светом, весь - сиянием". Что касается молитвы, о которой ты пишешь, дитя мое: поскольку у твоего старца есть знание молитвы, для тебя нет опасности впасть в прелесть. Ты делай так, как тебе говорит твой старец, и, если благодать уходит и приходит, не печалься, поскольку она так упражняет человека, чтобы он мыслил смиренно и не превозносился.

Вначале так бывает с младенцем. "Горе тебе, граде, в нем же царь твой юн^[37], - говорит божественное Писание, - увы тебе, душа, над которой ум твой - новоначальный в таких вещах!"

Ум, дитя мое, не может оставаться в одном положении, особенно у того, кто слаб в духовном. Одно время ему нужно чтение, другое время - псалмопение, иногда - молчание. Когда человек молчит, ум находит возможность размышлять о различных умозрениях Писания, которые предварительно прочитал.

Итак, когда ты даешь ему что-нибудь хорошее, что ему нравится, у него прибавляются силы, как поправляется тело от здоровой пищи, которую принимает. Однако когда ты ему даешь что попало, тогда, вместо того чтобы просвещаться, он помрачается. Также когда он устает, требует отдыха.

Так он учится отличать добро от зла. Так ум весь становится светом, весь - сиянием. Видит чистоту души. Видит острые колья под ногами. Терпит искушения. Умножается благодать. Очищает тело от страстей. Умиряется душа. И наконец все приходит, одно за другим, как цепь, связанная быстро и без большого труда, ибо все это приносит совершенное послушание. И послушай, чтобы ты знал. У того, кто имеет совершенное послушание, ум совершенно беспопечителен.

Итак, ум - это эконо́м души, который приносит пищу - то, что дашь ему ты. Итак, когда он мирен и ты даешь ему что-то хорошее, что ему нужно, он переносит это в сердце. Сначала он очищается от всех предрассудков, в плену которых находился в миру. Очищается от житейских попечений и, непрестанно произнося молитву, совершенно перестает парить. И тогда понимаешь, что он очистился. Потому что он больше не уклоняется к лукавому и нечистому, виденному или слышанному в миру. Затем он молитвой, входящей-выходящей в сердце, пробивает себе дорогу и изгоняет из него все постыдное, лукавство и нечистоту. Ибо ум объявляет войну против страстей и бесов, которые их возбуждают и которые столько лет гнездились в сердце, но о которых никто не знал и которых никто не видел. Но теперь, когда ум обрел чистоту, свою изначальную одежду, он видит их и, как собака, лает, рычит, борется с ними, как господин и сторож всей мысленной силы души. Держа, как оружие, имя Иисуса, он бичует противников, пока не изгонит их вон, за перикард. И они тоже лают, как дикие собаки. А ум начинает очищать грязь и всякую нечистоту, которой из-за нашего согласия со всем злым и греховным осквернили нас бесы. И затем он борется с бесами, чтобы прогнать их как можно дальше, дабы они не причиняли ему никакого беспокойства. И все время подвизается, чтобы выбрасывать вон ту грязь, которую они постоянно бросают ему в душу. Затем, как хороший эконо́м, он доставляет пищу, подходящую для просвещения и здоровья души.

Всему этому содействует благодать очистительная. Покрывает молящегося, как сень, крыша послушания. Охраняет его благодать того, кто воспринял его душу пред Богом. И постепенно совершается "измена Вышняго"^[38]. И когда постепенно бесы изгоняются вон совершенно, а сердце очищается изнутри, исчезает скверна. Ум, как царь, водворяется в

сердце и веселится, как жених о невесте в брачном чертоге. Радуетя радостью светлой, мирной, непорочной. Творит молитву без труда. И тогда благодать действует свободно и показывает уму обетования, которые ему предстоит получить как воздаяние, если он исполнит свои обязанности безупречно. И после того как придет благодать, он пребывает спокойным и мирным, а она возбуждает его к созерцанию соответственно вместительности, которую имеет основание.

Итак, сперва страх Божий, вера, совершенное послушание и самоотречение, которые приносят все это. И человек достигает блаженной любви и наконец бесстрастия. Так что зло совсем не действует в его уме, но он взывает из глубины: "Возжада душа моя к Тебе, Боже мой! Когда прииду и узрю святой Твой лик?"^[39] И смерти он ожидает как величайшей радости. Когда закроются эти очи и откроются те, которыми он будет видеть все, всегда радуясь.

Поэтому понудь себя, чадо мое, понудьте себя к блаженному послушанию, в котором есть все эти блага, и живите как одна душа в разных телах. И ваш старец получит облегчение и будет иметь досуг о вас молиться всей своей душой в полной радости и веселии. А когда вы не слушаетесь и всего этого лишаетесь, тогда и его душа непрестанно отягощается, и от печали он слабеет и мало-помалу приближается к смерти.

Все это я на опыте испробовал и плод этого съел, и он весьма сладок. Я не видел большего успокоения, чем от совершенного послушания. Похоронил доброго моего старчика и по его молитве обрел безмолвие.

Итак, трудитесь сейчас, пока вы молоды, чтобы пожать плоды бесстрастия в старости. И не в глубокой старости, а через двадцать лет, если будете понуждать себя, увидите то, о чем я вам говорю. А если не будете понуждать себя, то хоть и возраста Мафусала^[40] достигнете - не порадуетесь этим дарованиям.

Итак, понудьте себя и ревнуйте все старцу и друг другу в добре. И увидите такую неподвижность страстей и мир души, как если бы находились в раю.

13. "Благодать Божия"

зависит не от лет..." Получил твое письмо, дитя мое, и даю тебе ответ на то, что ты мне пишешь. Ты спрашиваешь, кто из двух получает благодать быстрее: безмолвник или послушник. Несомненно, послушный ученик и благодать быстро получает, и всегда находится в безопасности: не боится ни упасть, ни потерять. Только бы он не впал в нерадение. А когда в человека войдет Христос, и один, и со многими он безмолвствует, и везде имеет мир.

Благодать Божия зависит не от лет, а от образа жизни и милости Господней.

Опыт через делание приобретается с годами, а благодать потому и называется благодатью, что является даром, дарованием, зависящим от Бога и подаваемым соответственно теплоте веры, смирению и доброму произволению.

Соломон получил благодать двенадцатилетним. Даниил - в том же возрасте. Давид - мальчонкой, пасущим овец своего отца. И подобным образом - все древние и новые отцы.

Сразу, как только человек истинно покается, к нему приближается благодать и благодаря ревности возрастает. Опыт же требует многолетнего подвига.

Прежде всего другого, просящий благодати у Господа должен терпеть искушения и скорби, каким бы образом они к нам ни приходили. Если же во время искушения он негодует и не проявляет достаточного терпения, то ни достаточная благодать не придет, ни

добродетель не совершенствуется, ни дарования он не удостоивается.

Если кто-то узнал, каков дар Божий, что это - скорби и, вообще, то, что нам приносят искушения, тот поистине обрел путь Господень. И ждет их, когда они придут, ибо ими он очищается, терпя, просвещается и созерцает Бога.

Бог не созерцается иначе как посредством ведения. Это ведение есть созерцание. То есть когда ты понимаешь, что Бог рядом с тобой, и ты внутри Бога обращаешься, и все, что ты делаешь, Он видит, и следишь, как бы Его не опечалить, - ибо внутри и вне Он все видит, - тогда не согрешаешь. Ибо Его видишь, Его любишь и следишь, как бы Его не опечалить, "яко одесную тебе есть"^[41].

Итак, всякий, кто согрешает, не созерцает Бога, но слеп.

14. "Действительно

велико, поистине, таинство послушания" Радуйся о Господе, чадо Небесного Отца!

Пишешь мне, дитя мое, о помысле против твоего старца. Этого помысла очень бойся, избегай его, как ядовитой змеи. Поскольку он обладает страшной силой в нашем поколении.

Таково искусство лукавого: он приносит помыслы против старца, чтобы удалить тебя от благодати, которая тебя покрывает, сделать тебя виновным и затем бичевать тебя немилосердно. Итак, соблюдай мое слово и никогда не позволяй какому бы то ни было помыслу против твоего духовного отца угнездиться в твоём сердце. Сразу его отбрасывай, как ядовитую змею.

Также о книге, которую ты попросил: даже если ты можешь благодаря ей спастись, не бери ее без благословения. Ибо если не спросишь, тебе это вменяется пред Богом в прелюбодеяние. Соблюдай строгость в малом и великом до такой степени, чтобы без благословения твоего духовного отца не молиться, не творить милостыню и не делать ничего другого доброго, благовидного.

Послушай: Саула Бог избрал из всех колен Израилевых и помазал в царя, но так как он не сохранил совершенного послушания Самуилу и удержал доброе для жертвоприношения, Бог его истребил, как говорит пророк: "Лучше послушание паче жертвы чистой"^[42].

Действительно велико, поистине, таинство послушания. Поскольку сладкий наш Иисус первый проложил дорогу и стал для нас образцом, сколь более мы должны идти вслед за Ним?

Ах, если бы и я, чадо мое, был среди вас, подвизаясь в поистине вожделенном для меня послушании!

Поскольку исповедую искренне, со всею крепостью, в полном сознании, что нет другого пути спасения, удаленного от всякой прелести и действия вражеского, как этот. И если кто-то желает воистину спастись и быстро обрести сладкого Иисуса, должен жить в послушании. И с такой любовью должен взирать на своего старца, как будто видит образ Христов.

Итак, дитя мое, держи всеоружие, которое получил, и крепко подвизайся, с силой натягивая стрелы против врагов, смотря в одну цель и посылая стрелу - чтобы никогда не послушаться своего духовного отца. Потому что если тобою будет огорчен Бог, у тебя есть старец молитвенник, который упросит Его за тебя; если же ты и его опечалишь, кто тогда умилоstit о тебе Господа?

Подвизайся по силе облегчить бремя своего старца, чтобы иметь облегчение и терпение в своих скорбях. Ибо я познал на собственном опыте, какую ответственность и какую тяжесть берет на себя старец и сколько страдает, пока не сделает одну душу из недостойной

достойной и не введет ее в рай - тем более если она окажется жестокой от природы.

Ибо вместе с каждой душой, которую берет на себя старец, тягчайшая цепь обвивается у него вокруг шеи. И он нуждается во многих и святых молитвах, чтобы облегчить тяжесть. Нуждается в любви великой и неподдельной, а не в преслушании и прекословии. Он нуждается в том, чтобы уста его послушников источали благоговение и благодарность, а не желчь и горечь, споры и распри.

Ибо каждое жестокое слово, которое вы скажете ему в час искушения, поскольку оно происходит от змея-дьявола, как яд, напояет его душу, и она сразу увядает, как цветок, побиваемый градом. И он больше не может даже за себя помолиться, пока не пройдет боль.

А если послушники во всем послушны, то и старец идет прямым путем, поднимается ввысь, молится горячо, просвещается с избытком, говорит разумно, советует благочинно, получает прибавление благодати и становится источником приснотекущим, подающим каждому божественную благодать, которую получает от Господа.

Поэтому, дитя мое, если ты хочешь быстро и без большого труда преуспеть, научись отказываться от всякого своего желания, чтобы у тебя не было воли. Ухо твое да будет у уст старца, и все, что он тебе говорит, принимай, как из уст Божиих; делай это без колебания, и всегда будешь иметь мир. И всегда помни, что послушание или преслушание твое не останавливается на старце, а через него восходит к Богу.

Не скрывай никогда помыслов от своего старца и не произноси лживых слов, исповедуясь перед Господом. Прямо пересказывай свои помыслы, и сразу будет успокаиваться твое сердце.

Сокруши свою шею под игом послушания и прилепись к дыханию своего старца. Только выходит слово из его уст - сразу схватывай его; окрыляйся, лети, исполняй его, не выясняя, хорошо это или плохо.

Делай без рассуждения и слепо то, что тебе повелевает тот, кто несет ответственность, чтобы ты не был ответственным за свои дела. Тот, кто повелевает, ответит за то, хорошо или плохо он повелел. Ты ответишь за то, хорошо или плохо ты послушался.

Если ты исполняешь ту или другую заповедь, которую тебе дали, а в душе имеешь возражения, то это не послушание. Послушание - это подчинение мысли души для избавления от своего злого "я".

Послушание заключается в том, чтобы стать рабом, для того чтобы стать свободным. Купи малой ценой свою свободу. Сними с себя ответственность и радуйся.

И не слушай того помысла, который в трудные часы советует тебе уйти из твоего монастыря.

Твердо знай, что не покоряющийся одному покоряется многим и в конце концов остается непокорным.

15. "Итак, ты не хочешь"

послушаться меня и вернуться назад?" Сказал Бог Адаму: "И кто возвести тебе, яко наг еси? Не ел ли ты от плода, от которого Я заповедал тебе не есть?"^[43] И я тебе говорю: "Кто вложил тебе в ум все то, что ты пишешь? Не открыл ли ты дверь врагу и он, войдя со всем своим ополчением, уничижил твою душу?"

То, что ты думаешь сейчас, дитя мое, должен был думать прежде, чем надел святое одеяние. Сейчас, когда ты облекся в ангельский образ и Христос поставил печать на том, что ты Ему обещал, для этого больше нет места. Ибо после того как таинство совершилось,

больше не существуют родственники, и родители, и всё.

И вникни хорошенько в точный смысл моих слов. Если после этого ослабеет и вознерадит монах и оставит без причины своего старца или братию, смертельное горе ему, ибо он впадет в большие бедствия и не избежит суда. До конца своих дней он будет расплачиваться и в конце концов останется должником. Будет признан нарушителем обета и преступником заповеди. Ибо сказал Господь: "Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин"^[44]. И еще сказал: "Возложивый руку свою на рало и зря вспять не идет прямым путем в Царствие"^[45]. И еще также: "Благо... еже не обещаватися, нежели обещатися, и не отдати"^[46].

Итак, когда это ясно говорит Христос, Учитель, Бог и Отец твой, держащий в Своих руках твои дыхание и жизнь, какое место может иметь то, что ты говоришь? Что ты не успокоишься, что тебя будет постоянно мучить совесть из-за обязанностей, которые ты оставил, и тому подобное. Обо всем об этом пусть подумает Бог, Который положил пределы и границы; пусть Он Сам ответит перед Собой, если сказал это неправильно. Ты же, и я, и все облекшиеся в эту святую схиму должны хранить любой ценой обеты, которые Ему дали, чтобы стать наследниками тех благ, которые Он нам обещал.

И не думай, что родителям сейчас будет польза, если ты вернешься назад. Их душа потерпит большой вред, и в погибель будут домашние, как противящиеся божественной воле.

Но и я никогда не посодействую этому греху, и сейчас не соглашаюсь с тем решением, которое вы предлагаете. Да и старец твой, если все это ему надоест и он тебя продаст, очень дорого заплатит за эту снисходительность.

Итак, вычеркни совершенно из своей памяти эту лукавую мысль, чтобы прекратилась брань помыслов и умиротворилось твое сердце. А если ты будешь побежден и вернешься, я не только не напишу тебе другого письма, но и совершенно вычеркну тебя из своего сердца. Кроме этого ничего не могу сделать, поскольку вижу, что ты, понимая, что это искушение и диавол, все-таки продолжаешь его слушать. Итак, что мне еще написать?

Однако послушай меня, пока есть время. Ибо, когда человек сознательно отступает перед искушением, потом приходит время, когда он не может более слушать здоровое и полезное, поскольку уже испорчен слух его души. И он становится после этого презирающим всех и вся гордецом, шествующим к гибели.

Не видишь, что Господь, беседуя со всеми, в конце заключил: "Имеяй уши слышати да слышит"^[47]?

Поэтому отложи в сторону эти свои помыслы и утверди свой разум "Духом владычним"^[48].

Ты не отвечаешь за все, что оставил позади, уходя из мира и от твоих домашних. Промышляет и заботится обо всем Тот, Кто создал небо и землю и печется обо всех.

Послушай еще об одном чудесном событии, которое случилось здесь, на Святой Горе, и о котором ты, наверное, раньше не слышал.

Был в наши дни здесь, в Катунках^[49], некто, кого я не застал, ибо он умер незадолго до моего прихода. Он был послушником у одного слепого старца. И вот однажды пришел к ним один нищий мирянин, проходивший мимо их келлии. И спрашивает его молодой монах: "Откуда ты?" А он был из его деревни. И он не стал с ним знакомиться, а только спросил его: "Как поживает такой-то?" - о своем отце. Гость ему говорит, что он умер и оставил свою жену и трех девочек без средств к существованию, сиротами и нищими. "Был у них и сын, - говорит он, - который давно ушел, и они не знают, что с ним".

Итак, монах был сразу как громом поражен. И на него сразу напала брань помыслов. "Уйду, - говорит он своему старцу. - Уйду, чтобы о них заботиться".

Он просит благословения. Старец ему не дает. Он все время настаивает. И, наставляя его, старец плачет о себе, плачет и о нем. Но переубедить его оказалось невозможным. Наконец старец оставил его на свою волю, и послушник ушел.

Когда он вышел за пределы Святой Горы, присел, чтобы прийти в себя, в тени одного дерева.

И случайно туда пришел вспотевший другой монах; и он сел там же в тени. И начал явившийся говорить ему:

- Вижу, брат, что ты взволнован. Не скажешь ли мне, что с тобой?

- Оставь, отец, - говорит ему тот, - со мной случилось большое несчастье.

И рассказывает ему подробно всю свою историю. А добрый путник ему говорит:

- Если хочешь, возлюбленный брат, послушать меня, вернись обратно к своему старцу, а Бог будет заботиться о твоём доме. Ты служи своему старцу, тем более что он слепой.

Но он его не послушал. Ему, одержимому помыслами, казались "яко лжа"^[50] слова другого. И после того как тот привел ему многие примеры, как я сейчас тебе, непослушный монах встал, чтобы идти дальше в мир. А явившийся говорит ему в конце:

- Итак, ты не хочешь послушаться меня и вернуться назад?

- Нет, - возражает тот. - Тогда знай, - говорит явившийся. - Я ангел Господень, и Бог сразу, как только умер твой отец, повелел мне идти к ним, чтобы их охранять и быть их покровителем. Но поскольку сейчас ты идешь вместо меня, я их оставляю и ухожу, потому что ты меня не слушаешь. И стал невидим перед ним. И тогда монах пришел в себя, и сразу вернулся к старцу, и нашел его на коленях молящимся о нем.

Уразумел, чадо мое? Так бывает, когда мы оставляем всё Богу. Поскольку Он, как благий кормчий, все весьма хорошо устрояет и нет никаких ошибок в Его благоволении. Но Он хочет, чтобы ищущий спасения имел терпение. А если мы просим, чтобы Бог делал это так, как угодно нашему рассуждению, тогда плохи наши дела.

Диавол, не способный войти туда, где благословение послушания и союз любви, всеми средствами воюет, чтобы изолировать человека с помощью отступничества, а затем сделать его игрушкой своей злобы и лукавства. Когда, однако, разумный слушается тех, которые выше его и которые знают дорогу, бес, расставляющий сети, падает, и зло обращается на его голову.

Итак, имей сейчас послушание к старшим себя и со временем станешь и ты опытным, чтобы приносить пользу младшим. Придет время, когда ты будешь обладать тем, чего у тебя сейчас нет и что тебе кажется трудноисполнимым, и будешь удивляться, как это приобрел, тем более что перестал это искать. Все это будет, достаточно того, чтобы ты пребывал в терпении и искал очищения своей души. И гнев прекратится, и мир придет, и обретешь соответствующее твоему деланию бесстрастие, и обретешь молитву. Достаточно искать и по силе понуждать себя. В одно мгновение все не делается. Как и телесно ты не стал в одно мгновение из младенца мужчиной.

Все эти падения сейчас становятся для тебя познавательными уроками смиренномудрия. Поэтому не печалиться тебе нужно, а быть внимательным и укрепляться в схватках, которые приходят одна за другой. И урок одной - подготовка к следующей. А подготовка такова: во всем, что бы со мной ни случилось из того, что может сотворить бес под небом, я не буду проявлять свою волю, не буду высказывать свое мнение, не буду спорить. Пусть повелеваемое будет кривым, пусть будет каким угодно, как крест, - я сделаю это без рассуждения; и пусть Бог увидит мое сердце и облегчит мне брань.

Человек должен стоять, как мишень, и ожидать, откуда его ударит враг. И сразу повернуть оружие в то место. И до конца жизни не ждать покоя, даже если Господь и дает его много раз. Однако он не должен впадать в самонадеянность, но должен непрестанно быть бдительным, как воин во время сражения. Ибо одно мгновение имеет такую цену и приносит душе такую пользу, какую не приносит целый год; также и вред, если человек не будет внимателен.

16. "...

Когда восходишь на Голгофу, необходимо падать" Утроба моей души священная, чадо возлюбленное о Господе, только сегодня получил твое письмо.

И вот снова плачу и снова скорблю, снова полагаю за тебя мою душу.

Итак, восстань. Даю тебе мою дрожащую руку. Не бойся. Я снова поддерживаю тебя. Восплачь на моем плече. Я возле тебя, плачу вместе с тобой. Воздыхаю, страдаю, душа моя болит, и сердце мое будет биться до тех пор, пока я не возведу тебя на Фавор. Ибо когда восходишь на Голгофу, необходимо падать. Тяжек крест. Часто будешь опускаться на колени. Но зачем ты слушаешь искушающего? В конце концов он окажется побежденным.

Однако смотри - прав старец. Он звал тебя два раза, и ты не послушался? И кого ты послушался в ту минуту? Что говорили в тот миг твои помыслы?

Итак, если что и случилось, не будем отчаиваться. Попросим старца нас простить и исполним нашу епитимью. Вместе с тобой и я буду каяться. Ты же делай каждый день по двадцать пять поклонов дополнительно. И впредь будь внимателен. Снова положи начало и берегись преслушания. Ибо, если человек будет хоть раз побежден одной страстью, должен впредь быть очень внимательным, сопротивляясь искушению, чтобы не упасть вновь.

Посему мужайся. Куда бы ни направлял стрелы лукавый, мы обернем их ему в лядвия^[51]. Чтобы он понял, что ты не один. Что у тебя есть сторож, который бдит ради тебя и разрывает сети, которые тот расставляет у твоих ног. С радостью не только сорок дней, но и трижды сорок буду поститься, буду совершать бдения, буду трудиться вместе с тобой. Ты же поднимись и стань мужественно. Прими мужество от Господа и не бойся хвастуна, которого обессилил Христос и который теперь лишен сил и своей былой энергии. Он только возбуждает мечтания и страхи, только произносит дерзкие и наглые слова. Прими свыше благодать, чтобы его попить, и да будет крепость в твоих членах. И говори: "Прекрати, враг, воевать против меня, ибо отец мой бдит ради меня и мои недостатки носит на себе. Ради меня злостраждет и постится. Даже если упаду семьдесят раз по семь, все равно ты будешь побежден".

Говоря это, не отчаивайся в себе и сразу кайся в том, в чем как человек согрешаешь. Ибо все это от лукавого: приводить тебя в отчаяние, делать так, чтоб ты унывал, все у тебя отнимать посредством печали. Но ты его не слушай.

И те письма, которые задерживаются, и другие, которые теряются, - его работа. Это он подстрекает их вскрывать. Он виновник всех зол. Никто, кроме него одного, не виноват. Итак, с ним и мы должны воевать до конца жизни. Не с братьями, но с тем, кто их подвигает думать и делать всякое зло, явное или тайное.

Итак, поскольку я сказал тебе, что я рядом с тобой, когда ты гневаешься, когда ты готов вспылить, говори сам себе: "Ради любви старца, который будет плакать, когда узнает, не разгневаюсь и не ослушаюсь. Кто когда получил пользу от преслушания, чтобы получил ее сейчас и я?"

Об авве Дорофее, о котором ты просил: его нам легко найти, но не разрешают вывозить книги за пределы Святой Горы, если они старого издания. А авва Дорофей очень милительный, благодатнейший и очень душеполезный. Я спрошу, разрешат ли, чтобы я купил и послал "Эвергетинос" или Добротолюбие.

О брате, про которого ты пишешь, что он страдает, мы сотворим молитву. Очевидно, какой-то сокрытый грех совершается сейчас или совершался давно, и поэтому Бог попускает, чтобы он страдал таким образом. Часто бывают грехи, о которых даже сам человек не знает, что поступающий так согрешает. И ходит, как слепой, во тьме, не имея смелости увидеть себя при свете. Сказать: "Я согрешил, Боже мой!"

А диавол, чем больше проходит времени и чем ближе его конец, тем яростнее воюет и с тем большим неистовством старается свергнуть нас в ад.

Особенно сейчас, когда приближается Великий пост, много искушений и много волнений воздвигают против нас всеокаянные бесы. Поскольку и мы в это время особенно притесняем их постом и молитвой, то и они делаются еще более свирепыми по отношению к нам. Итак, позаботься стяжать венцы на этом поприще подвижничества. Ты должен стать более доблестным. Должен стать грудью против этих бесплотных. Не бойся их.

Ты не видишь при каждой молитве, которую творишь, сколько их падает, сколько обращается в бегство. Ты видишь только, насколько ранят тебя. Но и они получают удары. И они страдают. Всякий раз, когда мы терпим, они вприпрыжку убегают и при каждой молитве получают тяжелые раны. Итак, не надейся, что ты будешь во время войны пускать в них стрелы и пули, а они в тебя - мармелад и шоколад.

Помнишь, что ты писал тогда, вначале? Говорил, что облекся в монашеский образ, как во всеоружие, чтобы воевать против начал и властей тьмы. Итак, подвизайся, чтобы быть верным своим словам.

17. "В час искушения"

не оставляй своего места..." Чадо мое любезное со всей о Христе братией!.. Радуйтесь святой радостью о Господе нашем Иисусе Христе!

Сегодня память святого Харалампия. Вчера узнали, что пришла почта, и во время трехдневного поста^[52] брат ходил в Дафни^[53] и получил перевод и заказное письмо. Пожалуйста, не присылайте заказных, потому что нам очень трудно добираться отсюда в Дафни. И по нынешнему положению дел это для нас каждый раз большие расходы.

Вскрытие писем объясняется так: видимо, некоторые думают, что я пишу об их согрешениях старцу, который является их духовником, и поэтому вскрывают их, чтобы увидеть, что там написано. Но я об этом нисколько не волнуюсь. Не беспокойтесь и вы. Пусть каждый заботится о своей душе. Ибо каждый из нас ответит не только за правые и неправые свои дела, но и за праздное слово, и за греховные мысли, которые мы помыслили.

Поклонись своему старцу и передай ему мою благодарность за милость, которую он нам оказал, разрешив тебя от епитимьи. И впредь будь внимателен, дитяtko мое, ибо согрешения приносят боль, и быть под епитимьей - это труд. Когда старец говорит тебе, а ты не идешь или не отвечаешь, - это страшное пренебрежение. Это непростительно тому, кому завтра снова предстоит увидеть лицо своего отца. Так мог бы поступить только тот, кто решил и собрался уйти от своего ближнего и более его не видеть. Иначе с каким лицом он, оставшись, снова явится перед своим духовным отцом? Как он будет с ним говорить, просить его благословения?

Будь внимателен, дитя мое, ибо это жестокая гордость и отсутствие смирения в мысли. Когда тебе как человеку случается быть уставшим или больным или когда тебя отягощает послушание, скажи об этом своему старцу со смирением. Объясни бесхитростно, с чистой совестью. А он умеет оказывать снисхождение. Он умеет иногда облегчать тяжесть, чтобы не пропадал твой труд и ты не получал вред вместо пользы.

Однако научись слушаться безоговорочно, ничего за это не требуя. И не заноси на счет старца послабления и снисхождение, ибо в конце концов здесь или там расходы на все эти "послабления" оплатишь ты. Не отягощай счета своей души из-за незначительных вещей.

И сейчас, когда ты был побежден и упал один раз, будь впредь бдителен к этой страсти. Ибо искуситель всегда стоит под боком, и если человек в каком-нибудь сражении один раз будет побежден, то, пусть хоть сто лет пройдет, стоит ему попасть туда, где был единожды побежден, как он тут же снова повергает его на землю.

Поэтому я говорю тебе и всем братиям, что из каждого сражения с врагом нужно выходить победителем. Или умереть в борьбе, или с Богом победить. Другого пути нет.

В час искушения не оставляй своего места, не дезертируй, не указывай на ошибку другого, не ищи справедливости, а, молча с готовностью умереть, преодолевай искушение и смущение.

И когда пройдет искушение и установится полный мир, старец ты или послушник, тогда бесстрастно укажи на вред или пользу. И таким образом устрояется добродетель.

Во всех искушениях и скорбях требуется терпение, и оно - победа над ними. Запиши имена претерпевших до смерти в час искушения, чтобы не заговорить, когда слюна у них во рту становилась кровью. К ним относись с большим благоговением и почитай их как мучеников и как исповедников. Таких я люблю, таких целую, и ради них должен проливать каждый день и последнюю каплю крови по любви Христовой. Поскольку видишь, что, терпя, он предпочитает тысячи смертей тому, чтобы выпустить из своих уст резкое слово. И когда его душат люди, когда его душит справедливость, когда его душит и внутренний помысел, он, сражаясь, ослабевает и падает, как мертвый, и тогда еще сражается мысленно с искушением и берет всю тяжесть на себя, болезнуя и вздыхая, как согрешивший.

Итак, я ничего другого не желаю и так сильно не люблю, как слышать, что вы имеете терпение в искушениях.

Поскольку Бог, как Существо препрославленное, не нуждается в труде человеческом. Однако Он радуется и любит, когда ради Его любви мы терпим мучения и страдаем. Поэтому и венчает нас как подвижников и дарит нам щедро Свою благодать.

Я хотел написать три слова, или книги, из которых одна была бы только о том, что человек есть ничто, и в которой я бы непрестанно кричал, что я ничто. В другой говорилось бы, что всё во всем и над всем есть Бог препрославленный. И в третьей: имей во всем терпение до смерти. Молод ли ты, состарился ли, подвизался ли многие годы - если не будешь терпеть до тех пор, пока не испустишь душу, в лохмотья вменяются твои дела пред Богом.

Итак, познай себя, что ты - ничто. Таково твое существо - ничто. Происхождение твое - брение, жизненная твоя сила - дыхание Божие. Итак, все - Божие. Познай себя, что ты - ничто, и имей терпение в искушениях, чтобы избавиться от них и стать богом по благодати, ибо ты - дыхание, дуновение Божие.

Итак, часто взывай к Отцу своему, Который всегда рядом с тобой и никогда не отлучается. Он даже ближе, чем движение твоего ума: Он в твоём дыхании, в твоём уме, в твоём разуме. Бог объёмлет все. О Нем живём^[54], в объятиях Его носимы; мы - окаянные и неразумные. Отец твой - здесь, видит тебя всегда, а ты почему Его не видишь? Почему

грешешь? Почему не слушаешься? Почему опечаливаешь Жизнодавца? А Он тебя видит, скорбит и делает вид, что не видит, ибо ты слеп. Проси Его, терпя искушения, которые Он тебе посылает, и откроются твои глаза, чтобы увидеть Его, и тогда с Иовом воскликнешь: "Слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя; темже укорих себе сам, и истаях, и мною себе землю и пепел"^[55].

18. "...

Я снова встал и вступил в битву со всеми духами" То, что с тобой случилось, чадо мое, показывает, что у тебя большое тщеславие. Ты много о себе мнишь. И поэтому у тебя нет духа снисхождения, смирения. А считаешь, что более не согрешишь, не ослушаешься, не изменишься, а будешь жить впредь неизменяемой жизнью, что не свойственно иметь человеческой природе.

И тебе уже было сказано, что ты болен великим неведением, от которого рождается превозношение. Итак, будь внимательным, чадо мое, и беги от неведения - матери всякого зла. Неведение добра - тьма души. И если человек не заключит союз со Христом, Который есть Свет, то не сможет избавиться от князя тьмы, дьявола.

Вот, свидетель мне Господь, губящий лжецов с ложью: уже двадцать пять лет с лишним я на свете яростно и до крови борюсь с бесами. Спустился во глубину морскую, обнажившись от самолюбия и своей воли, чтобы найти Драгоценную Жемчужину. Одолею самого сатану со всем его воинством, наукой и искусством. И, связав его смирением, спрашиваю:

- Почему у тебя такое неистовство против нас и почему ты воюешь с нами с такой яростью?

А он мне говорит: - Чтобы иметь много товарищей в аду и хвалиться перед Назарянином, что не я один преступник, а вот сколько других вместе со мной!

И я снова взошел на небеса с помощью благодати и духовного созерцания и видел неизреченную красоту рая, которую уготовал Бог любящим Его.

И после всего этого благодать немного отошла и нозе мои вмаля не подвизастесь^[56]. И я впал в небольшое нерадение, и меня пленил сон, и лишил меня многих благ. И вскоре я снова встал и вступил в войну и кровавую битву. И, победив, снова впал в дремоту. И снова мать всякого зла - нерадение - пожрала мои кости. Но я снова встал и вступил в битву со всеми духами.

Восемь лет вначале я сражался с плотскими страстями. Спал не на боку, а стоя в углу или сидя на скамейке. Бил себя дважды или трижды в день, вопия и плача, чтобы Бог пожалел меня и прекратил брань. До тех пор, пока Всемиловитый не помиловал меня и не остановил неистовство сатаны. И ныне я описываю мои бесконечные страдания как бы вкратце, в общих чертах, даю тебе каплю из моря.

Каждую ночь полчища бесовские с палками, топорами и со всяким другим губительным оружием неистово мучили меня все восемь лет. Один - мою тогда еще маленькую бородку, другой - волосы, ноги, руки, все виды зла и мучений. Все они кричали: "Задуйте его! Убейте его!" И только благодаря имени Христа и нашей Пресвятой они исчезали, и сила их рассеивалась, как дым. Наконец Господь меня помиловал и изведе мя из глубины и от рова страстей^[57].

И ныне, чадо мое, становлюсь безумным, возвещая тебе это, но сказал, считая, что принесу тебе пользу, и продолжаю говорить тебе сейчас.

И сейчас, состарившись в юности в расцвете сил из-за мучений, многих изменений, как столетний, я прежде всего делами рук своих, как ты видел из того, что я тебе прислал, добываю хлеб свой в поте лица. Приходят из разных монастырей и скитов Афона, и мы по благодати Божией говорим подаваемое от Господа.

Тружусь умно и исполняю неопустительно свои монашеские обязанности. И по ночам достаточно долго, после того как ум устанет в молитве, пишу немало писем, когда христиане из разных мест просят у меня помощи. И после всего, что ты услышал, впадаю в отчаяние из-за того, что не исполняю воли Господа моего, говоря и плача: "Кто знает, угодно ли Господу моему то, что я делаю, или, может быть, я заблуждаюсь и, другим проповедуя, сам остаюсь неискусным? Ибо от меня сокрыта божественная воля Господа моего. Ибо кто позна ум Вседержителя^[58] или кто постоит против Него, аще беззаконие назрит?"^[59]

А ты, чадо мое, из-за одного преслушания бросил все свое оружие? Из-за слова одного беса отказываешься от сражения? А если бы ты увидел зиму? Снежные бури? Когда полчища и воинства бесовские тебя устрашают? Ты испугался угрозы одного беса? Да не верь никогда тому, что он говорит. Ибо он изначально лжец и не имеет никакой силы против нас, если только мы не будем находиться в гордом неведении. Они только угрожают и пугают нас, однако силы не имеют. Ибо если они не имели власти идти в свиней, то как могут искушать нас без позволения Господа?

Итак, научись иметь мысли смиренные и вовсе не бойся слов бесноватого человека. У нас есть ясное свидетельство нашего Господа: когда однажды бес, заговорив, сказал: "Вемы, кто еси"^[60] то хотя он и сказал правду, Господь заставил его молчать, подавая нам пример не слушать слов бесноватых, даже если нам кажется, что они говорят истину. Ибо устами человека говорит бес. И сейчас он скажет истину, а потом - снова ложь, потому что он искони лжец и никогда не стоит в истине. И если человек начнет верить этому, быстро превратится в посмешище для бесов.

Итак, приди в себя и выброси эти слова из своего ума. Смиранный, если и тысячи раз упадет, снова поднимается, и падение вменяется ему в победу. А гордый при падении в грех сразу впадает и в отчаяние и, ожесточившись, не хочет более подняться. Отчаяние - смертный грех, и диавол радуется ему больше всего. Но при исповеди оно сразу исчезает.

Итак, чадо мое, понуждай себя ко всякому благу. И если, соучаствуя в добре, мы часто падаем, все-таки не будем пребывать в падении, но, восстав, будем просить прощения у нашего Спасителя. И Он, сказавший Своему ученику прощать виновному седмижды семьдесят раз в день, как, Сам будучи Законодателем, может не простить нас?

Поэтому не бойся. Но когда падаешь, каждый раз вставай и проси через священников прощения. И Он, как Преподобный, не будет держать на тебя зла, не будет сохранять гнев: "Елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша"^[61].

19. "...

Постоянно приноси покаяние, когда согрешаешь, и не теряй времени"

Получил, чадо мое, твое письмо и увидел в нем твое беспокойство.

Однако не печалься, дитя мое. Не беспокойся так сильно. И если опять упал - опять встань. Твое призвание - быть небогтецем^[62]. Неудивительно, что бегущий спотыкается. Ему нужно только иметь терпение и покаяние каждое мгновение.

Поэтому постоянно приноси покаяние, когда согрешаешь, и не теряй времени. Ибо чем

больше ты медлишь, с тем чтобы попросить прощения, тем глубже позволяешь лукавому пускать в тебе корни. Не давай ему усиливаться тебе во вред.

Итак, не отчаивайся, падая, но, поднимаясь, с усердием приноси покаяние, говоря: "Прости меня, Христе мой, я человек и немощен".

Это - не оставление. Но так как у тебя пока еще много мирской гордости и тщеславия, наш Христос попускает тебе согрешать, падать. Чтобы ты каждый день ощутительно познавал свою слабость и терпел падающих. Чтобы не осуждал братьев, если они согрешают, а поддерживал их.

Так что, когда падаешь, каждый раз снова поднимайся и сразу проси прощения.

Не скрывай печаль в своем сердце. Ибо радость лукавого - это печаль, уныние, из которых рождается много другого и от которых наполняется горечью душа имеющего их. Тогда как расположение кающегося говорит: "Согрешил, прости, Отче!" И так он прогоняет печаль. "Разве, - говорит он, - я не человек немощный? Итак, что же мне делать?" Воистину, чадо мое, это так. Имей дерзновение.

Только когда придет благодать Божия, тогда человек стоит на ногах. Иначе, без благодати, он всегда шатается и всегда падает. Итак, мужайся и совсем не бойся.

Ты видел, как перенес искушение брат, о котором ты пишешь? Подобное делай и ты. Приобрати мужественный образ мыслей перед лицом приходящих искушений. Они обязательно придут. Они тебе необходимы. Ибо иначе не очистишься. Оставь то, что тебе говорят уныние и лень. Не бойся их. Как по благодати Божией прошли предыдущие, так минуют и эти, сделав свое дело.

Искушения - это лекарства и целебные травы, которые исцеляют явные страсти и наши невидимые язвы.

Итак, имей терпение, чтобы каждый день приобретать, сберегать награду, упокоение и радость в Небесном Царствии. Ибо приближается ночь смерти, егда никто же может кому делати^[63]. Поэтому поспеши. Времени мало.

Да будет тебе известно и это: лучше победоносная жизнь в течение одного дня с наградами и венцами, чем много лет и жизнь в нерадении. Поскольку однократный подвиг с ведением и чувством души стоит пятидесяти лет кого-то другого, без ведения, но нерадиво подвижающегося.

Без подвига и пролития крови не жди свободы от страстей. Терния и волчцы возвращают нашу землю после преступления. Нам заповедано очищение, однако они искореняются с большой болью, кровоточащими руками и многими воздыханиями. Итак, восплачь, пролей реки слез - и умягчится земля твоего сердца. И когда земля будет полита, ты легко искоренишь сорняки.

20. "Не отчаивайся!"

Со всеми это случается" Болзнует душа, и тяжкая туча покрывает мое сердце. Теряется мой ум, умолкает язык, немеет моя рука из-за тебя. Не доумеваю и изумляюсь, почему ты не можешь немного понудить себя.

Ах, если бы ты видел, дитя мое, мою боль и слезы, пролитые о тебе! И как я беспокоюсь и буду беспокоиться, пока не услышу, что ты встал и дал пощечину противоборцу! Ибо не ты тот, кто это делает, а он, лукавый, мятежник, диавол - Бог да упразднит его!

Итак, прими дерзновение, дитя мое, и восстань от падения. Поднимись. Разгневайся на

искушающего, зная, что он тот, кто строит все эти козни. Но ты ему не позволяй. Воюй с ним.

И когда он приносит тебе воспоминание того лица, бери палку и крепко бей себя по бедрам, чтобы увяла плотская похоть. Ты заплачешь от боли, но ум очистится от воспоминания. Исчезнут образы, и уйдет обман воображения.

Этого искушения, дитя мое, сильно бойся. Ибо это - осквернение для души. Этого нечистого нужно бить безжалостно.

Здесь у всех моих молодых есть палка возле подушки. И как только им придет плотской помысел - они его палкой! Так увядает похоть и расцветает душа. Итак, другого лекарства нет - молитва, пост и палка! И тогда очищается ум. Легко приходит в умиление душа. Смягчается сердце. И ты получаешь дерзновение во время молитвы.

Не отчаивайся! Со всеми это случается. Это брань искушителя, которая пройдет. Поскольку ты воевал с ним вначале, а сейчас твоя ревность охладела, он хочет наверстать упущенное. Но и ты снова поднимайся, кайся и плачь.

Не помнишь того брата, который говорил бесу: "Эта келлия - мастерская медника: один удар молотком даешь - один получаешь". Итак, крепко воюй со страстью и быстро с Божией помощью получишь избавление.

Однако сперва ты должен понять причину искушения. Это случается с тобой потому, что ты хранишь в душе помыслы против твоего старца и братии.

Диавол, как коварный искусник, приносит ненависть к старцу и братьям, чтобы разорвать союз любви. Он приносит отвращение ко всем добродетельным, стараясь сделать так, чтобы они прекратили молитву. Ибо молитвы многих его связывают и лишают силы.

Поэтому он ищет, каким способом или под каким предлогом можно обособить тех, кто верит его помыслам, и отлучить их от собора отцов. После этого он господствует над ними, делая их подвластными себе.

Из этого уразумей, что все это - козни и ухищрения лукавого. Поэтому не слушай, что он шепчет тебе в помыслах.

Смотри, чтобы он не вынудил тебя оставить твое правило, ибо тогда ты пропал. Да не порадуетсЯ он в своих ожиданиях.

Жду, когда ты меня обрадуешь этой пощечиной, которую дашь ему в лицо.

Я сейчас поставлю здесь всех братьев на молитву, чтобы ты получил силу свыше. Хотя и я никогда не перестану о тебе молиться, но сейчас это будет совместно. Ты же не неради впредь и не отчаивайся.

Прими эти маленькие четки, молись и получай силу. Люби своего старца и братьев и не держи на них зла напрасно.

Воистину любовь сильнее всех козней и сил вражиих. Что бы ни случилось, считай это за ничто, поскольку не ты виноват. Ни ты не обидел их, ни они тебя, а искуситель, который против всех нас воюет и всех нас ссорит. Ибо это его дело. Сегодня искусился ты, завтра - другой, а послезавтра - третий, поскольку искушающий в этой жизни всегда будет.

Однако я снова говорю, и услышь мой голос: "Не отчаивайся! Вместе пойдем в рай. И если я не приведу тебя туда, то и сам не буду там находиться". Познай из этих слов избыток любви во Христе Иисусе, Господе нашем.

человеком, грех прощается, когда он покается, а воображение остается до последнего издыхания.

И когда человек слегка задремлет, когда немного вознерадит, оно представляет ему согрешение во время бодрствования или во сне, чтобы осквернить его помысл, чтобы сделать его ответственным за старый грех или хотя бы заставить его ум парить.

Разве ты не видишь пророка Давида, когда Нафан обличает его за Вирсавию? Он возглашает: "Согрешил ко Господу!" И пророк ему говорит: "И Господь отъя согрешение твое"^[64]. Итак, он был прощен сразу, однако до конца дней был наказуем.

Вначале умер младенец, которого родила Вирсавия. Затем согрешил его сын против его дочери Фамари. Потом за ним гнался его сын Авессалом... И все это он потерпел после прощения. Ты видишь, что, хотя грех и прощается, остается епитимья, соответствующая падению.

Разве ты не видишь святую Феодору Александрийскую, которая жила, как монах? Она согрешила, бежала, покаялась, стала святой. И, однако, за прелюбодеяние не понесла епитимьи. Когда она была оклеветана и изгнана, воспитала чужое дитя, только она одна знала, из-за чего на нее возводится клевета.

А великий Ефрем? Разве его не посадили в тюрьму за то, что он якобы украл теленка, хотя он был святой? "Да, - сказал ему Господь, - сейчас ты не украл, но, когда был ребенком, не развязал ли ты его и он достался хищнику?"

Итак, хотя человек и получает прощение за свой грех, однако остается воображение согрешения и его действие.

И поскольку ты в последнее время вознерадел, Бог попустил, и против тебя восстал искушающий, чтобы ты проснулся. Посему встань и воззови: "Сыне Давидов, хочу прозреть!" И вот рядом Светодавец Иисус, озаряющий тебя светом покаяния и божественного познания.

Итак, не печалюсь, дитя мое, о прошедшем, а радуюсь о будущем. Ибо меньшее от большего благословляется^[65] и грех, малый или великий, при истинном покаянии исчезает.

Посему не смотри назад, а простирайся вперед. И я весьма радуюсь, дитя мое, что ты хочешь учиться. И это прекрасный признак: когда кто-нибудь хочет учиться, то обязательно что-нибудь сделает, иначе быть не может. А если и не сделает, то считает, что есть другие, которые трудятся. И, укоряя себя, смиряется, прося у Бога, чтобы пришла Его милость и укрепила его. И так он достигает меры преуспевших в добродетели.

22. "Итак,

не желаешь страдать? Не желай восходить" Утроба моей души! Почему ты унываешь? Почему отчаиваешься? Почему изнемогаешь? Так легко ты отказываешься от подвига?

Вот Бог попустил бесам тебя немного встряхнуть, чтобы ты увидел, где находишься. Чтобы стала видна гордость, чтобы смирилось твое сердце. Чтобы ты познал, что ты - человек, "познай себя". Чтобы ты стал сострадательным к согрешающим и совсем их не осуждал.

Как узнаешь о немощи естества, если тебя не разбудят вороны? Если сладкий Иисус не уменьшит Свою благодать, как ты научишься искусству всех искусств и науке всех наук?

Сейчас ты учишься этому искусству. Сейчас получаешь награду. Сейчас показываешь, что любишь Христа, а не тогда, когда есть благодать.

Какую благодарность покажешь, когда есть благодать? Она сама тогда взывает неизреченно о себе самой: "Авва Отче!"^[66] Благодать взывает к Подателю благодати: "Кто

может меня отлучить от любви Твоей, Иисусе мой?"^[67] Это говорит посредством телесных уст благодать, живущая в тебе сила, а не плоть. Как и бес оскорбляет и хулит посредством уст человека бесноватого.

А плоть без благодати не может сотворить ничего. Плоть, когда нет благодати, отрекается от Иисуса. Кричит петух. Петр вспоминает. Плачет горько. Кричит: "Я согрешил". Но снова скрывается в горнице. Боится иудеев. Его сердце бьется как у мыши, чующей за стеной кошек. "С Тобою, - говорит он, - еще ми есть и умрети!"^[68] "Не отрекусь от Тебя", - говорит он, когда рядом Христос. Но трижды от Него отрекается, когда Христос уходит.

Итак, видишь? Понимаешь, какая великая тайна скрыта здесь, в этих словах? Христос ходатайствует за нас в Духе Святом. Поэтому когда Он приходит, мы становимся риторам. Рыбаки - учителями. Блудники целомудрствуют. Воры не воруют. И все каются. И кто все это сделал? Один Ведущий. Благий Кормчий. Сладкий Иисус. Единственная Любовь.

Когда человек понимает человеческую боль? Когда сам чувствует боль. Когда пройдет через подобное. Тогда он познает, понимает боль другого. А иначе он остается жестоким и никого не жалеет, если только не окажется добрым от природы. Но все то, что от природы, ни чести не удостаивается, ни бесчестия: подвиги и падения происходят от произволения.

Итак, как мы научимся этой науке всякого ведения, если нас не встряхнет искушение? Ведь если бы ушла благодать, не мы с тобой, но даже святые апостолы не были бы апостолами! Как может брение, глина удержать воду, если не будет обожжено в огне? Бог нас хочет сделать такими, как борец на арене или мяч, которым играют.

Он возводит тебя на небеса. Показывает тебе то, что глаза страстного человека не видели и слух пекущегося о вещественном не слышал. И хотя ты ничем не согрешил, переворачивает страницу и бросает тебя в преисподнюю. И радуется, когда видит, что ты, как борец, сражаешься со всеми полчищами бесовскими. Возьми Павла и оставь меня^[69]. После того как он поднялся до третьего неба и видел и слышал неизреченное, снова возглашает: "Дадеся ми пакостник плоти"^[70]!

Так поступает Крепкий силою, пока не соделает человека совершенным: заставляет его восходить, созерцать, нисходить и утруждаться. И относиться к этому как к делу обычному, и к тому и другому. Не ощущая обычных изменений. "И то и другое, - говорит Он тебе, - ради Меня".

Итак, не желаешь страдать? Не желай восходить. Если кто-то не желает терпеть скорби, пусть не просит себе и благодати.

Итак, Бог для того забрал у тебя благодать, чтобы ты стал мудрым. И она снова придет. Не оставит тебя. Это закон Божий. Но снова уйдет. Однако и снова придет. Только бы ты не прекращал просить ее до тех пор, пока она не соделает тебя совершенным.

Известно, что когда один страстный станет учить другого страстного, то благодать сразу отходит от первого и он впадает в то же самое. Ибо прежде "делания" не дано ему такой привилегии.

Однако не только в этом причина того, что тебя оставил Бог. Поскольку, если бы и не было этого, благодать непременно ушла бы за это время. Не помнишь, что я тебе сказал вначале: хочу, чтобы то, что ты говоришь сейчас, ты мне говорил через четыре года? Прочитай первые письма, и увидишь это.

Это непреодолимый закон Божий. Через три-четыре года и редко - через пять лет благодать уходит для обучения имеющего ее и для того, чтобы, если он захочет, сделать его мудрым.

Итак, не печалься, это общая чаша. Прочти о святом Андрее, Христа ради юродивом, и

увидишь, что он говорил, когда Христос давал ему горькое. Оно для всех нас, соответственно мере каждого.

Итак, потерпи узы Христа твоего. Крепко сожми уста и не произноси ни слова. Ободрай себя, говоря: "Что печалишься, душа моя, и что унываешь? С тобой не случилось ничего плохого. Ушел Христос ненадолго, но и снова придет. Он немного медлит, желая тебя научить терпению и смирению. Святые столько претерпели, а ты не можешь немного потерпеть домостроительство благодати?" Так говори своей душе и не унывай. Ибо для искусителей радость - видеть, что ты печалишься и унываешь.

И когда благодать придет и уйдет и снова будет приходить и уходить, тогда научишься брани, и это не будет производить на тебя никакого впечатления, но ты будешь, радуясь, говорить: "Испытай меня, Христе мой, и искуси меня, как серебро". Тогда глубокопустишь корни, как деревья, которые чем сильнее на них дует ветер, тем глубже укореняются. И свидетель мне Бог, что в самых больших моих искушениях я нашел самое большое утешение.

Итак, мужайся и укрепляйся о Господе, терпя искушения, и снова придет благодать.

23. "А

палка - защита от всякой страсти" Благодать всегда предшествует искушению, предупреждая и говоря: "Будь готов и затвори свои двери".

Когда видишь в своем сердце утешение, в своем уме - просвещение и созерцание, то сразу будь готов. Не говори: "Мне дано успокоение", но, зарядив свое оружие - слезы, пост, бдение и молитву, - приставь часовых к чувствам, чтобы охранять ум.

Каким образом начнется сражение? От бесов? От людей? Или от твоего собственного естества? Не смыкай глаз, пока труба не протрубит бой. И когда произойдет битва, тебе будут видны твои подвиг и победа.

Тогда тебе, несомненно, нужно бояться, когда в тебе действует благодать. Если же видишь, что тебя отовсюду душат искушения и скорби, тогда радуйся. Не печалься, не ропщи, не унывай. Ободрай себя, ибо к тебе придут радость и утешение.

Говори: "Мужайся, душа моя. Это только искушение, испытание, скорбь, а потом на многие дни у тебя будет мир, и радость, и благодать". Говори: "Благодарю Тебя, Христе мой, ибо в скорби распространил мя еси, и, наказуя, наказал мя еси, и извел еси в покой душу мою" [\[71\]](#).

А палка - защита от всякой страсти. И бесы ее боятся и трепещут, видя, что человек наказывает себя, как мученик, ради любви Христовой.

Время от времени, когда страсти восстают против души и хотят сбросить всадника - ум, когда каждая страсть поднимает голову, повелевай ей: "Молчи, престани" [\[72\]](#)! Иначе порабощает жезл!"

Приходит, например, помысел и огорчает тебя в церкви: "Почему снова поет твой брат, а не ты, хотя и твоя очередь?" Ты ему говоришь: "Лучше, чтобы порадовался мой брат, а не я". Помысел настаивает: "Но почему, ведь так было бы справедливо и правильно?" Ты скажи ему: "Диавол, оставь меня!" И погрузись умом в Иисусову молитву. Восстает искуситель, хочет извести: "Ну нет, почему?" - "Ладно, - скажи ему, - ладно! Подожди немножко - я тебе скажу, почему!"

И сразу под каким-нибудь предлогом выйди из церкви и поспеши в свою келлию. Там возьми палку и скажи с гневом: "Вот твое "почему", диавол, вот оно! Вот справедливость, которой ты у меня просил, получай же!" И, нанеся ему рану в своем теле, ты жалуешься на

него Христу как на виновника твоей боли. Убегает, трепеща, бес, приходит Христос, наполняет тебя умилением, облегчает страсть, и ты учишься искусству побеждать.

Тобою овладевает сон? Попирай нерадение. Тебя возмущает гнев? Сокруши гордость. Тебя огорчают памятозлобие, зависть? То же самое. Не нравится тебе еда? Так же. Восстает плотская брань? Восстань, как сильный, и борись со своими врагами. И вообще, когда тело и помысел будут искать "справедливости" и "почему", решение - палка.

"Или проживу один час, как Ты хочешь, Христе мой, или пусть меня не будет в этой жизни". Так плачешь, рыдаешь, и приходит милость Господня. Успокаиваются страсти, и ты имеешь мир с самим собой, с Богом и со всем творением. Усмиряется тело со всеми своими помышлениями, и тогда ему больше не нужна палка, так как оно научилось подчиняться духу.

И я, прежде чем усмирилось мое тело, много палок поломал о свои бедра. Как палач, стоял над самим собой. Все мое тело дрожало, когда видело, что я сейчас возьму палку. Убегали бесы, успокаивались страсти, приходило утешение, и радовалась душа. Поскольку закон Божий: все, что приносит наслаждение, исцеляется страданием.

Итак, довольно об этом. Если хочешь большего, прочти жития святых. Прочти, и увидишь, какое злострадание употребили святые против своего ветхого человека, сколько вольно-невольно утесняли себя, пока не расцвел в них цветок чистоты, благоухание святости. Поэтому благоухают и мироточат их мученические и преподобнические святые мощи.

24. "В

тот вечер Бог показал мне злобу сатаны" Не удивляйся, чадо мое. Так бывает с монахом. Жизнь монаха - постоянное мученичество. Сладкий Иисус познается в скорбях. И как только взыщешь Его, Он предложит тебе скорби. Его любовь - в страданиях. Он показывает тебе немного меда, а под ним спрятал целую кладовую горечи. Предшествует мед благодати, а за ним следует горечь искушений.

Когда Он захочет послать тебе страдания, предупреждает тебя и как вестника посылает тебе соответствующую благодать. Он как бы говорит тебе: "Будь готов!" Чтобы ты ждал, откуда на тебя нападет и ударит враг. И так начинаются твои подвиг и брань.

Смотри не робей. Не удивляйся, когда "палят пушки", а стань мужественно, как воин Христов, как испытанный борец, как доблестный боец. Ибо эта жизнь - поприще борьбы. Упокоение будет там. Здесь - изгнание, там - наша истинная родина.

Я тебе еще не говорил? Вначале у меня восемь лет была страшная борьба с бесами. Каждую ночь - неистовая битва, а днем - помыслы и страсти. Они приходили с саблями, мотыгами, топорами и лопатами.

- Все на него! - кричали они. Я претерпевал мучения. - Предвари^[73], Матерь Божия! - взывал я, и хватал одного, и давай бить им других... разбивал себе руки о стены.

И по случаю пришел один знакомый из мира нас посетить. И ночью я положил его спать в свою маленькую келлийку. И приходят бесы, как приходили обычно ко мне, и начинают его бить, а он как закричит! Человек пришел в ужас. Чуть не сошел с ума. Я сразу прибегаю.

- Что с тобой? - говорю ему. - Бесы, - говорит он, - чуть не задушили меня! Избили меня до полусмерти!

- Не бойся, - говорю я ему. - Должен был получить я, а этой ночью по ошибке досталось тебе. Но ты не беспокойся. Я говорил ему и другие веселые слова, чтоб его успокоить. Но это

оказалось невозможным. Он не мог больше оставаться на том месте мученичества. Испуганный, он озирался по сторонам и просился уйти. Ночь-за полночь отвел я его в Святую Анну^[74] и возвратился.

Жили мы тогда у Святого Василия^[75]. Итак, после таких восьми лет от палки, которой я каждый день бил свое тело из-за плотской брани, от поста, который я соблюдал, от бдения и других подвигов я дошел до полного изнеможения. И слег. И уже отчаялся, что нет надежды победить бесов и страсти.

И однажды ночью, когда я сидел, открылась дверь. Я, склонившись, творил умную молитву и не посмотрел. Сказал про себя, что открыл отец Арсений. Потом чувствую, что чья-то рука возбуждает у меня снизу сладострастие. Смотрю и вижу беса блуда, плешивого. Я бросился на него, как собака, - такая была у меня против него ярость, - и схватил его. И наощупь почувствовал, что на нем была щетина, как у свиньи. И он исчез. Все вокруг наполнилось зловонием. И с этого мгновения ушла вместе с ним и плотская брань. И я пришел после этого в великое бесстрастие, как младенец.

В тот вечер Бог показал мне злобу сатаны. Я был очень высоко, в каком-то прекрасном месте, а внизу была большая равнина и рядом море. И бесы поставили тысячи сетей. И проходили монахи; и когда они падали, сети опутывали одного за голову, другого - за ногу, третьего - за руку, за одежду, кого за что можно было. А глубоководный змей высунул голову из воды и, испуская пламя из своей пасти, глаз и носа, радовался и веселился из-за падения монахов. Я же, видя это, поносил его. "О глубоководный змей! - говорил я. - Ради этого ты нас обманываешь и нас уловляешь!"

И я пришел в себя, ощущая и радость, и скорбь. Радость - ибо увидел сети диавола. Скорбь - из-за нашего падения и из-за опасности, которой мы подвергаемся до конца дней.

После этого я обрел великий мир и молитву. Но он не успокаивается. Обратил против меня людей. Для того я тебе это пишу, чтобы проявлял терпение ты и остальные братья.

В этой жизни - борьба, если хочешь победить; это не шутки! Ты воюешь с нечистыми духами, которые пускают в нас не пирожные и мармелад, а острые пули, убивающие не тело, а душу.

Только не печалься. Не робей. У тебя есть помощь. Я тебя поддерживаю. Видел тебя вчера поистине во сне, мы восходили вместе ко Христу. Итак, встань и беги вслед за мной.

Только будь внимателен, поскольку видел сети лукавых; и горе тому, кого они поймают: нелегко ему будет вырваться из их когтей.

Конечно, диавол, как бы он этого ни желал, не сможет сам нас погубить, если мы не будем содействовать его злобе; но и Бог тоже не спасет нас Сам, если мы не будем содействовать Его благодати в нашем спасении. Бог всегда помогает, всегда предвещает, но хочет, чтобы и мы потрудились, сделали то, что можем.

Поэтому не говори, что не преуспел и почему не преуспел и т. п. Ибо преуспевание не зависит только от человека, даже если он захочет, даже если много потрудится. Сила Божия, Его благословенная благодать - она делает все, когда примет наше. Она поднимает падшего, она исправляет низверженного.

Самого Бога и Спасителя нашего будем просить и мы от всего сердца, чтобы пришел: укрепил расслабленного, восставил четверодневного Лазаря, дал очи слепому, напичал алчущего.

действие чувств, и его восхищает созерцание" То, что ты вкусил, дитя мое, в той твоей молитве ночью, есть действие благодати. Проси, чтобы Господь снова дал тебе его, когда Ему будет угодно. Знаю одного знакомого брата, который однажды встретился со многими искушениями и весь тот день провел в слезах, ничего не вкушая.

И когда заходило солнце, он, сидя на камне, смотрел на храм Преображения на вершине, и, плача, просил с болью, и говорил: "Господи, как Ты преобразился перед Твоими учениками, преобразись и в моей душе! Укроти страсти, умири мое сердце! Дай молитву молящемуся и удержи мой неудержимый ум!"

И когда он это с болью произносил, пришло оттуда, от храма, дуновение, как бы легкий ветер, полный благоухания, который, как он мне говорил, наполнил его душу радостью, просвещением, божественной любовью, и в нем начала со сладостью непрестанно изливаться из сердца молитва.

И тогда, встав, он вошел туда, где жил, ибо уже наступила ночь, и, склонив голову на грудь, начал вкушать сладость, которую источала данная ему молитва. И сразу был восхищен созерцанием, весь вне себя.

Его не окружают стены и скалы. Он за пределами всякого желания. В тишине, в ослепительном свете, безграничной широте. Без тела. И только одним занят его ум: чтобы не возвращаться больше в тело, а остаться навсегда там, где находится.

Это было первое созерцание, которое видел тот брат, и он снова пришел в себя, и подвизался, чтобы спастись.

Я сел и немного пришел в себя, и, вспомнив сказанное вначале, связываю порвавшуюся струну. И, взяв свою лиру, медоточиво восхваляю терния, которые собираю в пустыне. Итак, приди и снова отдохни под моей сенью. И я соберу тебе с терний благоуханную смолу. И когда к тебе придет скорбь, снова обоняй смысл сказанного, и мои слова покажутся тебе слаще меда.

Итак, оба образа молитвы хороши. Хотя второй, со словами, немного опасен, однако более плодотворен. Я использую их оба каждый вечер. Сначала - со словами, а когда устану и не нахожу плода, заключаю ум в сердце.

Я знал брата, который, когда был молодым, двадцати восьми-тридцати лет, на шесть часов опускал свой ум в сердце и не позволял ему выйти оттуда с девяти вечера до трех ночи (у него были часы, которые били каждый час). И весь делался мокрым от пота. И затем вставал, исполняя остальные свои обязанности.

Итак, вкратце: чтобы приобрести свободу, человек должен сгноить свое тело и презирать смерть.

Молитва, которая совершается со словами, совершается также умно, безгласно и называется прошением, мольбой. Итак, начинающий просительную молитву, начинает так: "Боже невидимый, непостижимый, Отче, Сыне и Святый Душе, Едина сила и помощь всякой души, Един благий и человеколюбец, жизнь моя, радость и мир..." И продолжает достаточно долго эту импровизированную молитву.

И если начнет действовать благодать, сразу открывается дверь и он достигает небесных врат; и как столп или огненное пламя восходит молитва; и в это мгновение происходит изменение. А если не содействует благодать и происходит рассеяние ума, тогда он заключает его в сердце круговращательно, и он успокаивается, как в гнезде, и не парит - и сердце как будто становится местом заключения и заточения ума.

А когда происходит изменение, оно совершается во время просительной молитвы. И от прилива благодати он наполняется просвещением и бесконечной радостью. Тогда, объятый благодатью, он не может удержать огонь любви, прекращается действие чувств, и его

восхищает созерцание. До этого совершались движения собственной воли человека. После этого он более не властвует над собой и не знает самого себя. Ибо уже сам соединился с огнем, весь пресуществился, бог по благодати.

Такова божественная встреча, при которой исчезают стены и он вдыхает другой воздух, мысленный, свободный, наполненный благоуханием рая. Потом снова мало-помалу тает облако благодати и бренный человек застывает, как воск, и приходит в себя, как будто вышел из бани: чистый, легкий, светлый, приятнейший, сладкий, мягкий, как вата, и полный мудрости и ведения.

Но тот, кто хочет сего, должен каждое мгновение направляться к смерти.

26. "Сестра

о Господе и благоговейнейшая игумения..." Сестра о Господе и благоговейнейшая игумения N, молюсь о твоём здравии, драгоценном для твоих сестер.

Благословенная старица! Сегодня получил твоё письмо и посмотрел, что в нём. Поскольку ты пишешь мне, что будет польза, то и я верю твоим словам и оставляю свою волю, молясь, чтобы каждое слово пошло вам на пользу и во спасение души.

Итак, отверзи свои уши и прими мои слова. Когда мы, сестра моя, пришли на Святую Гору, то не затворились, как делают обычно многие, в одном доме. Но искали, звали, плакали, не пропустили ни одной горы и дыры, ища неложного наставника, чтобы услышать слова жизни, а не праздные и суетные. Итак, не осталось ни одного старца-пустынника, от которого мы не получили бы хоть каплю пользы.

Один, девяностолетний, нам рассказывал, что жил на одной вершине семнадцать лет. И ударяли молнии и разрывали ему одежду; а он проявлял предельное терпение.

Другой нам рассказывал, что дал антидор нагим святым подвижникам, которые никому себя не показывали.

Третий - что причащал их, служа в полночь. Ещё один - что сам он был русский и много лет жил на вершине. И каждые десять лет приходил и встречался с другим пустынником. И он нам сказал, что ждал его там, где мы тогда находились. И мы тоже могли бы его увидеть. Но он, по-видимому, умер в пустыне.

Все они благоухали, как святые мощи. И когда я это слышал, во мне ещё сильнее разгорался огонь. И я спрашивал, как они едят, как молятся, что видели, что постигли, что видят, умирая.

Один видел Пресвятую, другой ангелов, когда отходила его душа. И ныне такое случается. Что перед смертью видят видения, чтобы Бог их забрал с миром.

И так как я слышал подобное, то бежал, когда они были при смерти с жаждой видеть, слышать, что они говорят.

И от этих святых я получил "чин" и "устав", как мне себя вести в своей жизни. Они меня наставили. От себя я не говорю ничего.

Знал я и дом того старца, о котором Вы говорите, лудильщика, того, который ловил рыбу, отца Неофита, делавшего нательные кресты, и многих других. Но я смотрел, где есть духовная жизнь. Где могу приобрести душевную пользу. Когда сокровища уйдут в сокровищницы Божии и наступит голод, не будет слышно слово Божие. Светильники угасают. И мы идем во тьме осязаемой. Слово о том, как спастись, редко можно услышать. Только злословие и осуждение. Один желает учить другого, а кто-то хочет свою расслабленную жизнь выдать за исполнение Евангелия как продолжение жизни отцов.

Великая боязнь искушений и непомерное хвастовство на словах.

Но оставим окружающих, благословенная старица. Как каждый из них живет, так и говорит. Так видят, так говорят. Все правы.

Когда человек потеряет дорогу, потому что уклонился и другой дороги не знает, то хочет, чтобы все шли так, как идет он. Если кто-нибудь ему скажет, что есть и другая дорожка, более короткая, он ответит: "Ты прельстился! Другой дороги нет", ибо он ее не знает. Поэтому он прав. То, что он видит, то, что он думает, - это он от себя говорит и судит.

Сейчас, поскольку мы затворились, чтобы безмолвствовать, ибо этому научились с самого начала, все настроены против меня. Или, скорее, это делает искуситель, которому не нравится видеть, что кто-то заботится о спасении в нашем роде. Итак, да упразднит его Господь и да будут помилованы эти братья за то, что говорят и как судят.

А я все оставляю Богу и учусь терпеть случающееся безропотно.

Однако скажем сейчас о молитве Иисусовой, о которой ты спрашивала.

Я думаю, моя добрая старица, что ты потерпела большую несправедливость. Ты не была предназначена для стольких забот, но была предназначена для безмолвия. Итак, если хочешь меня послушать, я нахожу, что было бы хорошо установить меру деланию и безмолвию, смешивая то и другое. Ибо без безмолвия не бывает благодати, а без благодати человек - ничто.

Поэтому попроси старца дать тебе отдельную келлийку, чтобы в ней безмолвствовать. И до полудня принимай, беседуй. А потом, после того как поешь, спи до вечера. И не позволяй, чтобы тебя беспокоили до следующего утра, даже если загорится монастырь. А как проснешься, если еще день или заходит солнце, сама занимайся чтением, выполняя правило, когда же стемнеет, выпей чашечку кофе и начинай свое бдение - начинай молитву.

Твоя цель - подвигнуть благодать, чтобы она стала действием. А когда начнет действовать благодать - это всё.

Я начинаю так: сперва повечерие с акафистом. И как закончу, начинаю молиться словами, которые придут мне на ум, Христу и нашей Пресвятой: "Иисусе мой сладчайший, свете души моя, единственная любовь, единственная радость, мир..." И говорю много и с болью. Потом Пресвятой. Какую великую любовь проявляет наша сладкая Мамочка - о если бы Она всегда была у вас на устах!

И когда успокоится ум, усладится душа, садись и произноси умно молитву, как ты пишешь, пока не подступит дремота. Тогда снова неспешно пой со сладостью и воспевай Владыку Христа, Его Пречистую Матерь. Читай медленно, четко: "Свете тихий...", "Кто Бог великий...", "Святый Боже..." и другое, что знаешь.

Затем Всецарице: "Радуйся, Царице...", "О Тебе радуется, Благодатная...", "Достойно есть, яко воистинну...", "В Чермнем мори..." и тому подобное. И если сонливость упорствует, прибавляй: "Объятия Отча...", "Хотех слезами очистити...", "Кто обуреваем и притекая...", "Овча аз есмь..." и что еще вспомнишь.

Произноси это с умилением, сидя на своем ложе, ожидая милости и щедрот Божиих.

И если после этого благодать не начнет действовать в словах, то начнет действовать в Иисусовой молитве, а если нет, - в пении.

А чтения наедине не оставляй никогда, так как оно приносит большую пользу. Ибо получаешь пример от святых. Видишь, как в зеркале, свои ошибки, недостатки и исправляешь свою жизнь. Чтение - свет во тьме.

Так больше пользы принесешь сестрам, чем если будешь весь день утомляться.

Затем вставай. Если хочешь, иди в церковь. А если останешься в уединении, совершай службу по четкам и отдыхай.

Так и здоровье свое сохранишь, и душе своей принесешь пользу, и для сестер будешь горящим светильником. А иначе, старея среди шума, совсем потеряешь свою молитву, ибо ты приучена к безмолвию.

Итак, моя истинная сестра, поскольку ты попробовала и безмолвие, и жизнь среди многих, то узнала пользу того и другого. Посему сраствори одно с другим, и благо тебе будет. Позаботься о том, чтобы безмолвствовать, сколько сможешь, и уйти отсюда успокоенной.

27. "Я убегаю ради Бога,

а о людях не пекусь" Ты говоришь о старце, что он хочет совершить паломничество на Святую Гору. Доброе и святое дело он сделает. Только пусть не рассчитывает на то, что он тебя знает или что я есть в этой жизни. Потому что я живу в совершенном безмолвии, по уставу, отличающемуся от обычного, и поэтому со мной трудно встретиться. Поскольку дверь закрыта и открывается только в определенные часы.

Если он чего-то хочет, могу ему помочь при содействии братии. А того, что выходит за рамки устава, которому я следую, - чтобы я открыл дверь, заговорил, потерял свою молитву и безмолвие, - этого не могу никак. Только по необходимости, во время, которое определяю я. Ибо мое время ограничено. И мне придется допустить небольшое упущение, потерять ради того, чтобы поговорить ночью один или два часа.

А пишу я это для того, чтобы дать объяснение прежде, чем меня неправильно поймут. Я во всех своих поступках имею обычай говорить и делать все ясно, как в зеркале, чтобы никому не давать повода для подозрения словом и делом или же мыслью.

Ибо приходили многие из разных мест, не пожелав узнать устав, которому мы следуем. И поскольку я их не принял, соблазнились. Но и здесь все соседи настроены против меня, потому что я им не открываю. Хотя я закрываю дверь не для того, чтобы соблазнились отцы. Но, наученный долгими годами, увидев, что не получаю пользы от этой "любви", - только разрушаю без пользы свою душу - закрылся от всех навсегда и успокоился. Теперь не открываю никому. Нет у меня даже лишней комнаты для приезжих. А если кто-нибудь придет издалека, то должен прийти, когда отцы работают, утром. И если есть необходимость, он останавливается в комнате моего священника. Ибо во все субботы, воскресенья и праздники у нас бывает литургия. Приходит наш священник, совершает для нас литургию, и мы причащаемся.

Итак, я это сказал, чтобы не было соблазна. Я убегаю ради Бога, а о людях не пекусь. Хотя бы меня оскорбили, хотя бы поносили, хотя бы оклеветали, хотя бы имя мое опозорили, хотя бы все творение принялось говорить против меня.

Ибо я видел и много раз испытал, что если благодать Божия не просветит человека, то из слов, сколько бы ты ни говорил, пользы не выйдет. Одно мгновение он их слушает, а в следующее снова возвращается, плененный, к своему. Однако если одновременно со словом будет действовать благодать, то в тот же час происходит изменение, при благом произволении человека. И с этого часа чудесно изменяется его жизнь. Но случается это с теми, которые не ожесточили в себе слух и совесть. А со слушающими и не оставляющими непослушания по своей злой воле, хоть день и ночь беседуй, хоть мудрость отцов истощи в их уши, хоть чудеса сотвори у них перед глазами, хоть течение Нила на них обрати, - они не получают ни капли пользы. Они хотят только приходить, беседовать, чтобы провести время, из-за уныния. Итак, поэтому я закрываю дверь и, по крайней мере, сам получаю пользу от

молитвы и безмолвия. Поскольку молитву обо всех Бог всегда слышит, тогда как от празднословия всегда отвращается, даже если кажется, что оно духовное. Так как, согласно отцам, празднословие заключается, главным образом, в том, чтобы проводить свое время в словах, не исполняя свои слова на деле.

Итак, не слушайте того, что говорят, когда это говорят люди неопытные.

Тому же, кто не испытал, необходимо испытать, и с помощью опыта он узнает и найдет то, чего ему недостает. Опыт не покупается. Его приобретает каждый по мере своих труда и крови, которые он сам отдаст за это приобретение.

Поверьте, мои сестры, что труд в монашеском житии велик. Я не прекращал и не прекращаю день и ночь взывать и просить милости Господней и приближаюсь к отчаянию, как ничего не делающий, как никогда не "положивший начала". Но ежедневно, полагая начало, оказываюсь лжецом и грешником. Однако вы подражайте мудрым девам и, бодрствуя, горестно взывайте, призывая божественную милость. Ибо пришел для нас конец. Видимо, кончилось мирное время. Итак, и мы будем с умершими. Поэтому понудьте себя.

Пока достаточно того, что мы сказали. В другом письме напишу вам снова, если сказанное принесет плод и вы проявите усердие. Сейчас печалюсь только о матери маленькой монахини, о том, что она ропщет и злословит, как вы мне пишете. Многие матери потеряли, к сожалению, своих чад из-за ропота, ибо не посвятили их Христу от всей своей души. И дочери спасаются по благодати Христовой, а матери остаются далеко от них.

Но вы проявляйте терпение и не спорьте с тем, что они говорят. Время, по благодати Божией, это исцелит. И она со временем раскается. И будет печалиться о том, что сейчас говорит и делает. Но сейчас по отношению к ней нужна терпимость. Нужны неподдельная любовь и полное молчание. Что бы они ни говорили, вы должны быть умеренными в словах. И когда вы говорите, творите умную молитву, чтобы ваши слова облекались силой свыше.

А ты, благословенная старица, все срастворяй рассуждением и великим долготерпением.

28. К

монахине, принимающей святой и ангельский образ Получил твое письмо, агница Иисуса моего, и, читая его, пришел в хорошее душевное расположение. И сразу встал вне себя от радости. И, преклонив колени, простер руки. И что тебе сказать? Язык вещал. Губы непрерывно шептали. А ум непрестанно богословствовал. И глаза источали непрекращающиеся слезы.

"Благодарю Тебя, - говорил я, - сладкое дыхание, жизнь моей души, свет моего ума, утешение моего сердца, сладкий мой Иисусе. Благодарю Тебя, любовь моя сладчайшая, Иисусе вождественнейший, что не презрел смиренные мои моления, но услышал мой глас и помиловал мое малое чадце".

И вот уже через два дня после того, как пройдено испытание, она принимает святой монашеский образ. Становится новым человеком. Умирает человек ветхий. Она изменяет имя. Надевает брачную одежду. Прощаются грехи. Она дает обеты перед ангелами. Ее записывают на небесах.

Она больше не имеет родителей и родственников в миру. Оставляет дальнее, горняя мудрствует. С горним соединяется, о нем думает. Не имеет уже никакой воли, самоугодия, или власти над собственным телом. От всего отрекается и подчиняет себя слову своей старицы до последнего издыхания.

И уже совсем не спрашивает, что делает ближний. Но постоянно пребывает в безмолвии.

Трудится уже умным деланием. У нее непрекращающиеся слезы в глазах. Язык медоточивый. Речь умеренная. Тело непорочное. Ум чистый, немечтательный. Нерассеянная молитва. Постоянный мир. Совершенное послушание. Пламенная любовь к Спасителю Христу, которая все время горит не угасая, не угасая никогда. Так что стоит ей услышать имя Христа, и сразу начинает трепетать душа, услаждаются уста и пробуждается весь разумнотварный человек. Ибо обычай и божественная привилегия любви - взыграние сердца, когда человек слышит возлюбленное имя: и телесно, и духовно из одного и того же сердца изливается сладость любви.

Когда благодать озарит светом божественного сияния Духа, весь человек приходит в восторг и, как божественный Давид, играет и пляшет умно пред Божиим образом, как тот пред "сенным ковчегом".

Итак, вот почему, дочь Иисуса моего, сразу по прочтении твоего письма, после моей молитвы о тебе я написал тебе ответ, полный радости и веселья. А в воскресенье - ибо сейчас утро пятницы - в тот час, когда ты будешь давать обеты и принимать ангельский образ, буду умом присутствовать и я, и вместе с сестрами петь "Объятия Отча...", и в продолжение всего бдения буду молиться о тебе и обо всех сестрах.

И как только ты получишь это письмо, напиши мне небесное поистине имя, чтобы мы вычеркнули старое и поставили на его место новое. И позаботься теперь, чтобы твоя жизнь была ангельской, поскольку отныне ты зачислена в лики ангельские, чтобы воспевать и славить Бога своим телом и духом.

29. "Благословен Бог,

возвышающий смертных еще с телом до жительства бесплотных" Бог идеже хочет, побеждается естества чин, и хотящий понести крест Христов побеждает собственное естество. Величайшая воистину сила и благодать святого и ангельского монашеского образа.

Радуйся и веселись, чадце мое возлюбленное, со всем вашим священным монашеским собранием или, лучше сказать, духовным благоуханием. Радуйтесь, мудрые о Господе девы, что удостоились на земле такового ангельского жительства. Благословен Бог, творяй ангелы Своя духи^[76], благословен Бог, возвышающий смертных еще с телом до жительства бесплотных.

Желаю вам, чадца мои, и молюсь из глубины сердца, дабы миродохновенная благодать, как тонкое дуновение, как мироносное божественное дыхание, постоянно веяла среди вас, напоая благоуханием преподобные души, освящая подвижнические тела.

Только усердно прошу вас: позаботьтесь о ваших душах. Пусть ни одна из вас не будет похожа на праматерь Еву, но все - на Богоотроковицу Мариам, на Деву Марию. Она, сказав: "Се, раба Господня!"^[77] - стала Матерью Божией и Госпожей ангелов. Ее Плод, сладкий Иисус, ради послушания взойдя на крест и сойдя во ад, исцелил великую язву преслушания. Посему познайте отсюда таинства силу.

Монашеский образ - это крест вместо креста, который нес Христос, спасая нас. Поэтому мы, облакаясь в монашеский образ, облакаемся в послушание и, ревнуя о послушании, ходим по подобию нашего Христа.

Скажу вам и сие слово: бремя послушания считается сочетанием остальных добродетелей, как и крест страстей Господних. И как разбойник крестом вошел в рай, так и мы послушанием, как крестом, входим в Царствие. Очевидно, что ослушники - вне Царствия.

Итак, блажен путь; понудьте себя. Будьте внимательны и молитесь, да не внидете в

напасть^[78]. Потому что не имеющий смирения, не делающий того, что ему говорят, становится рабом бесов. И конец жизни становится для него скорбью и поношением пред людьми.

Так вкратце пишу вам, чтобы вы убоялись божественным страхом, чтобы не ослушивались вашей старицы. Ибо имеете дело не с ней, а с Богом, Который требует послушания для спасения души.

Итак, о монашеском облачении, о котором ты пишешь: его показал ангел божественному Пахомию.

Ранее, в первые века христианства, избравшие девство, как вы сейчас, испытывались три года и затем плели венец из благоуханных цветов. И архиерей, как пишут, читал над ними молитвы, подобные нынешним молитвам монашеского образа, как над невестами Христовыми. И когда они умирали, венцы полагали в гроб вместе с ними.

Итак, оставляю это. Сейчас облачение в монашеские одежды - это таинство, как возложение венцов в браке. Ты надеваешь монашеское одеяние вместо венцов. Когда уневещиваешься Христу, давая обет девства до конца жизни. В смертных браках надевают венцы, давая друг другу обет верности до конца жизни. Могут ли они потом отдать эти венцы, чтобы ими венчался другой брак? Нет. Но когда они умирают, венцы полагают в гроб вместе с ними.

Итак, как же ты отдаешь свой венец и им венчается другой или отдаешь его другому? Как же ты даешь свое монашеское одеяние, чтобы другая стала монахиней? Это не правильно. Но так как вы не знали, то вы не виноваты. Пусть это больше не повторяется.

Теперь возьмемся за другую тему. Ты мне пишешь и говоришь, что морочишь мне голову своими вопросами. А я тебе говорю, что после того как ты вошла в эту святую и блаженную обитель, должна стать блаженной, если проявишь терпение до конца и совершенное послушание. Поэтому сокруши под игом Христовым свое мудрование, самолюбие и гордость, и я буду всегда рядом с тобой.

С тех пор как ты посвятила себя обители, я слежу за твоей жизнью. Соучаствую в скорбях и радостях твоих сестер. Раз уж о многих и многих других я забочусь и не перестаяю молиться и писать, разве не позабочусь о вас, моих истинных сестрах? Тем более что старец своим благословением поставил меня на это служение.

Для вас достаточно иметь доверие и любовь ко мне как к вашему духовному брату, чтобы получить духовную пользу. Лица моего вы не увидите никогда. Я не причиню вам вреда своими словами. Всей душой постараюсь принести вам пользу. Если вы чего-то не осилите, опущусь пониже. Что вы сможете, на том остановлюсь, чтобы вы за мной успевали.

Только и вы молитесь обо мне. Ибо многие просят у меня помощи. И я терплю искушения тех, которым помогаю. Слава Господу за все!

Если вы услышите обо мне нелестные слова, не верьте, но с сестринской любовью спросите меня: так нам сказали, так мы слышали. И я вам со всей искренностью, со страхом Божиим скажу, с Богом,^[79] истину. Ложь не скажу вам никогда.

Очень прошу вас быть внимательными и не доверять мнению отца, о котором вы пишете. Ибо я хорошо знаю, что оно не по Богу. И не говорите то, что я вам говорю, его матери и сестре, чтобы они не опечалились.

Я видел однажды, много лет назад, два пути, указанных отцами, - общежительный и отшельнический. И видел этого брата, и он не пошел ни по одному, ни по другому пути, а сказал: "Я пойду здесь!" И ринулся вниз через чащу по дороге, выходившей к морю. И был некто рядом с ним, сказавший мне: "Видишь его? По этой дороге он пойдет ко дну!"

Сразу после этого вижу, что я был у Святого Василия, над скитом. И был на вершине. И

вижу страшный пожар, охвативший весь скит. И, огорчившись, говорю: "Кто устроил этот пожар, от которого сгорит весь скит?" И кто-то мне говорит: "Его устроил такой-то, желая настоять на своем мнении!"

Поэтому я вам говорю, что это не по Богу, а вражья сеть справа.

Я не прошу у вас ничего материального, ничего материального мне от вас не нужно, чтобы вы не сказали, что я люблю вас ради выгоды. Но говорю это ради вашей души и ее искренно люблю. Да я и всех люблю. Ко всем я расположен. Настолько, что, хотя каждый мыслит по-своему, всякий, с кем мне случится побеседовать, считает, что я на его стороне. Я никого не привожу в отчаяние, даже если вижу, что человек заблуждается. Поскольку знаю, что, даже если я ему скажу, он не послушается, то зачем мне его смущать и огорчать?

Пожалуйста, не говорите этого никому, чтобы это не дошло до него и чтобы он, вместо того чтобы получить пользу, не согрешил еще хуже. Ибо окружающие его скажут всё, на что способен их язык. И на ком тогда будет грех, если мы дадим повод, чтобы нас злословили и осуждали? Мне все равно, что бы ни говорили, сколько бы ни честили! Но для них это большое зло, так как они отягощают свою совесть.

Поэтому будем внимательны, чтобы не стать виновниками зла для другого. И если мы не можем его исправить, то самих себя можем уберечь, чтобы не впасть в прелесть.

Итак, достаточно о духовном. Прошу вас, молитесь с любовью о братьях, чтобы они покались. И есть надежда, что когда-нибудь они исцелятся. И здоровые душой войдут в рай, чтобы лопнули от злости бесы, которые всех всевозможными способами искушают.

30. "Без воли Господней

мы не боеем и не умираем" Страх Господень - начало премудрости^[80], - говорит премудрый Соломон, и отцы соглашались с этим. И я говорю вам: блажен и треблажен муж, боящийся Господа.

Из этого божественного страха рождается вера Богу. И человек верует всей душой, что поскольку совершенно посвятил себя Богу, то и Бог всецело о нем промышляет. И кроме пищи и покрывала, о которых, опять-таки, Он побуждает его заботиться, у него нет другого попечения. Но, следуя воле Господней, он со всей простотой ей подчиняется.

Когда укоренится эта вера, совершенно упраздняется то знание, которое рождает сомнение во всем и уменьшает веру, а часто ее отнимает, ибо имеет силу естества, поскольку мы на нем воспитаны.

Однако когда после многих испытаний вера победит, то возвращается назад и рождает, или, скорее, ей дается дар знания духовного, которое не противостоит вере, а на ее крыльях летает и исследует глубины таин, и эти двое - вера и знание, знание и вера - теперь неразлучные сестры.

Итак, давайте теперь испытаем себя мы, посвятившие себя Богу, есть ли у нас такая вера или в нас господствует знание. И если все оставляешь Богу, вот тогда ты понял веру и обязательно, вне всякого сомнения, обретешь Его своим помощником. Тогда, даже если тысячу раз будешь испытан и тебя будет искушать сатана, чтобы ослабить твою веру, тысячу раз предпочти смерть и не слушайся знания. И тогда откроется дверь таин. И ты будешь удивляться тому, что прежде был связан цепями знания. А теперь летаешь на божественных крыльях над землей. И дышишь иным воздухом свободы, которого лишены другие.

А если ты видишь, что царствует знание и при малейшей опасности ты теряешься и отчаиваешься, знай, что тебе еще недостает веры и, следовательно, ты еще не возлагаешь на

Бога всю свою надежду, что Он может тебя спасти от всякого зла. Позаботься о том, чтобы исправиться, как мы здесь говорим, чтобы не лишиться столь великого блага.

И ныне послушай, что я скажу. Пришел к нам однажды человек, много лет проведенный в монашестве, живший в Швейцарии. Так как у него были три серьезные и страшные и к тому же неизлечимые болезни. И на лекарства он истратил целое состояние. Ибо он был богатым человеком. И поскольку кто-то посоветовал ему прийти ко мне и открыть свой помысел, я его очень пожалел. Итак, я ему сказал, что он сразу выздоровеет, если только поверит, что Бог может его исцелить. Наконец, если я напишу всю историю, сколько я промучился, чтобы его убедить, мне придется исписать кучу бумаги. Ибо он не оставлял меня и не уходил, но и не хотел поверить. Пока не помог Бог и пока он явно не услышал голос: "Почему ты не хочешь послушаться, чтобы выздороветь?"

И так он освободился. Поскольку я просил, чтобы он ел противоположное - то, о чем он говорил, что умрет, если это съест, - и возложил всю надежду на Бога и, оставив знание, последовал вере. И ел вместо десяти раз в день, как он ел, один раз. Богу было достаточно всего лишь трех дней, чтобы его испытать. А я усердно о нем молился. И ночью увидел во сне двух страшных птиц, которые схватили его, чтобы съесть. И змея крепко обвилась у него вокруг шеи. И он звал меня, испуская дикие вопли, чтобы я его спас. Тогда я, сразившись со всеми ими, умертвил их и проснулся. Итак, он приходит и говорит мне: "Я совершенно выздоровел, как будто только что родился".

И действительно, его плоть стала здоровой, как у младенца. Были у него лекарства и две коробки с уколами. Я ему сказал, и он выбросил все это вниз на скалы. И жил после этого как здоровый человек и ел один раз в день.

Итак, видите, что делает вера? Не думайте, что это сделал я. Нет. Я не имею такого устройства. Это вера, имеющая силу совершать подобное.

Послушайте еще. Одна монахиня мне написала, что страдает и если не сделает операции, то умрет. Я пишу, говоря совершенно противоположное. Та опять пишет, что врач ей сказал: если она не сделает операции, через несколько дней случится прободение и наконец смерть. Я повторяю: "Имей веру, возложи все на Бога, предпочти смерть". Она присылает мне ответ, что болезнь повернула вспять.

Видите? Тысячи раз я испытал это. Когда полагаешь перед собой смерть и ожидаешь ее каждое мгновение, она убегает далеко от тебя. Когда боишься смерти, она постоянно тебя преследует. Я похоронил трех туберкулезников, питая надежду, что заражусь и сам. Надел одежду умирающего, когда его переодевал, но смерть ушла, идя к боящимся ее. Я болею всю свою жизнь. Никогда не лечился. Упорно ем противопоказанное. И где смерть?

Пишу вам это, потому что вы любите совершенство. Ибо миряне не согрешают, делая то, чего требует знание, потому что не ищут другого пути.

А я хочу сказать всем этим, что без воли Господней мы не боеем и не умираем. Итак, уходи от нас прочь, маловерие.

И, вначале познав Бога как Творца всяческого блага, Отца, Промыслителя и Покровителя нашего, мы должны уверовать в Него всей душой и сердцем. И только на Него надеяться. И затем мы возлюбим Его, испытывая на себе множество Его благодетей. И когда возлюбим Бога от всего сердца как Создателя, тогда и ближнего возлюбим, как самого себя, зная, что все мы - братья: Адамовы по естеству и Христовы по благодати. И посему духовный человек должен признавать не родство плоти, а родство духа, так как он посвятил себя Богу. Ибо плоть, мужской и женский пол, существуют для размножения, - то, от чего мы отреклись и выше чего поднялись. Итак, как духовные, каковыми мы являемся, мы должны и видеть духовно. Что касается души, то нет души мужчины и женщины, девушки или старика, но на

всем благодать Христова.

Поэтому прошу: освободите свой ум, - не заключайте его под законом, ибо мы под благодатью, - чтобы он узрел, какое великое таинство скрывается в словах, которые я вам говорю. Чтобы он вкусил непорочную любовь. И чтобы возлетел к созерцанию Единого Бога, нашего Благаго Отца.

Поскольку все мы братья, дыхание Божие, божественное дуновение, и наш Жизнодавец Отец посреди нас, то все наши дела, движения и мысли открыты суду Его ока. И прежде чем ты шевельнешься или помыслишь что-нибудь доброе или злое, сразу же дыхание, душа, будучи дуновением Божиим, извещает Бога. Вначале Он видит, что ты сделаешь, а затем уже ты совершаешь душевное или телесное движение.

Теперь послушай внимательно слова пророка: "Предзрех Господа моего предо мною выну"^[81]. А всегда ли открыты твои душевные очи или ты считаешь, что так как ты не видишь Бога близ себя, то не видит тебя и Он? Или, поскольку ум твой заключен, считаешь, что можешь сделать что-то втайне от Него? Однако Он тебя видит, скорбит и делает вид, что не видит, порицает твое маловерие и помрачение твоего ума.

Разве ты не знаешь, что Иисус бывает в каждом случае исцелением всякой нужды? То есть пищей для голодного, водой для жаждущего, здоровьем для больного, одеждой для нагого, голосом для поющих, извещением для молящегося, всем для всех во спасение.

Поверь, чадо мое, что чем бы мы ни страдали, во всем Христос является превосходным врачом души и тела. Достаточно иметь совершенное самоотречение, совершенную веру и преданность Ему без колебаний.

Ведь если наш сладкий Иисус так добр, милостив, благ, зачем отчаиваться? Мы просим Его о малом, а Он нам дает так много. Просим его об одном луче света, а Он нам дарует Себя - совершенный Свет, Истину, Любовь. Итак, смирайся и всю свою надежду возлагай на Него.

И поверь мне, говорящему правду, что с тех пор, как я стал монахом, сколько мне ни случалось болеть, совершенно не пекся о себе. И никому не позволял позаботиться о своем телесном здоровье, а всю свою надежду возлагал на Безмездного Врача.

И вначале мне было дано такое тяжкое испытание, что вся моя спина сверху донизу покрылась большими, как лимон, чирьями. И я стал как деревянный, не в состоянии согнуться. И я боролся со страданием, совсем не меняя ни фуфайку, ни другую одежду. Но надел на спину котомку и обошел всю Святую Гору. До тех пор, пока все они не лопнули и сами не потекли даже по ногам. И я не переодевался, как сказал, борясь и терпя страдания, и белье, фуфайка и ниже, стали толщиной в палец от жидкости, которая текла. И в отверстия ран помещался палец. И со мной ничего не случилось. И до сего дня, какая бы болезнь меня ни посетила, я принимаю ее с большой радостью, ожидая, не принесет ли она мне вечный сон, чтобы я был с Господом Иисусом. Но не настал еще час. И все же он вскоре настанет.

Смерть, которая для многих велика и страшна, для меня - упокоение, сладчайшая вещь, которая, явившись, сразу избавит меня от мирских скорбей. И я жду ее с минуты на минуту. Она воистину велика, но очень большой подвиг - поднять всю тяжесть мира сегодня, когда каждый требует исполнения всех заповедей от другого.

Таково наше время. Поэтому необходимо терпение, пока не умрем, не теряя стойкости. Посему мужайся, и да крепится душа твоя во всем, что бы с тобой ни случилось.

Из-за этого и из-за всего я чуть живой. Прошу Бога забрать меня, чтобы я отдохнул. Очень прошу любовь вашу молиться обо мне. Ибо у меня много душ, которые просят моей помощи.

И поверьте, что за каждую душу, которая получает помощь, я испытываю брань, которой она подвержена.

И снова пишу это, ободряя вас, чтобы вы не боялись болезней, даже если мы будем страдать до конца своей жизни.

Ведь если Бог все время рядом, зачем ты беспокоишься? О Нем живем, движемся^[82]. Он носит нас в Своих объятиях. Богом мы дышим, в Бога одеваемся, Бога осязаем, Бога вкушаем в таинстве. Куда ни повернешься, куда ни посмотришь - везде Бог: на небесах, на земле, в безднах, в деревьях, в камнях, в твоём уме, в твоём сердце. И разве Он не видит, что ты страдаешь, что мучаешься? Пожалуйся Ему, и увидишь утешение, увидишь исцеление, которое исцелит не только тело, но в большей мере - страсти твоей души.

Ты мне пишешь, что пока еще причастен своему ветхому человеку. А я говорю тебе, что у тебя нет еще ни капли от нового Адама, ты весь ветхий. И когда начнет в тебе образовываться новый Адам, я сам напишу тебе о путях образования нового человека, если буду жив.

31. "Мир"

для тебя уже умер, и ты для мира" Дочь Иисуса моего, чадце мое возлюбленное, мир тебе вместе с преподобнейшей старицей и со всеми сестрами!

Получил твое письмо и видел, что в нем. Обрадовался твоему здоровью, но не тому, о чем ты пишешь.

Ревность, о которой ты пишешь, не от благодати. Бог не требует сейчас от тебя такого исповедничества, о котором ты говоришь. Твой подвиг там, где ты сейчас живешь, - тысячекратно выше. Ибо если терпишь ежедневный подвиг, то всякий раз, когда понуждаешь свою душу перенести резкое слово, насмешку, обличение, делаешься исповедницей. Всякий раз, когда проявляешь терпение, получаешь венец и это вменяется тебе пред Богом в ежедневное мученичество.

И свидетель этому - письмо, которое я держу в руках. Все, что ты мне пишешь, - это козни лукавого: чтобы монастыри исчезли и ему не надоедали!

Ну хорошо! Если бы спасение для нас было в миру, то зачем мы все это оставили? Зачем со страшными клятвами отреклись от этого, надевая святое монашеское облачение? Прочитай обеты, которые ты дала тогда, чтобы увидеть, согласны ли они с тем, что ты пишешь.

Не обещала ли ты, дитя мое, что отрекаешься от мира и всего мирского? Не сказала ли, что зачеркиваешь своего прежнего человека, чтобы и человеколюбивый Бог зачеркнул прежнюю твою жизнь? Не сказала ли, когда тебя вопрошал священник, что "пребудешь в монастыре до последнего издыхания"? Итак, где сейчас те слова? Или, может быть, поскольку ты не помнишь этого своим умом, помраченным от помыслов, то считаешь, что и Христос это забыл? Но каждое слово, которое ты сказала в тот час, ангелы записали, и оно будет взыскано в День Судный.

Итак, подражай тем святым душам, которые вокруг тебя носят иго Христово, терпя затвор в монастыре. Вот плод - внутри тебя.

Пчела во тьме prepares мед, чтобы ее никто не видел. Если ее вытащишь на свет, то погубишь ее. Если поместишь ее в склянку, то она ее замажет и сделает темной. Вот пример нашей монашеской жизни.

Разве ты не видишь старицу, остальных сестер, как они преуспели? Посмотри и на меня, ничтожнейшего, который затворился в гробу и не хочет знать, живы ли другие и как они живут.

Смотрю на свою мертвую душу и стенаю над ней. Страдаю, беспокоясь о девяти душах, которые преграждают мне дорогу. Ибо несу ответственность и болезнь. Потому что другими были те времена, которые давали силу и крепость монахам. Ибо они имели благодать в избытке и пример перед глазами.

Однако у тебя есть там все, что нужно для того, чтобы стать доброй. Достигни их меры и будь спокойна. Достигни добродетели в такой степени, как они, и достаточно для тебя. А если захочешь быть выше их, способ для этого - превратись в ничто. Потому что это и есть высота и восхождение - превратиться в ничто. А не вспорхнуть, улететь, уйти из монастыря; но стать землей, чтобы по тебе ходили. Ибо из ничего ты стала землей. Вот твое происхождение. Не забывай, откуда ты взята. Ты - брение. Не возносись. Ты - грязь. Ты достойна того, чтобы тобой оштукатурили туалет. Не ненавидь, не ропщи, не злословь другое брение. Ибо все мы годимся на штукатурку.

Если усвоишь эту истину, добро тебе будет. Если бы ты знала это свое предназначение, то, даже если бы монастырь был наполнен змеями, ты говорила бы: "Лучше я буду съедена змеями, чем выйду за дверь места моего пострига. Мать моя теперь - Пресвятая и, во-вторых, - благословенная старица. Братья и сестры - святые и сестры монастыря".

Монастырь - это земной рай, и вы все должны стать словесными цветами в воню благоухания духовного. Если понудите себя, то спасетесь навеки. Станете миром благоухающим, фимиамом благовонным - а что драгоценнее и благоугодней пред Святой Троицей?

Итак, дочь моя, мир для тебя уже умер, и ты для мира. Не стремись стать соляным столпом, как жена Лота, обернувшаяся назад. Не непщуй вины о гресех^[83]. Иначе с тобой случится то, что случилось с монахами в монастыре святого Сервия, о котором пишет святой Нил^[84]. Не знаю, читали ли вы это. Хватит, сейчас не время об этом писать.

Пишешь о матери, которая печалится до смерти. Однако я не вполне понял написанное. Кто дал обет: мать за дочь, чтобы та стала монахиней, или дочь сама за себя? Во всяком случае, как бы там ни было, ей не стоит печалиться. Бог не потребует ответа, поскольку Сам, как Господь жизни и смерти, так рано и внезапно ее забрал. Господь потребовал бы ответа, если бы дочь была жива и не исполнила обета, который она дала. Теперь податель венцов Христос вознаградит произволение.

Однако пусть закажут за дочь сорокоуст и подадут милостыню по силе.

Также и мать иеромонаха пусть не отчаивается. Хотя это и плохо, что ее сын оставил место своего пострига и без благословения живет сейчас в миру, однако молитвы и слезы матери имеют большую силу пред Господом. Вместо того чтобы печалиться, пусть молится. И Бог со временем его вразумит.

Действия Божии не похожи на наши, человеческие. Он потихоньку, со всяким терпением совершает спасение всех желающих спастись. Верю, что и в этом случае Он не даст воздыханиям и слезам матери пропасть даром.

Только тот, кто видел и познал ведение и благодать Бога, знает, насколько далеки человеческие помышления от того, как Бог судит мир. Человеколюбцу достаточно иметь в руках покаяние человека, а все остальное Он Сам умеет премудро устраивать во спасение.

Что же касается того, что ты пишешь про авву Исаака, то он говорит не только о том, что подвизающегося Бог почитит вместе с совершенным, если он прилагает усилия и не успевает достичь совершенства, застигнутый смертью, но говорит, что и мощи его почитит вместе с мученическими, если он падет в подвиге и умрет.

Также об отце, благодарящем за свет, посылаемый ему его чадом через светильник монашеского образа - это правда. Родители получают благословение от своих чад, если те

спасутся. И светлая жизнь детей становится светильником для родителей: им подается благодать. И предки до седьмого колена ожидают, что получают помощь от благодати монашествующих. И многие ради нас спасаются, если мы жительствоуем, как угодно Господу.

Поэтому необходим подвиг до смерти: терпение и послушание.

Итак, имей совершенную веру в благословенную старицу и терпи скорби без ропота, чтобы ты удостоилась Господних благ и другие спаслись, взяв пример с тебя, когда ты станешь такой, какой тебя хочет видеть подвигоположник Христос.

Видел я однажды священника, крестившего всех нас на родине. Который был святым человеком. Хранил девство. Творил много милостыни. И во сне он мне говорит: "Я, - говорит, - при жизни думал, что только литургии вызволяют души из ада, но теперь, когда умер, увидел воочию, что и молитвы, которые вы совершаете, избавляют души, находящиеся в аду". Итак, не прекращайте молиться о душах. Ибо милостивый Бог ищет причину и повод, чтобы спасти душу.

32. "Малодушие

же есть мать нетерпеливости" Вот и снова я прихожу, твой смиренный отец, чтобы словами восстановить твоё усердие.

Восстань, дитя мое, от сна лени. Услышь меня и более не спи. Проснись и отряхни сонливость уныния.

Снова прими всеоружие и мужественно стань против своих врагов. Воюй терпеливо. Не обращай в бегство. Борись лицом к лицу.

Лучше для нас пасть победителями в битве, чем быть побежденными.

О чудо чудес! Миряне, чтобы поймать две рыбки, бьются всю ночь. И съедают их или продают и так перебиваются. И не ожидают от этого ничего другого. И жизнь их кончается, и они мучатся, занимаясь этим трудом до конца своих дней.

Мы же, окаянные, достойны сожаления из-за нашего великого нерадения. Нас, окаянных, Христос даром кормит и стократно нам воздает. Мы трудимся один день, а Он нам платит за сто. Чтобы мы вечно радовались и веселились в Его Царствии. Находились вместе с нашей Пресвятой как Ее истинные чада. Подобные святым ангелам, в ослепительном свете и несказанной радости!

Но так как мы, бесчувственные, не видим материальной выгоды - нескольких рыбок или чего бы то ни было другого временного, то не хотим терпеть.

Если бы мы родились рабами, нам каждый день доставались бы и палка, и оплеухи. А сейчас не терпим одного резкого слова немощного брата.

О неразумные и необрезанные сердцем! Из-за одного маленького искушения - сразу отречение. Предпочитаем вечное разлучение со Христом и вечное соединение с сатаной тому, чтобы смиренно потерпеть минутное испытание!

И что еще могут означать, ленивая и возлюбленная душа, эти слова, которые ты произносишь в час твоего малодушия: "Найду способ убить себя, покончить с собой"?! О ослепление и мрак осязаемый! Убьешь себя или соединишься навечно с дьяволом? Покончишь с собой или сойдешь навсегда в ад? И ты не боишься, малодушная душа, вечного осуждения, разлучения со сладчайшим Иисусом, Жизнью и Светом?

О, как печалится Владыка Христос, как огорчается Жених душ, когда из-за малейшего искушения мы возлагаем Ему на главу терновый венец нашего отчаяния!

Только назовем Его Женихом - посредством священнодействия пострига, - как сразу же

просим у Него развода! И не есть ли это желчь отречения, смешанная с горьким уксусом нетерпеливости?

Будем внимательны, чадо мое, ибо таким образом мы очень сильно огорчаем сладчайшего Иисуса и доставляем неожиданную радость злорадному диаволу.

О! И кто мне даст источники слез и безутешный плач, чтобы плакать день и ночь ^[85] о моих малодушных сестрах!

Желаю тебе, чадо мое, прийти в себя и впредь быть очень внимательной, чтобы не случилось у тебя или у другой сестры подобного искушения.

Будьте внимательны, чада Христовы, ибо это случается со всеми. Не ожесточайтесь, но имейте совершенное послушание и любовь к благословенной старице, чтобы во время искушения вас покрывала ее молитва.

Где ожесточение и гордость, там преслушание и скандалы. Где послушание и смирение, там почивает Бог.

Говорят божественные отцы: падению предшествует гордость, а благодати - смирение. Малодушие же есть мать нетерпеливости.

Видела ли ты человека, а тем более монаха без терпения? Это светильник без елея, свет которого скоро погаснет.

От малодушия рождаются многие чада: ропот, непослушание, бесстыдство, недовольство, хула, отчаяние и тому подобное. Гордость же и ожесточение друг другу - родные сестры, от которых рождаются тысячи чад, вместе стремящихся погубить душу.

А мгновенное упразднение их всех - это смирение и совершенное послушание.

Итак, позаботься, чадо мое, о блаженном послушании. Подчинись полностью. Ибо теперь, когда враг узнал, что ты легко побеждаешься, он погуляет и вернется. Однако пусть он не найдет тебя беспечной и не повергнет тебя на землю. Приготовься. И когда он придет, дай ему понять, что у тебя есть страж - сила Христова и молитвы всех здесь и там.

Не приучайся легко падать. Ибо при каждом падении обрушивается крепостная стена души, и вход для врага делается все более свободным, пока он окончательно не сделает побежденного пленником.

Помнишь, что я писал тебе, когда ты пришла в монастырь? Что я хочу, чтобы то, о чем ты пишешь сейчас, ты говорила через четыре года и чтобы, какими ты видишь сестер сейчас, такими видела их и тогда. Если пролистаешь первые письма, найдешь это.

Итак, я и теперь снова говорю тебе: будь внимательна. Будь внимательна, ибо пока еще только начало, и ты можешь положить начало. Но если сейчас не понудишь себя, придет время, когда, если и захочешь, не сможешь сделать то, чем сейчас пренебрегаешь.

Положи ты свой обол ^[86], чтобы и Бог положил тысячу талантов ^[87].

Повергни себя на землю. Стань землей, чтобы тебя топтали. Стань Аввакиром ^[88]. Сокруши свое сердце и восплачь с душевной болью, чтобы пожалел тебя Бог. Плачу и я ежедневно, но Христос ищет и твоих собственных слез.

Итак, проснись и стряхни с себя малодушие. Порази врага один раз, чтобы научиться побеждать его силою Господней. Победа - это терпение, победа - это смирение, победа - это послушание.

К тому же знай, что в обычае у искусителя - умело воевать с подвижниками, и, когда он употребит все средства, воюя с ними, и не сможет победить, тогда наводит на них болезни до последних дней жизни. И часто болит все тело, и весь человек становится одной раной и одним постоянным оханьем. Однако тогда близки конец и упокоение.

могу вам описать, насколько благоугодны нашей Пресвятой целомудрие и чистота"

Мы, дитя мое, все то, о чем ты говоришь, видели, прошли и единожды, и дважды, и много раз. Написали и книгу об этих изменениях, чтобы если кому-то случится им подвергнуться, он не отчаивался. Но не оставался праздным, как делаешь сейчас ты. Требуется усилие, требуется подвиг, требуется крайнее смирение и совершенное послушание. Итак, не стой, а взывай: "Христе мой! Моя Пресвятая!"

Не расслабляйся и не принимай помыслов. Призывай постоянно Христа.

Прежде чем искуситель успеет образовать помысл в твоём уме, ты разрушай его молитвой. Не оставляй его.

А если ты будешь оставлять нечистоту, которую бросает тебе в душу враг, в короткое время он тебя в ней закопает. Потом - какой подвиг, чтобы очиститься! Поэтому понуждай себя. Требуется труд и боль, а не шутки! У тебя сердце обольется кровью. Ты выпьешь горечь, яд, и тогда получишь свободу, чтобы вкусить сладость.

Не считай подвиг малым. Как сумасшедшая, ты должна взывать: "Иисусе мой, спаси меня! Пресвятая Богородица, помоги мне!" Пусть твой язык работает, как машина: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!" И когда будешь уставать, будет приходить к тебе утешение, которого ты не вкушала никогда. Если же будешь бездельничать, как сейчас, и нерадеть, то вовек не исцелишься.

Человек, сидя в своем доме, не может ехать в Константинополь. Монах, пребывая в нерадении и не молясь, не может стать достойным Горнего Иерусалима.

Итак, восстань! Положи свой обол, чтобы и благодать Божия положила тысячи талантов. Покажи свое благое произволение. Отврати от врага свое лицо. Зачем ты позволяешь своей душе прелюбодействовать с бесом?

Где смирение, когда ты видишь и говоришь, что все у тебя виноваты и только ты хорошая?

Смирение заключается в том, чтобы, когда согрешает другой, прежде чем он успеет попросить прощения, класть поклон, говоря: "Прости, брат мой, благослови!"

Пусть это не кажется тебе трудным и тяжелым. Это ничто перед тем, что сделал для нас Владыка Христос. Он пред ангелами склонился, и положил поклон от неба до земли, и "приклони небеса и сниде"^[89]. Бог к людям! А ты всех ставишь на голову, чтобы не сказать одно "Прости"! Так где же смирение?

Когда смиришься, все тебе будут казаться святыми. Когда много о себе мнишь, все тебе не такие и плохие.

Что грязнее, чем гордость, и что зловоннее, чем нечистые бесы? И однако ты их терпишь, они тебя оскверняют. Ты легко им позволяешь входить и разрушать ограду, но посмотрим после, как они будут выходить! Ты легко принимаешь постыдные и нечистые помыслы, но посмотрим после, как ты очистишься!

Ничто другое Бог так не ненавидит, как незаконную сладострастную телесную нечистоту. И тот человек, который прелюбодействует с нечистыми помыслами, весь воняет, как дохлая собака.

Тогда как жизнь и молитва того, кто подвизается и хранит свое тело чистым и свой ум не оскверненным нечистыми помыслами, как благоуханный фимиам, восходит к небесам.

То, что сейчас вам говорю, я видел воочию. Не существует другой жертвы, более

благоуханной пред Богом, как чистота тела, которая приобретает кровью и страшным подвигом.

Многое я могу сказать об этой блаженной чистоте, которую вкусил и плод которой съел. Но сейчас ни ты, ни твои сестры не можете понести этого.

Сейчас только одно вам скажу: что и одежда их, когда они ее меняют, как освежающая мирохранительница, распространяет благоухание и наполняет им весь тот дом. И это - извещение Божие о блаженной чистоте, святейшем девстве.

Поэтому понудьте себя, очищая душу и тело. Ни в коем случае не принимайте нечистых помыслов. И увидите то, о чем я вам говорю. И, без сомнения, поверите моим словам. И то, что я вам писал до сегодняшнего дня, испытайте, и тогда убедитесь на деле, что я говорю истину из опыта.

Там, где послушание, смирение и подвиг, бесы никогда не могут пленить человека. Ожесточение, преслушание и гордость рожают уныние и нерадение, и тогда приходят все бесы и превращают душу человека в навозную яму и конюшню. И не успокаиваются до тех пор, пока не сделают его виноватым в новых и старых грехах и совершенно плененным.

Итак, понуждай себя, чадо мое, как и все сестры. Ибо, если вознерадите, придется вам хлебнуть горя. Однако, если будете понуждать себя, спасетесь навеки. Станете кадилом благовонным и миром многоценным. Станете воистину жертвой словесной, благоугодной Господу.

Не могу вам описать, насколько благоугодны нашей Пресвятой целомудрие и чистота. Поскольку Она Единая Чистая Дева, то и всех таких нас желает и любит.

И как только мы Ее призовем, сразу спешит на помощь. Не успеваешь сказать: "Пресвятая Богородица, помоги мне!" - и сразу как будто молния озаряет ум и наполняет светом сердце. И влечет ум к молитве и сердце - к любви.

И часто проходит целая ночь в рыданиях и громких гласах, воспевающих Ее и преимущественно - Носимого Ею.

Итак, понуждайте себя, молчите, молитесь, слушайтесь, смиряйтесь, чтобы обрести всякое благо. У вас есть благословенная старица, Христово благоухание. Не огорчайте ее. Не прекословьте ей. Пребывайте в молчании и молитве и дайте ей возможность безмолвствовать. Ибо когда она умрет и вы ее потеряете и останетесь, яко ночный вран на нырищи^[90], тогда будет видно ее достоинство, но для вас тогда будет поздно.

И снова, в конце, прошу, дитяtko мое: понуждай себя и не теряй времени. Не утомляй меня, заставляя все время писать. Но восстань и попирай своих врагов. Стань землей, чтобы тебя топтали, и оказывай послушание ради жизни твоей души.

34. "Со

всеми нами, дитя мое, случаются эти изменения" После долгого перерыва только сегодня, дитя мое, получил твое письмо.

И все это время я был расстроен. Потому что в последнее время твои дела были не в порядке и я тебя слегка поругал. И поэтому в моем бедном сердце была печаль и боль.

Тем не менее сегодня я наконец чуточку порадовался, узнав, что ты немножко пришла в себя и начинаешь исправлять свою маленькую лодочку, чтобы плыть к тихой и безмятежной пристани бесстрастия.

Поистине, чадо мое, велика борьба против страстей, но по благодати Божией все достигается, и с Его помощью невозможное становится возможным.

Со всеми нами, дитя мое, случаются эти изменения, но требуется терпение и упорство в подвиге.

Все это смятение, возмущение, ненависть, отвращение, дикие движения страстей - все это от сатаны. И все это требует равного отвращения. С понуждением, с болью, со скорбью. С самого начала. Прежде чем они войдут, и захватят пастбища, и перекроют воду снаружи, и заставят душу умереть от жажды из-за отсутствия небесной росы.

Видишь? Когда происходит согласие с помыслами, которые сеет лукавый, тогда он сразу пресекает твоё дерзновение в молитве.

Вот когда он тебе перекроет снаружи воду, пищу души, тогда ты умрешь от голода за немногие дни. Тогда как вначале небольшим противоречием ты можешь их отгонять. А ты нерадишь и расслабляешься, усердно внимая тому, что они говорят. Когда они войдут, то уведут нас в плен.

Будь внимательна, и не верь, и даже не думай, что они ушли. Их ненадолго прогоняют молитвы тех, которые больше тебя, но они снова возвращаются. Благодать их сдерживает, чтобы воспрянула твоя душа, но они снова приходят назад.

Однако во время мира не неради, а будь внимательной, исправляйся, готовься к войне. Воодушевляй себя. Имей терпение. Оказывай совершенное послушание. Так ты можешь, без сомнения, получить когда-нибудь избавление. Но с великим подвигом и большим вниманием.

При каждом шаге вперед, который делает монах, он должен проливать много слез и капли крови, и так долгое время. И приходит диавол, древнее зло, и поддевает его ломом, который, если не предварит благодать и молитвы других, переворачивает ему все вверх дном. И снова - начало с самого начала. И снова - пролитие крови.

Поэтому необходимо терпение. Не унывай. Не малодушествуй. Проявляй терпение, чтобы тебя покрыла благодать. Ты имеешь многих поддерживающих тебя.

Каждый твой шаг к радости и мне придает радость. Твое воскресение совоскрешает мою душу.

По самому себе и по своим собственным мучениям я хорошо знаю искушения старицы. То, как она страдает и что переносит,нося каждый день ваши тяготы из-за своей ответственности перед Богом. Она каждый день вкушает горечь и боль с избытком. И только тогда веселится, когда вы идете добрым путем.

Сейчас ты видишь, что снова пришла благодать. Будь внимательна, ибо она снова уйдет. И если уйдет - мужество, терпение, совершенное послушание, и она снова придет. Я сказал тебе, что на Рождество она должна была прийти. Она пришла, но не осталась, так как не нашла тебя ревностной. Сейчас пришла, но снова уйдет, чтобы очистить тебя от страстей. Это будет происходить до тех пор, пока не станешь такой, как хочет Господь, чтобы Его благодать нашла место и способ для того, чтобы остаться. Итак, понуждай себя к подвигу. Не ленись и не теряй время зря. Ибо времени, которое ты каждый день тратишь бесцельно и напрасно, уже не найдешь. И должна будешь дать отчет обо всех днях, часах и мгновениях своей жизни. Человек должен не только бежать, но и измерять проделанный путь. Чтобы опять не остаться позади, не вознрадеть.

При этом знай и то, что любовью ко Христу и Богородице приобретаешь больше трезвения и созерцания, чем другими подвигами. Хорошо и все остальное, когда хорошо делается, но любовь превосходит всё. Когда обнимаешь икону, как живую, и со слезами горячо ее целуешь.

- Мама, - взываешь, - моя Пресвятая, спаси меня, ибо я пропаду, если Ты меня оставишь!

- Господи, Боже мой, помилуй мя ради Пречистой Твоей Матери и всех Твоих святых!

И когда, говоря это, чувствуешь большую любовь, такую, что хочешь непрестанно

целовать икону, - это знамение того, что Она целует тебя в ответ. Я не могу поцеловать один раз икону Пресвятой и отойти. Но когда подхожу к ней, она как магнит притягивает меня к себе. И нужно, чтобы я был один. Потому что я хочу часами ее целовать. И какое-то живое дыхание наполняет изнутри мою душу, и я наполняюсь благодатью, и она не дает мне уйти. Любовь, речение Божие, огонь палящий, который, как только ты войдешь в церковь, тебя опережает - когда икона чудотворная - и распространяет такое благоуханное дыхание, что остаешься часами в восхищении, будучи не в себе, а в благоуханном раю.

Такую благодать дает наша Пресвятая тем, которые сохраняют тело в чистоте.

Ибо, как я убедился, Она очень любит чистоту. Поэтому и я более, чем со всякой другой страстью, воевал с плотью. И была мне дана чистота как дар, так что я не различаю женщину и мужчину. Страсть во мне совершенно не действует. По дару Господа я чувственным образом получил благодать чистоты.

Это пишу тебе и твоим сестрам, чадо мое, чтобы вы понуждали себя к подражанию. Иначе не было бы смысла открывать свое духовное состояние, и я совсем не хочу, чтобы вы меня хвалили. Но так как я всегда держу вас в своей душе как ваш истинный брат во Христе, то желаю помочь вам по мере сил. Пусть каждый попробует. Если понудите себя, то увидите, как любит нас наша Пресвятая.

Однажды вечером, целуя Ее икону, я устал. И, сев в стасидии, ненадолго заснул. И Она пришла в теле - не икона - и меня поцеловала, и я наполнился неизреченной радостью и благоуханием. А Небесный Оный Младенец гладил меня по всему лицу, когда я целовал Его пухленькую ручку, - как живой. И не думаешь, что это сон, но как бы ощущение другой жизни - неведомой и не испытанной для не знающих подобного этому.

35. "Прерывается молитва."

Замирают члены. И только ум созерцает в ослепительном свете"

Чадце мое возлюбленное и все во Христе сестры по чину, радуйтесь и здравствуйте о Господе!

И снова начинаю говорить для ушей, которые желают и ищут услышать. "Просите, - говорит сладкий Иисус, - и дастся... ищите, и обрящете; толщьте и отверзется"^[91]. Чту произволение, хвалю ревность, почитаю любовь и подражаю вам.

Итак, послушайте меня вновь. И прежде всего: образ, которым, как ты пишешь, дитя мое, ты начинаешь свою молитву, весьма хорош. Такими мыслями ты можешь удержать свой ум, помышляя о том, что молитва старца, старицы восходит как огненный столп и они умно беседуют с Богом. Думая и мысля так, ум на мгновение останавливается, и становится сладкой молитва, и каплют слезы. И приближается эта благодать новоначальных, о которой ты говоришь, как мать, которая учит своих малышей ходить.

Она оставляет его и уходит, и он ищет ее. Плачет, кричит, разыскивает ее. Вскоре она приходит и снова удаляется. Он опять плачет, кричит. Она снова возвращается. Пока она не вырастит нас, у нее нет возможности остаться с нами, потому что ей препятствуют страсти.

Страсти - вещь жестокая. Уральские горы! Километры в высоту! Благодать - это солнце. Восходит солнце, но тень гор не позволяет согреть всего разумнотварного человека. Лишь только один луч найдет его, и он сразу загорается от радости. А остальная часть находится под тенью страстей. И когда уменьшится благодать, могут сразу начать действовать бесы. И они часто ей препятствуют, как тучи, заслоняющие свет солнца. Поскольку тень страстей порождает туман, который застилает маленький пробивающийся луч. И это - помыслы

отчаяния, о которых ты пишешь. Боязнь, страх, бесстыдство, хулы и тому подобное, от чего душа увядает и теряет дерзновение.

Каждый помысл, который приносит отчаяние и большую печаль, - от диавола. Это туман страстей, и его нужно сразу отогнать надеждой на Бога, исповеданием старице, молитвами старших, помышляя о том, что они молятся и упрашивают о тебе Бога.

Печаль малая, смешанная с радостью и слезами, и с утешением в душе - от благодати Божией. Она нас наставляет к покаянию во всем, чем бы мы ни согрешали до конца своих дней.

Согрешение изгоняет дерзновение к Богу, а покаяние сразу призывает его обратно. Благодать не приводит в отчаяние. Но непрестанно побуждает падающего к покаянию. А слова беса сразу приводят его в отчаяние, губят его, как град, падающий на только что распустившиеся нежные листочки.

Итак, вникни в этот маленький урок "делания". Когда ты видишь, что благодать действует, и твоя душа радуется, и непроизвольно капают слезы - из-за милостей, которые тебе даровал Бог, - то, если ты на молитве, остановись. Если ты стоишь на ногах - не двигайся. Если сидишь - сиди. Если молишься - молись без младенческого помысла и прими дождь Духа, сколько его изольется на тебя. Ибо если он застанет тебя во время работы и ты встанешь на молитву, то он прекратится. Он хочет, чтобы ты оставалась там, где он тебя нашел. Чтобы ты не была в ней мастерицей. Он хочет научить твой помысл никогда не верить себе, пока ты пребываешь в этой жизни.

И одного дня дождя хватит для посаженного в твоей душе за все время, в которое уходила благодать.

Одна благодать у священства. Другая - у монашества. Третья - у таинств. Особое дело - действие благодати подвижничества. Все они происходят из одного источника, но отличаются друг от друга избыточностью и славой.

Благодать покаяния, действующая в тех, которые подвизаются, - это наследство, переданное отцами. Это торговля и божественный обмен, где мы отдаем землю и получаем небо. Обмениваем вещество, получая Дух. Всякий пот, всякая боль, всякий подвиг ради нашего Бога - это торговый обмен. Отнятие крови и вливание Духа.

Эта благодать возрастает, насколько может вместить человек, в соответствии с тем, сколько вмещает сосуд.

Называется же она благодатью делания и благодатью очистительной.

Теперь: после "делания" следует "просвещение", и это вторая ступень, то есть благодать просветительная.

То есть, когда подвизающийся будет хорошо воспитан благодатью делания и бесконечное число раз упадет и поднимется, на смену приходит просвещение разума - озарение ума, который видит истину. Видит вещи в их естестве. Без человеческих искусств, и средств, и силлогизмов. Каждая вещь естественным образом занимает свое действительное, истинное положение. Но достижению этого предшествуют многие испытания и болезненные изменения. А здесь он находит умирение помыслов и передышку от искушений.

На смену просвещению приходят прерывание молитвы и частые созерцания, восхищение ума, успокоение чувств, неподвижность и предельное молчание членов, соединение Бога и человека воедино.

Это божественный обмен, в котором человек - если вытерпит искушения и, подвизаясь, не оставит своего пути - меняет вещество на невещественность...

Поэтому бегите вслед за Небесным Женихом, серны моего Иисуса! Обоняйте мысленное миро. Сделайте вашу жизнь, душу и тело благоухающими чистотой и девством. Я не знаю

ничего другого, что было бы так угодно сладкому Иисусу и Пречистой Его Матери, как чистота и девство. И если кто-то хочет насладиться Их великой любовью, пусть позаботится о том, чтобы очистить, освятить душу и тело. И так он получит всякое небесное благо.

Теперь я объясню вам, что имеется в виду под выражением "прерывание молитвы", когда в человеке умножится благодать.

Благодать делания уподобляется сиянию звезд, просвещения - полнолунию, а совершенная благодать созерцания - полуденному солнцу, проходящему по небосводу. Поскольку отцы разделили духовное жительство на три чина.

Итак, когда благодать умножится в человеке и он узнает все написанное, как мы сказали, то приобретает великую простоту; ум его расширяется, приобретая огромную вместительность. И как вкусила ты оную каплю благодати, когда к тебе пришла великая радость и веселие, так она снова приходит, когда ум находится в молитве. Но сильно, как тонкое дуновение, как бурное благоуханное дыхание. И переполняет все тело, и прерывается молитва. Замирают члены. И только ум созерцает в ослепительном свете. Совершается соединение Бога и человека. Он не может сам себя отделить. Как железо. Прежде чем его поместят в огонь, оно называется железом. Когда же накалится и покраснеет, то делается единым с огнем. Или как воск, который, приблизившись к огню, тает, не может остаться в своем естестве.

Только когда пройдет созерцание, он снова возвращается в свое естество. Тогда как пребывая в созерцании, он другой и из другого. Весь полностью соединяется с Богом. Не думает о том, что у него есть тело и жилище. Весь воспаряет. Без тела восходит на небо!

Воистину велико это таинство. Ибо человек видит то, о чем язык человеческий не может рассказать.

И когда проходит это созерцание, он пребывает в таком смирении, что плачет, как малое дитя, о том, что Господь дает ему это, хотя он не делает ничего. И у него появляется такое самопознание, что, если его спросишь, он считает себя самым убогим, недостойным того, чтобы существовать на свете.

И до тех пор, пока он так думает, Тот дает ему еще больше.

- Достаточно! - взывает он к Богу. А благодать умножается еще. Он становится сыном Царя.

И если скажешь: - Чье то, что на тебе?

- Господа моего, - говорит он. - А хлеб и другая пища, которую ты ешь?

- Господа моего. - А деньги, которые носишь с собой?

- Господа моего. - А что у тебя свое?

- Ничего. Я земля, я грязь, я пыль.

Ты меня поднимаешь - я поднимаюсь. Бросаешь меня - падаю.

Возносишь меня - лечу. Кидаешь меня - ударяюсь.

Естество мое - ничто. Он говорит это ненасытно. А что есть это "ничто"? Это то, что было ничем, прежде чем Бог сотворил небо и землю.

Итак, это начало нашего существа. А наше смешение и происхождение - брение. А наша сила? Божественное дуновение, дыхание Божие.

Итак, возьми, Боже, Рачителю желаний и Творче всякого блага, возьми божественное дуновение, которое Ты вдохнул в наше лицо, и мы получили дух жизни - и мы снова превратимся в брение.

Итак, что ты имеешь, гордый человек, егоже неси приял? Аще же и приял, что хвалишия, яко не прием?^[92] Познай, смиренная душа, своего Благодетеля и смотри не присваивай чужое - принадлежащее Богу как собственные подвиги. Познай, окаянная, свое

существо, осознай свое происхождение. Не забывай, что ты здесь чужая, и все - чужое! И если дал тебе сладкий благодетель Бог, воздай Ему чистой совестью свое от своего, "Твоя от Твоих".

Если ты поднялся на небеса, и видел ангельские естества, и слышал гласы божественных сил, если богословствуешь и учишь, если победил козни бесовские, если пишешь, и говоришь, и делаешь, все это - дар Божий.

Итак, скажи Господу твоему: "Прими, дыхание мое сладкое, Иисусе мой, "Твоя от Твоих"! И тогда, ах! тогда, о душа моя! Что предстоит тебе увидеть, когда откроются сокровища Божии, и Он тебе скажет: "Прими, сын мой, всё, ибо ты показал себя верным и добрым кормчим"!

36. "Круговая

молитва в сердце никогда не боится прелести" Живущий на небесах Бог и Господь всех, подающий нам дыхание, и жизнь, и всё и всегда пекущийся о нашем спасении, - Он да пошлет в ваши святые души дух утешения, ум же ваш да просветится, как просветились ученики нашего Спасителя, да озарит же свет Его божественного сияния всего духовного разумнотварного человека, да воспламенится же все ваше сердце божественной любовью, как у Клеопы, и взыграет, зачав и получив извещение о зачатии нового Адама, да истлеет же до конца ветхий со всеми его страстями, и тогда каждое мгновение, всегда будут течь слезы, как источник, изливающий сладость. Аминь.

Сегодня, чадце мое, получил твое письмо, и видел, что в нем, и даю тебе ответ на то, что ты мне пишешь.

Образ умной молитвы таков, как тебе говорит преподобная старица. Круговая молитва в сердце никогда не боится прелести. Другой или другие образы могут быть опасны, ибо к ним легко приближается мечтание и в ум входит прелесть.

Как страшна прелесть ума! И как трудноразличима! Напишу вам немного о ней, чтобы вы знали. Потому что я был очень дерзновенным в этом и испытал все образы молитвы. Попробовал всё. Ибо когда благодать приближается к человеку, тогда ум - бесстыдная птица, как его называет авва Исаак, - хочет проникнуть во всё, попробовать всё. Начинает от создания Адама и заканчивает глубинами и высотами, так что если Бог не положит ему предел, он не вернется назад.

Итак, этот образ сердечной молитвы есть образ делания, который мы применяем, чтобы удержать ум в сердце. И когда умножится благодать, она восхищает ум в созерцание, и сердце пылает от божественной любви, и весь человек горит от любви. Тогда ум оказывается совершенно соединившимся с Богом. Пресуществляется и тает, как тает воск, когда приближается к огню, или, как железо, уподобляется огню. И естество железа не изменяется, но когда оно находится в огне, бывает единым с огнем, а когда накал уменьшится, возвращается снова к своей естественной твердости.

Это называется созерцанием. И в уме царствует тишина, и умиротворяется все тело. Тогда молящийся молится своими словами и импровизированными молитвами и восходит к созерцанию, не заключая ум в сердце.

Ибо умная молитва совершается для того, чтобы пришла благодать.

Когда есть благодать, ум не парит. А когда ум стоит на одном месте, он применяет все виды молитвы, пробует всё.

Итак, способ, который применяют те, о которых ты мне рассказала, - это не прелесть,

однако легко переходит в прелесть. Ибо ум их прост, не очищен и принимает мечтания за созерцание.

Например, на берегу моря есть источник, источающий чистую воду. Внезапно поднимается буря, и море заливает берег, и морская вода взбаламучивает наш маленький источник. А теперь попробуй, какая бы способная ты ни была, очистить воду источника от морской воды! Подобное происходит в уме.

И будь внимательна к тому, что я говорю. Бесы - это духи. Итак, они сродны и подобны нашему собственному духу, уму. А ум, будучи кормильцем души, - поскольку он приносит всякое представление умного движения и мысль в сердце, а сердце его очищает и дает разуму, - ум, таким образом, обманывается по примеру источника. То есть нечистый дух воровским способом помутняет ум, и он дает это, как ему свойственно, по своему обыкновению, сердцу. И если сердце не чисто, оно замутненным дает это разуму. И тогда помрачается душа. И после этого вместо созерцаний постоянно принимает мечтания. И таким образом возникли все прелести и появились ереси.

Однако когда человек насытится благодатью, и всегда бывает внимательным, и никогда не впадает в самонадеянность, не доверяет самому себе, но не оставляет страха до конца своих дней, тогда, если приблизится лукавый, он видит, что происходит что-то ненормальное, что-то необычное. И тогда ум, сердце, разум - вся сила души ищет могущего спасти. Ищет Того, Кто все привел из небытия в бытие и все очищает. Он может отделить воды от вод. И когда горячо, с обильными слезами, Его призывают, делается явным обман, и ты узнаешь способ избежать прелести. И когда испробуешь это много раз, становишься человеком-делателем. И бесконечно прославляешь и благодаришь Бога, Который просвещает наш ум, чтобы мы узнавали сети и ухищрения лукавого и убегали от них.

И я истинно вам говорю, что вошел во все прибежища врага и после жестокого единоборства вышел из них по благодати Господней. И теперь, если кто-нибудь немощствует, могу по благодати Божией избавить его от болезни помыслов и недуга прелести. Достаточно того, чтобы он меня слушался. Ибо если уловленный в прелесть будет слушаться другого, то для лукавого есть опасность, что тот избавится от прелести и он его потеряет, поэтому он ему советует, его убеждает никому другому больше не верить, никогда не слушаться другого, но впредь принимать только свои собственные помыслы, верить только своему собственному рассуждению.

В этом несмирнном мудровании скрывается великая оная гордыня - сатанинская гордость еретиков, всех прельщенных, не желающих обратиться.

Итак, Христос наш, который есть Свет истинный, да просветит и направит стопы каждого, кто желает к Нему прийти.

Вы же, если любите умную молитву, плачьте, рыдайте, ища Иисуса. И Он откроется в огненной любви, которая пополяет все страсти. И вы будете походить на влюбленного, которому стоит вспомнить любимую, и сердце его начинает радостно биться, а из глаз текут слезы. Такое божественное рачение и огонь любви должны гореть в сердце. Тогда достаточно услышать или сказать: "Господи, Иисусе Христе мой, сладкая любовь!" или "Сладкая моя Мамочка, Пресвятая Дева!" - и сразу текут слезы.

Все святые составляли много похвал нашей Пресвятой. Но я, убогий, не нашел более прекрасной и более сладкой похвалы и имени, чем призывать Ее каждое мгновение: "Мама! Сладкая моя Мамочка! В руки Твои да придет, исходящи, моя душа и ими да будет отдана Создателю своему, Единородному Твоему Сыну. Иного не желаем, сладкая наша Мамочка, как только во время возжжения божественного рачения в пламенной оной любви испустить дух, когда пылает наша душа, и останавливается ум, и веет благоуханное дыхание в тонком

дуновении, и он покрывается мраком, когда чувства замирают и царствует желанный, рачение, любовь и жизнь, всегда сладкий Иисус".

Посему, чадца Небесного Отца и наследницы Его Царствия, бегите, спешите, плачьте, радуйтесь, источайте слезы любви. Погрузите ваш ум в погрузившего Свое тело в землю, чтобы нас спасти. Сладкий Иисус сошел, чтобы мы взойшли вверх. Умер и воскрес, чтобы воскресить нас. Возрадуйтесь, възиграйте, так как мы удостоились стать Его чадами, наслаждаться вечными Его благами и еще здесь сорадоваться в Его беспредельной любви.

37. "...

Хочу ради любви к вам и пользы вашей души кратко описать мою жизнь"

Опять и опять возлюбленной моей дочери со всеми о Христе сестрами.

Молюсь о вас со многими слезами, с любовью Христовой, чистой и полной...

Итак, ты мне пишешь, что у тебя много искушений. Но с их помощью, дитя мое, совершается очищение души. В скорбях, в искушениях обретается благодать. В них найдешь сладчайшего Иисуса.

Теперь терпением скорбей ты должна показать, что любишь Христа. И снова придет благодать, и снова уйдет. Только ты не прекращай со слезами ее искать.

У тебя перед глазами есть старица, все святые сестры. Есть у тебя старец, который входит во внутреннейшее завесы^[93] и, при схождении божественного облака, умоляет Бога. И, наконец, у тебя есть я, который, когда происходит посещение Жениха, все Ему говорю и горячо Его прошу о тебе и обо всех сестрах. И часто Он мне возглашает: "В терпении вашем стяжите души ваша^[94]. Не в нетерпеливости. Все слышу, все будет, но не сразу!"

Итак, матери и сестры мои, возлюбленные о Господе, снова послушайте меня, вложите в ваши уши мои слова, приклоните ухо ваше в притчи.

Ибо я хочу ради любви к вам и пользы вашей души кратко описать мою жизнь, чтобы вы увидели и получили силу и терпение, так как без терпения невозможно победить человеку.

Монах без терпения - это светильник без елея. Пишу это мелко, берегу бумагу, так как у меня ее нет. И лист пахнет средством от клопов и блох. Потому что мне его прислал один врач, который со мной переписывается. Поэтому простите меня.

Итак, скажу вам кратко, в немногих словах: я жил в миру и тайно совершал суровые и кровопролитные подвиги. Вкушая после девятого часа и раз в два дня. Пендельские горы и пещеры знают меня как ночного ворона, алчущего и плачущего, ищущего спасения. Я испытывал, могу ли я вынести труды, чтобы уйти на Святую Гору и стать монахом. И когда хорошо поупражнялся несколько лет, просил Господа простить меня, что ем раз в два дня, и говорил, что, когда приду на Святую Гору, буду есть раз в восемь дней, как пишут жития святых.

А когда пришел на Святую Гору и, усердно поискав, не нашел никого, кто бы ел менее одного раза в день, - затрудняюсь вам рассказать о слезах, и боли моей души, и воплях, от которых содрогались горы: день и ночь я плакал о том, что не нашел Святую Гору такой, как о ней пишут святые.

Пещеры всего Афона принимали меня как посетителя; шаг за шагом, как олени, которые ищут влагу вод, чтобы утолить свою жажду, я стремился найти духовника, который научил бы меня небесному созерцанию и деланию.

Наконец после двух лет многотрудного поиска и купели слез я решил остановиться у одного простого, доброго и незлобивого старчика вместе с одним братом. И старец дал мне

благословение подвизаться, сколько я могу, и исповедоваться у духовника, который мне понравится.

Итак, я жил в совершенном послушании. А прежде чем я поселился у старца, у меня был такой обычай: каждый день пополудни в пустыне, где живут только звери, я садился и два-три часа безутешно плакал, пока земля не превращалась в грязь от слез, и устами читал молитву Иисусову. Я не знал, как читать ее умом, но просил нашу Пресвятую и Господа дать мне благодать умно читать молитву, как пишут в Добротолюбии святые. Ибо, читая его, понимал, что есть нечто, чего я не имел.

И однажды у меня случилось много искушений. И весь тот день я взывал с величайшей болью. И наконец вечером, на заходе солнца, успокоился, голодный, изнуренный от слез. Я смотрел на церковь Преображения на вершине и просил Господа, обессиленный и огорченный. И мне показалось, что оттуда пришло стремительное дуновение. И душа моя наполнилась несказанным благоуханием. И мое сердце сразу начало, как часы, умно читать молитву. Итак, я поднялся, полный благодати и беспредельной радости, и вошел в пещеру. И, склонив свой подбородок к груди, начал умно читать молитву.

И только я произнес несколько раз молитву, как сразу был восхищен в созерцание. И хотя находился внутри пещеры и дверь ее была затворена, оказался снаружи, на небе, в некоем чудесном месте, с величайшим миром и тишиной в душе. Совершенное успокоение. Я думал об одном: "Боже мой, пусть я не вернусь более в мир, в прискорбную жизнь, а останусь здесь". Затем, когда Господь меня успокоил, насколько это было Ему угодно, я снова пришел в себя и оказался в пещере.

С тех пор молитва не прекращает умно звучать внутри меня.

Когда я пришел после этого к старцу, то начал великие подвиги, всегда по его благословению.

И однажды ночью, когда я молился, снова пришел в созерцание, и мой ум был восхищен на некое поле. И там были монахи, по порядку, шеренгами выстроившиеся для битвы. И один высокий полководец приблизился ко мне и сказал: "Хочешь, - говорит он мне, - воевать в первом ряду?" А я ему ответил, что весьма желаю один биться с черными эфиопами, которые стояли перед нами, рыча и испуская огонь, как дикие собаки, так что один их вид вызывал страх. Но у меня не было страха, потому что во мне была такая ярость, что я готов был разорвать их своими зубами. Правда, я, и будучи мирянином, имел такую мужественную душу. И тогда полководец взял меня из рядов, где было множество отцов. И когда мы прошли три или четыре ряда по чину, он поставил меня в первый ряд, где был еще один или два перед лицом диких бесов. Они готовы были броситься на нас, а я дышал против них огнем и яростью. И там он меня оставил, сказав: "Если кто-то желает мужественно воевать с ними, я ему не препятствую, а помогаю".

И снова я пришел в себя. И размышлял: "Какая же это будет война?"

И с тех пор начались ожесточенные брани, которые не давали мне покоя ни днем, ни ночью. Жестокие брани! Ни часу покоя. И я тоже - на них с яростью.

По шесть часов сидя на молитве, я не разрешал уму выйти из сердца. По телу моему пот бежал ручьями. Палкой - нещадно! Боль и слезы. Строжайший пост и бдение всю ночь. И наконец я свалился.

Все восемь лет каждая ночь - мученичество. Бесы убегали и кричали: "Сжег нас! Сжег нас!" Одной ночью их слышал и живший рядом со мной, удивившийся, кто были кричавшие.

И, однако, в последний день, в который Христос должен был их прогнать, я уже думал, отчаявшись, что, поскольку мое тело сделалось совсем мертвым, а страсти действуют, как при полном здравии, то бесы - победители. Конечно, это они меня сожгли и победили, а не я.

Наконец, когда я сидел, как мертвый, огорченный, отчаявшийся, чувствую, что открылась дверь и кто-то вошел, но не повернулся, чтобы посмотреть, а читал молитву. И вдруг чувствую, что кто-то снизу возбуждает у меня сладострастие. Поворачиваюсь и вижу беса: как есть, шелудивого, покрытая струпами голова воняет! И я бросился, как зверь, чтоб его схватить. Схватил - а у него щетина, как у свиньи, - и он исчез. Моему осязанию он оставил ощущение своей щетины, а обонянию - зловоние. И наконец, с этого мгновения брань прекратилась и все успокоилось. И пришел мир в душу. И совершенное избавление от нечистых плотских страстей.

В конце той ночи я опять пришел в исступление. И вижу пространное место, разделяемое морем. И по всему этому пространству были везде расставлены сети. И замаскированы, чтобы их не было видно. А я был очень высоко и видел все, как в театре. И через это место должны были пройти все монахи. А в море был змей - страшный бес, глаза которого испускали пламя. Разъяренный. И он высовывал свою голову и смотрел, попадают ли они в сети. А монахи, проходя без страха и внимания, попадались иной за горло, иной за поясницу, иной за ногу, иной за руку. И, видя это, бес смеялся, радуясь и веселясь. А я очень печалился и плакал. "Ах! - говорил я. - Лукавый змей! Что ты с нами делаешь и как ты нас прельщаешь!" И снова пришел в себя и оказался в своей келлийке.

Устав мой был есть один раз в день немного: в меру хлеб и что-нибудь еще. И на Пасху и на масленицу у нас было одно блюдо. Один раз.

И в течение всего года - всю ночь бдение. Устав этот мы с отцом Арсением приняли от одного трезвенного и святого старца, отца Даниила. Тогда было много и других святых. Он был один из них. И священник, и превосходный безмолвник. На литургию не допускал никого. Длилась его литургия три с половиной или четыре часа. От слез он не мог произносить возгласы. Земля превращалась в грязь. Поэтому он и служил так долго. Он был священнослужителем пятьдесят с лишним лет. Ни на один день не помышлял оставить божественную литургию. А во время Великого поста во все дни совершал преждеосвященные. И в конце без болезни преставился.

А другой был русский. У него день и ночь были непрестанные слезы. Весь парящий и полный созерцания, он превзошел и многих прежних святых. Он говорил: "Когда человек видит Бога, ничего не может Ему сказать, только плачет от радости". Был у него и дар прозорливости, ибо он знал приходящих.

Итак, устав мы взяли у первого. Он не принимал никого, как мы сказали; но так как я был очень настойчив в поисках, желая научиться, или и по устройению Бога, Которого я горячо просил, он уступил и принимал меня. И каждый раз говорил мне несколько полных благодати слов. И я шагал всю ночь, чтобы прийти туда одному, увидеть оное, поистине божественное зрелище и услышать одно-два словечка.

Эти двое были совершенными затворниками. Были и многие другие, каждый из которых имел свой дар. И все освященные, наполняющие благоуханием пустыню, как лилии.

Однажды, шагая ночью в полнолуние, я шел к старцу, чтобы открыть помыслы и причаститься. Когда пришел, то остановился чуть вдали на возвышенности возле огромного камня, чтобы не потревожить их умное бдение. И, сидя и умно молясь, услышал сладкий голос, пение птицы. Было, наверное, четыре часа ночи. И мой ум был восхищен этим голосом. И я пошел вслед, чтобы увидеть, где эта птица. И внимательно смотрел в разные стороны. Ища ее, я вышел на один прекрасный луг. И, продолжая путь, шел по белоснежной дороге с бриллиантовыми и хрустальными стенами. А между стенами росли разнообразные и разноцветные цветы, из-за которых ум мой забыл о птице и весь был пленен созерцанием одного рая. И, продолжая идти, я подошел к одному дворцу, высокому и чудесному,

поражающему ум и мысль. И в дверях стояла наша Пресвятая, держащая в Своих объятиях как младенца сладчайшего Иисуса. Вся сияющая и блистающая, как снег. И, приблизившись, я поцеловал Их с беспредельной любовью. И Младенец обнял меня и что-то мне сказал. Никогда не забуду любви, которую Она выказала мне, как истинная Мать. Тогда без страха и стеснения я приблизился к Ней, как приближаюсь к Ее иконе. И вел себя так, как ведет себя малое и невинное дитя, когда увидит свою сладкую мамочку. А как я ушел от Нее, и сейчас не знаю, ибо ум мой был весь поглощен горним. И, удалившись оттуда, другой дорогой снова вышел к лугу. Там было прекрасное жилище. И мне дали там какое-то благословение и сказали, что здесь лоно Авраамово и есть обычай давать тому, кто здесь проходит, благословение. И так я ушел и оттуда и пришел в себя. И снова оказался возле того камня.

И, оставив цель, с которой шел, я спустился в пещеру святого Афанасия поклониться в великой радости иконе Пресвятой, ибо у меня было к ней большое благоговение. До этого, вначале, я там жил шесть месяцев по любви к Ней и зажигал там лампаду. День и ночь это было моим занятием. И поскольку в ту ночь я весь был пленен божественной любовью, то спустился туда, чтобы возблагодарить Ее. И едва вошел и поклонился Ей, стал пред Ней и заговорил, благодаря, - от сладчайших Ее уст изошло очень сильное благоухание, как освежающее дыхание, которое наполнило мою душу, и я стал безгласным, второй раз придя в исступление на долгое время. И когда поднялся еkkлисиарх и пришел посмотреть лампы, я, будучи вне себя, убежал, чтобы он ни о чем не догадался или не начал меня спрашивать.

В другой раз, снова совершая бдение один в своей маленькой келлийке, - ибо мы с отцом Арсением совершали бдение каждую ночь каждый в своей келлии с молитвой Иисусовой и со слезами - я снова пришел в созерцание. Мою келлию наполнил свет, как днем. И посреди келлии явились трое детишек, каждый лет около десяти. Одного роста, одного вида, в одинаковой одежде, с одинаково красивыми лицами. И я, удивляясь их виду, был весь вне себя. А они, стоя вплотную друг к другу, втроем благословляли меня, как благословляет священник, и мелодично пели: "Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа!" И шагали ко мне, и снова шли назад, не оборачиваясь, и снова шагали ко мне с пением. А я говорил про себя, размышляя: "Где такие маленькие дети научились так прекрасно петь и благословлять?" Мне и на ум не пришло, что на Святой Горе нет таких маленьких и таких прекрасных детей. И так они снова ушли, так же как пришли, чтобы пойти благословить и других. И я был изумлен, несколько дней прошло, прежде чем рассеялась радость и они изгладились в моей памяти. Но такое не забывается никогда.

В другой раз я был очень огорчен. А известно, что Бог не утешает душу и не показывает ей подобного, если нет опасности и страшных искушений, когда это бывает необходимо. Не просто так и не случайно.

Итак, во время моей безмерной скорби, как и раньше, полный света, на кресте, явился Иисус и, наклонив голову, мне напомнил: "Смотри, сколько Я перенес ради тебя!" - и все мои скорби исчезли, как дым.

Что нам сказать о столь великой любви, которую являет нам Господь, чтобы нас спасти! А мы из-за малейшего искушения всё это забываем. Хотя там, где искушения и скорби, находится Христос. Но скорбями называют не переживания и попечения о том, как прожить, а скорби ради Христа. Гонения, страдания ради спасения другого, подвиги ради любви Христовой и сопротивление искушениям. Когда ты бедствуешь до смерти ради Христа. Когда терпишь несправедливые оскорбления и поношения. Когда все презирают тебя как впавшего в прелесть. Тогда по справедливости Господь утешает душу и веселит ее.

Однажды я очень сильно скорбел, потому что вся моя жизнь была сплошным мученичеством; и больше всего я страдаю за других, - когда хочешь их спасти, а они тебя не

слушают, и ты плачешь и молишься, а они смеются, и над ними властвует искуситель. И когда я находился в печали и сильной боли, пришел в созерцание. И, будто бы шагая, оказался на некоем поле - вся земля, как белый снег. И я недоумевал, весь изумленный. Как оказался я в таком прекрасном месте? И искал, каким путем оттуда уйти, чтобы кто-нибудь меня не отругал, так как я вошел туда без разрешения. И, смотря с любопытством по сторонам, чтобы найти выход, я увидел дверь, ведущую в подземелье, и вошел туда. И это был храм нашей Пресвятой Богородицы. И там сидели прекрасные юноши, одетые в чудесный наряд. И у них были красные кресты на груди и на лбу. И поднялся с трона один, бывший как будто военачальником и одетый в более блистательный наряд, и говорит мне:

- Иди сюда, - говорит, - ибо мы тебя ожидаем. И предложил мне сесть.

- Прости меня, - говорю я, - я недостоин сесть там, но для меня достаточно стоять здесь, у ваших ног.

И, улыбнувшись, он оставил меня и подошел к иконостасу, к иконе Пресвятой, и говорит:

- Госпожа и Владычица всех, Царица ангелов, Пречистая Богородице Дево! Покажи благодать Твою сему рабу Твоему, который так страдает ради Твоей любви, да не будет он поглощен скорбью!

И вдруг от иконы изошло такое сияние и явилась Пресвятая, в полной рост, такая прекрасная, что от этой красоты - в тысячи раз светлейшей солнца - я упал на землю, к Ее ногам, не в силах на Нее смотреть, и, плача, взывал:

- Прости меня, Мамочка моя, что я в своем неведении Тебя огорчаю!

И так, поистине плача, пришел я в себя, мокрый от слез и полный радости.

Но сейчас я рассказываю только об утешениях. Нужно рассказать и о том, каковы были те столь невыносимые скорби и тяжкие до смерти искушения. Так что каждому такому утешению предшествовала смертельная скорбь. Удавление души и нахождения преисподней тьмы...

38. "Возлюбленная моя

матушка со всеми моими братьями, сестрами, родственниками и друзьями..."

Возлюбленная моя матушка со всеми моими братьями, сестрами, родственниками и друзьями, радуйтесь все о Господе!

Я в добром здравии по молитвам наших родителей и прародителей. Радуюсь и благодарю Бога за то, что Он удостоил меня обрести такой великий и небесный дар - носить великий и ангельский образ и называться монахом, - меня, недостойного такого дара.

Да будет слава милостивому, благоутробному и благому нашему Отцу, Который не отвернулся от меня, но помиловал меня, как блудного сына. Избрал меня из мира и привел на Святую Гору, в этот земной рай.

И душа моя пылала, и я желал узнать о вашем здравии, душевном и телесном. Но заповедь Господня, говорящая: "Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин" [\[95\]](#), вынуждает меня забыть не только родителей, братьев, родственников, но даже собственное тело. И все рачение и любовь души желают впредь быть обращенными к Богу. Душа хочет смотреть на Него и Его созерцать. Молиться, искать, принимать подходящие лекарства для очищения сердца и возрастания духовного человека.

Однако сейчас, видя величайшее бедствие, которое постигло мир, и боясь, что и вы подвергнетесь опасности нечестия и окажутся напрасными мои постоянные бдения,

совершаемые за вас, я был вынужден воспользоваться изречением: "... по нужди и закону пременение бывает"^[96]. И сказал: "Пусть я преступлю одну заповедь, но, может быть, приобрету моих возлюбленных".

Мое желание, горение моего сердца, моя божественная любовь, постоянно воспламеняющая мою утробу, направлены к тому, чтобы спаслись души, чтобы были принесены нашему сладчайшему Иисусу словесные жертвы.

Единственное мое желание - увидеть, что все мои: мать, братья и их чада - стали чадами Божиими. Что все стали божественной жертвой, благоугодной Святому Богу. Ах! Но страсти, слабая наблюдательность, помрачение души не дают уму немного подняться к вышнему, чтобы была видна польза душевного спасения. Однако я, опять же, не жалею, ибо другие в намного худшем состоянии.

Говорю себе: все мои братья по сравнению с другими, как ангелы Божии. Да будет слава Господу, что всех вас связывает божественная любовь и среди вас находится Христос. А где Христос, там и все блага жизни вечной и настоящей. Поэтому и сказал Он, Единая Истина: "Ищите прежде Царствия Моего, и все временное Я дам вам с прибавлением"^[97].

И, опять-таки, сказал: "Кая польза человеку, аще мир весь приобретает"^[98] и останется вне рая?"

Кто же, ожидая этого, не будет презирать все человеческие насмешки, клевету и оскорбления, все несправедливости и беззакония лукавых людей, а также искушения и скорби от немилосердных бесов, чтобы стать достойным той небесной радости?

Ах, если бы кто-нибудь был рядом со мной, слышал мои молитвы, вздыхания моего сердца, видел и слезы, которые я проливаю за своих братьев! Всю ночь молюсь и взываю: "Или спаси рабов Твоих, Господи, или и меня погуби - мне не нужен рай!"

Если всю силу души и сердца мы изливаем ко Господу всяческих за весь мир, сколь более за вас?

Итак, послушайте меня, смиренного и ничтожнейшего монаха, и не презирайте меня как неученого и безграмотного. Откройте свои душевные очи, чтобы увидеть, что находится за пределами этой жизни.

Мирские люди любят мир, потому что еще не познали его горечи. Они еще слепы душой и не видят, что скрывается за этой временной радостью. Не пришел еще к ним мысленный свет, не воссиял еще день спасения.

Однако вы, видевшие и слышавшие столько, должны уразуметь, что временные наслаждения проходят как тень.

И время нашей жизни бежит, проходит и не возвращается назад. А время нынешней жизни - это время жатвы и собирания плодов. И каждый собирает пищу, насколько возможно чистую, и откладывает для другой жизни.

Приобретает не умный, вежливый, красноречивый или богатый, а тот, кого оскорбляют и кто великодушно переносит, кого обижают и кто прощает, на кого клеветают и кто терпит, тот, кто делается губкой и очищает все, что слышит, все, что ему говорят, - каким бы оно ни было. Он очищается и просветляется более других. Он достигает высокой меры. Он услаждается созерцанием таинств. И, наконец, он еще здесь находится в раю.

И когда придет оный час смерти, как только закроются эти глаза, - откроются внутренние, душевные. И пока он думает о тамошнем, внезапно оказывается там, где хотел быть, даже не заметив этого. Из тьмы он переходит во свет, из скорби - в упоение, из смятения - в безмятежную пристань, от войны - к вечному миру.

Посему, братья мои добрые и возлюбленные, если кого-то обижают в этом мире и он захочет найти справедливость, пусть знает, что она - в несении тяготы своего брата,

ближнего до последнего издыхания и в терпении всех печалей настоящей жизни.

Ибо каждая скорбь, которая приходит к нам - будь то от людей, или от бесов, или от нашего собственного естества, - всегда несет в себе соответствующее приобретение. И кто преодолевает ее с терпением - получает плату: здесь - залог, а там - все полностью.

Итак, терпение необходимо, как соль в пище. Поскольку нет другой дороги, чтобы приобрести, обогатиться и царствовать. Эту дорогу проложил для нас Христос. И мы, любящие Его, должны ради Его любви следовать за Ним. Хотя для нас горька полынь, однако она очищает кровь и делает здоровым наше тело. Без искушения не познаются чистые души, не делается явной добродетель, не обнаруживается терпение. Без искушений не может проявиться здоровье души. Это очистительный огонь, который соделывает душу чистой и светлой.

Забыл вам написать один медоточивый рассказик. Однажды, стоя на коленях, утомившись в молитве, я видел нечто чудесное: рядом с одним очень красивым юношей были две маленькие прекрасные девочки. Одна была наша Марусо, а другая Эргина - малышки, которые умерли. И говорит им юноша: "Это ваш брат. Вы его знаете?" Марусо была старше. "Я его знаю, - говорит она, - но много лет прошло с тех пор", а другая сказала: "При жизни я его не видела". И он говорит им: "Поцелуйте его, и пойдем". И две малышки, как благоухающие цветы, поцеловали меня и ушли. И я пришел в себя с полными слез глазами, вспоминая о радости, какая бывает на небесах, когда грешные каются и когда праведные входят в рай.

39. "Сестра

моя возлюбленная, радуйся о Господе" Сестра моя возлюбленная, радуйся о Господе. Сегодня получил твое полное любви и благоговения письмо. И, воздев руки, с теплой душой и горячей любовью воссылал Господу тайные гласы моего смиренного сердца. "Услыши, - говорю я, - сладкая любовь, Иисусе Спасителю мой, свете паче всякого света от безначального Отца Родителя, ведение и истина, надежда и утешение мое, крепость и сила моя, любовь и просвещение мое, услыши и пошли моей сестре свет божественного Твоего утешения, и сокруши верей и запоры помраченной и изболевшейся ее души, и озарением Твоего сияния утешь ее сердце, чтобы уменьшились ее скорби и постоянные волны искушений. Ей, сладкий мой Христе, Свете, просвещающий утробы и сердце, душу и тело, жилы и кости, ум и разум, и всякий состав нашего тела, услыши меня, молящегося о моей сестре, скорбящей и болезнующей".

Это и многое другое, свидетельство моей любви к тебе, возглашаю моему Владыке. Поскольку не забываю, поминая тебя, о твоих с детства многих и бесчисленных мучениях. И из-за них я еще более люблю тебя. И из всех любимых мною отдаю тебе наибольшую любовь. Ибо первородство моей любви - твое.

Только одно я прошу тебя сделать для меня, в воздаяние за такую любовь к тебе, - прибавить немного терпения. И я верю возлюбившему нас Иисусу, что все твои прошения Он исполнит с прибавлением. И ты обретешь мир душевный, и покой, и все, что полезно нашей окаянной душе, Господь тебе дарует. Ты только проси со слезами, чтобы исполнялась, как знает Господь, Его святая воля, а не твоя.

Ты знаешь, что один раз согрешила пред Господом? Не прилагай более язв к ранам. А если, как человек, снова упадешь, не унывай, не отчаивайся в себе. Ибо сказавший Петру прощать виновного семьдесят раз по семь в день разве не простит нас - человеколюбивый

Господь?

Позволь своему мужу делать так, как он хочет. Скажи, что ты это отдала как милостыню, и то, что хотела бы дать другому, не давай. Не делай нового благодеяния другому, этого достаточно. Оставь собственную волю, чтобы обрести душевный мир. Ибо воля человека стала медной стеной, которая препятствует его просвещению от Бога и миру.

Смотри на пример сладкого Иисуса, Который стал послушным Безначальному Своему Отцу до смерти крестной. Предал тело на раны, ланиты - на заушения и лицо Свое не отвратил от заплеваний. Видишь, сестра моя, какую любовь явил нам благоутробный Господь? Итак, оставим и мы свою волю, оставим и виноватым перед нами. И тогда с дерзновением скажем: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим".

Ибо все мы - люди, из праха рожденные, и все согрешили. Мы брение, не имеем ведения. Брение у брения крадет. Брение брение оскорбляет. Брение на брение клеветает. Брение над брением превозносится. Брение за счет брения обогащается. Брение над брением начальствует. Брение брение бьет. Брение брение заключает в тюрьму. И вообще, брение считает себя мудрее, сильнее, богаче, благороднее, почтеннее брения, обогащаясь безумием и неведением собственного естества: откуда оно и где оказалось, как родилось, каково его назначение, где его конец, что после этого.

Итак, все это поглотило забвение и неведение, и возник хаос бесчувствия, поэтому мы, нераскаянные, мучаемся здесь и в иной жизни. И поэтому тот, кто видит лучше и кто чуть более просвещен, должен прощать и сострадать единомудушному и подобострастному ближнему своему брату.

Ибо от начала Бог не так сотворил человека, чтобы он все это терпел и страдал, но сотворил его равноангельным: он мало отличался от ангелов. И, сотворив рай в Эдеме, поместил его туда, как царя, чтобы он правил по своему произволению и самовластию, одной только заповедью связав его, дабы видно было, что им управляет Вышний. Он же, будучи прельщен бесом и обрадовавшись равенству с Богом, - тому, что якобы его получит, - был изгнан из рая в это изгнание и впал в болезни, отлученный от Бога, чтобы пожинать волчцы и терния все свои дни.

Что же такое терния и волчцы, как не постоянные беды и не ежедневные скорби? От искушений, от развращенных людей и от этого жалкого нашего естества, которое от худых привычки и душевного свойства стало как бы второй натурой, от которой мы терпим больше болезненных искушений, чем от других врагов. И если милость Божия не предварит нас, нам грозит опасность погибнуть.

И когда же всему этому наступит конец? Когда, говорит, "от земли взят еси и в землю отыдеши"^[99]. Итак, вот где человеколюбивый Господь положил конец скорбям и болезням.

Чего же ты хочешь, добрая моя сестра? Какую стезю нам найти, которая не взращивала бы терний и волццов? Какой есть другой путь, на который не распространялось бы божественное определение?

Вот посмотри на царей, для которых недавно гремела музыка, перед которыми трепетало творение. Где все это? Терния подавили их. Где недавние министры, которых живыми съели пчелы? Вот волчцы.

Итак, кто смог избавить себя от терний? Никто, только смерть.

Итак, давай вместе возгласим Соломоновы слова: "Суета сует и всяческая суета!"^[100]

Блажен, кто претерпел до конца, все презирая, и с помощью долготерпения уменьшает количество терний и волццов, позволяя, чтобы происходил земной убыток и собиралось небесное богатство.

И поэтому, дорогая моя сестра, душа моей души, пренебреги и ты своей "правотой" и

своей волей ради моей столь сильной любви к тебе. И сочетай добрую чегу - терпение с долготерпением.

Молись и обо мне, чтобы Господь хранил меня, ибо я замечаю большую пользу от твоих возлюбленных молитв, сестринских, духовных. И когда найдешь время, закажи сорокоуст, чтобы исчезла душевная тяжесть.

Ты мне пишешь, чтобы я заказал икону, но забыла написать, какого святого, какого размера. Напиши, и я сделаю заказ.

Только сейчас, в этот момент, я взял корзинку, открыл ее и нашел размер святых икон. Итак, будь спокойна. Они только чуть-чуть попозже будут готовы.

Получил я и твои сестринские подарки. Не простые подарки, а подарки любви, подарки сестры, с детства подвигом добрым подвизающейся. И за эти малые дары она получает в награду от щедрого Бога наслаждение в Небесном Его Царстве.

Ах! Я увидел в корзинке снеди нашего детства, плоды родины и, вспомнив, как мы росли, сказал: "О суетный мир! Какой же несчастный ты был, есть и будешь до конца! И как блаженно для блаженных вечное и нескончаемое оно наслаждение!" Ах, сестра моя! Если только попробуешь малую часть оных благ, сделаешься как железо в терпении.

Пишешь, что волнуешься и строишь планы. Правду говоришь. Но таков этот мир. Однако дерзай. Кто научился строить, научится когда-нибудь не довольствоваться этим. Может быть, Господь найдет нас строящими, чтобы взять туда, где уже не понадобятся человеческие планы. И тогда у нас будет дом вечный.

Итак, дерзай. И я с тобой для тебя строю, и этого никто не разрушит. Только позаботься о том, чтобы присылать мне свою драхму, для того чтобы я мог покупать гвозди для окон и дверей. Дерзай и имей терпение. Очень благодарю тебя за все и молюсь о тебе всей своей душой. Передай мои смиренные пожелания всем нашим братьям. Целую стопы матери. Обнимаю твоего прекрасного и доброго супруга и твоих детей и желаю им быть добрыми чадами.

Выслушай еще ответ на свои вопросы: сын матери, которая тебя спрашивала, не поминается Церковью, потому что совершил самоубийство. Только, если хочет, пусть раздает за него милостыню. А Господь велик, и беспредельна глубина Его милости. Прежде всего, если хочет, пусть пошлет отшельникам, молящимся день и ночь, молитвы которых слышит Господь. Она, как ты говоришь, знает многих монахов. Пусть подаст им, чтобы они разделили это между собой. Или монахиням. Больше для него ничего сделать нельзя.

Что же касается дочери, о которой она говорит, что та поклялась, то эта клятва недействительна, ибо она противна Богу. Итак, все это она должна сказать духовнику...

40. "Бог

всегда помогает, всегда предваряет, но желает терпения" Приди, добрая и возлюбленная моя сестра, приди, и я снова утешу твои скорби. Приди, и благословим Бога сладким гласом сердца, посредством уст произносимым и посредством ума звучащим. "Благослови, - говоря, - душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его"^[101].

Видишь, как любит нас Господь? Видишь, как мы, неблагодарные, счастливы благодаря тому, что нам ежедневно дарует Его благодать? Но нас еще ожидает тот час подлинной жатвы, то блаженное мгновение, когда мы оставим здешнее и отправимся в иное отечество, действительно истинное, к блаженной жизни, верной радости, чтобы каждый из нас получил часть, даруемую подателем богатства сладчайшим Иисусом.

О радость! О наслаждение! О любовь Отца Небесного! Он очищает нас от всякой скверны, воздает нам честь, нас обогащает, даруя Свои богатства!

Там, золотая моя сестра, нет обижающего, нет лукавого, иссякли ревность и зависть. Там совсем нет страстей, а имеющие их остались перед мостом. Пропасть великая утверждена между здешним и тамошним.

Но, о сладкая любовь Христова, что хорошее ты видела от нас и за что повела нас по твоему божественному пути?

Итак, радуйся и веселись, возлюбленная моя сестра, благодари и прославляй Бога; и вот приближается час. Вскоре наступит миг, и мы услышим благословенный глас: "Приидите ко Мне"^[102]. И лишь закроются эти чувственные очи, откроются умные душевные, и мы как ото сна проснемся в другой жизни. Тогда увидишь родителей, братьев, родственников. Тогда увидишь ангелов, святых и блаженную Матерь всех, Чистую Деву и Богородицу, к Которой все мы взываем каждое мгновение и Которой после Бога обязаны всем.

С кем первым мы тогда заговорим, кто первый нас поцелует и кого поцелуем мы? Все - чистое, все - достойное, все - святое.

Итак, кто, ожидая этого, не вытерпит здесь всякую печаль нынешней жизни?

Посему, моя добрая и возлюбленная сестра, рассмотри свою жизнь. Исследуй, каким образом ее провела. Вспомни бесчисленные благодеяния Спасителя нашего Иисуса Христа и сладчайшей Его Матери и имей терпение в находящих на тебя искушениях.

Бог всегда помогает, всегда предваряет, но желает терпения. Слышит сразу, когда мы взываем, но не так, как думаешь об этом ты.

Ты думаешь, что твой голос не дошел сразу до святых, до нашей Пресвятой, до Христа. Но прежде чем ты позвала, святые поспешили тебе на помощь, зная, что ты их призовешь и попросишь их предстательства перед Богом. Однако ты, не видя того, что стоит за видимым, и не зная, как Бог управляет миром, хочешь, чтобы твое прошение исполнилось сразу, молниеносно. Однако так не бывает. Господь ищет терпения. Хочет, чтобы ты показала свою веру. Когда человек только болтает, как попугай, это не молитва. Необходимо содействовать тому, о чем молишься, и затем научиться ждать. Вот совершилось то, чего ты вчера и позавчера желала. Однако ты потерпела ущерб, ибо не имела терпения, чтобы ждать; а с ним приобретаешь вместе и то и другое: временное и вечное.

Сейчас ты гневаешься, и унываешь, и печалишься, думая, что Небесный Отец медлит с ответом. А я тебе говорю, что и это совершится, как ты того желаешь, непременно совершится, но нужна сначала молитва от всей души, а затем нужно ждать. И когда ты перестанешь вспоминать о просимом и этого просить, тогда оно к тебе придет как дар за твое терпение и ожидание. Когда, молясь и прося, приближаешься к отчаянию, тогда близ тебя исполнение прошения. Христос хочет исцелить в тебе какую-то скрытую страсть и поэтому откладывает подавание просимого. Если получишь раньше, в то время как просишь, твоя страсть останется неизцеленной. Если ждешь, то получаешь и просимое, и исцеление от страсти. И тогда радуешься величайшей радостью и горячо благодаришь Бога, Который все мудро устраивает и все делает к нашей пользе.

Итак, не полезно унывать, огорчаться, произносить слова. Тебе нужно закрыть рот. Чтобы тебя никто не понимал. И чтобы выходил дым из глаз, а не из носа^[103]. Не пыхтеть, якобы чтобы остыть, а быть тихой и терпением и великодушием поправлять диавола.

Свидетель мне Господь, губящий всех глаголющих ложь, что я приобрел великую пользу от того, о чем тебе говорю. Испытания были такие, что от боли думаешь: вот выйдет твоя душа, как из огненной печи. И, однако, когда пройдет испытание, приходит такое утешение, как будто ты враю без тела. Тебя любит Христос, тебя любит наша Пресвятая, тебя хвалят

святые, тебе удивляются ангелы.

Видишь, сколько благ приносят искушения и скорби? Итак, если и ты хочешь увидеть, вкусить любовь Христову, терпи все, что к тебе приходит. Не то, что нравится тебе, а то, чем пожелает тебя испытать Господь. То, что мы делаем по своему произволению, - ничто, по сравнению с этим тысячекратно выше то, что посылает нам Господь вопреки нашему произволению. Кость за кость и кровь за кровь - так воюет с человеком враг-диавол по воле Божией. Так, что он течет, плавится, как воск от лица огня.

Однако, когда испытание минует, ты весь наполняешься радостью. Тебя окружает ослепительный свет и ты видишь таинства, которые не способен описать язык. И тогда уже жаждешь, когда же снова придут искушения, ибо уже познал, какая от них польза.

Этот путь - истинный, сестра моя, и пишущий тебе на основании опыта свидетельствует об истине.

Итак, мужайся и укрепляйся о Господе, терпя все, что к тебе приходит, ожидая вместе с большою тишины и благодати Божией.

Блюда свою душеньку строго, помышляя о том, что хромые и увечные в эти блага не входят. Поэтому Господь попускает нам искушения, чтобы мы очистились от прежних грехов. Это - мыло и валёк, который нас бьет и отбеливает. И те одежды, которые оказываются прочными, служат Жениху. А те, которые не выдерживают валька, рвутся и выбрасываются вон, как бесполезные.

Поэтому немного понудим себя здесь, ибо приближается час. Храни письма, которые я тебе посылаю, чтобы они были с тобой, когда тебя искушают скорби. Ибо мне кажется, что я тебя скоро оставлю. Ибо чем дальше, тем тяжелее болею. Как парализованный.

P.S. Нет времени написать тебе о чуде, которое явил мне Господь, чтобы исправить одно мое согрешение, которое я совершил по неведению, как ты знаешь. Итак, видишь великую благодать нашего Господа? Видишь, что Он действует и посредством чудес, когда находит это уместным Его божественный промысл?

Ибо человек часто по неведению заблуждается или другие его увлекают. Но когда у него прямая душа и доброе произволение, Господь не оставляет его, но многократно направляет, чтобы его вразумить. Это меня побуждает стать землей, пеплом, земляным червем.

Воистину велика милость Господня. Справедлив Псалмопевец, когда говорит: "Не по беззаконию нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам"^[104].

Итак, почему и ты не благодаришь Бога? Почему ропщешь? Если я напишу тебе об искушениях, от которых страдаю, ты не сможешь этого выдержать. И, однако, благодать Христова и нашей Пресвятой все это упраздняет. Имей терпение. Ибо Царица Богородица и Госпожа всех не оставляет нас. Она молится за нас.

41. "Весна приближается.

Зима скорбей мало-помалу исчезает" Получил, сестра моя, твое письмо, полное благоговения, и, с удовольствием его прочитав, почувствовал, что душа моя наполнилась радостью, видя и разумея, как расцветает избыток твоего сердца, свидетельствуя о рождении нового человека, духовного младенца.

Итак, мужайся, и да крепится в искушениях твое сердце, и носи на груди, как наилучшую оберегающую ладонку, терпение и великодушие. Паки и паки да укрепляется твоя сила в скорбях, поскольку еще немного - и мы уйдем отсюда.

Весна приближается. Зима скорбей мало-помалу исчезает. И мы скоро займем гнезда,

которые построили с помощью постоянных искушений и скорбей. И тогда не будет больше ни одного спорящего. Ни одного завидующего. Ни одного вредящего и мстящего. Все это осталось здесь.

И это окаянное и страстное тельце, не желающее исполнять заповеди Божии, которым мы здесь были обложены, здесь, в родившей его матери-земле, оставим, а сами, летя по вольному ветру, как парящие орлы, займем святые обители.

Если же и снова после воскресения получим эту перстную темницу, то уже не тяжеловесную и обремененную, сладострастную и неповоротливую, а всю измененную огнезарной светлостью нашего сладчайшего Иисуса, блистающую и испускающую лучи ярче солнца, озаряющую сам эфир.

Итак, малы здешние страдания по сравнению с будущим воздаянием. Посему, душа моя, имей терпение. И то, о чем ты мне пишешь, было со всеми нами, когда мы считали мирскую суету чем-то великим. Однако теперь, когда мы пришли в познание и поняли ложь, Бог не смотрит больше на прошлое, но на нынешнее. Все это изглаживается одной чистой исповедью, достаточно того, чтобы сейчас мы жили, по мере сил, по заповедям Господним.

Пишешь мне, чтобы я послал письмо нашим знакомым. Но поскольку нет материала, душевного усердия, как мне трудиться? Они должны спросить, чтобы узнать, и тогда я им скажу. Иначе мы будем наобум говорить на ветер. Один хочет писать, но не спрашивает о своей душе, о грехах, о своих ошибках, как их исправить, а только говорит: "Что нового?"! Другой пишет, какая погода. А другие совсем не спрашивают. Итак, даже Господь не заповедует отвечать, когда тебя не спрашивают, а говорит: "Просящему у тебе дай"^[105]. Не говорит: "Не просящему".

Есть тысячи душ, которые просят, чтобы мы дали, и Бог от нас этого требует. А не просящим полезнее молитва, когда мы за них молимся, чтобы они пришли в чувство; и тогда и они попросят, и тогда и мы с радостью и любовью легко отдадим им от подаваемого нам Богом.

А вино, которое ты прислала, священник не взял, испугавшись, как бы в нем не было воды, и его выпил я за ваше здоровье. И, помянув дни древние, размышлял ночью с сердцем моим, и сказал:

"Суета сует и всяческая суета!" Все было сном и исчезло. Это были пузыри, которые лопнули. Паутина, которая порвалась.

"Всяческая суета человеческие дела, которых не будет после смерти".

Ах! Мы находимся во изгнании и не желаем этого понять. Не хотим увидеть, с какой высоты упали. А по нерадению бываем глухими и закрываем глаза, по своей воле делаясь слепыми, чтобы не видеть истины. Увы нам, что здешнюю тьму считаем светом, а тамошнего света, как тьмы, избегаем ради малого наслаждения века сего, ради малой скорби, которую терпит тело ради тамошнего упокоения.

Увы нашему окаянству! Ибо Бог вопиет к нам, чтобы мы стали Его чадами, а мы становимся сынами тьмы. Меняем на каплю меда целые века. Ради малой сласти и от наслаждения, и от славы Царствия Божия отказываемся и отпадаем.

Итак, блажен тот, кто увидел эту прелесть и воздержался от наслаждения, каплей меда, взирая на тамошнее наслаждение.

Ты же, сестра моя добрая и возлюбленная, с детства избравшая Бога, поспеши украсить брачную одежду. И день и ночь проси Господа, чтобы Он простил тебе все прошедшее. Чтобы Он дал тебе силу свыше хранить Его божественные заповеди. И когда Он примет тебя в покаянии, то причислит твою душу к праведным. И там уже мы будем наслаждаться один другим ненасытно во вся веки.

искусство искусств и наука наук" Сегодня, сестра моя, жизнь не такова, как в древние времена, к которым ты обращаешься своим умом. Сегодняшнее состояние многих ограничилось внешней формой. За пределами ее нет заботы и попечения о внутренней части души, в которой заключается все, где соединяется вещественный с невещественным, человек с Богом, соразмерно с вместительностью нашего перстного естества.

Это весьма прекрасно и очень хорошо. Но все мы этого избегаем. Все обращаемся вспять. Поскольку требуется подвиг. Но и ум человеческий сильно ужасается, лишь только услышит об этом.

Этому подвигу должен содействовать Бог. Ибо без Него ничего нельзя достигнуть. Должно подвизаться произволение человека. Но нужно, чтобы тело источило кровь. Поскольку должна сойти кожа внутреннего человека. Растает, как воск, ветхий человек. И как от железа, когда его помещают в огонь, отстает и отпадает покрывающая его ржавчина, так бывает и с человеком.

Постепенно приходит благодать, и, как только она приблизится к человеку, он тает, как воск. И в этот миг человек не знает самого себя, хотя ум - весь многоокий и светлейший. Однако в этом вышеестественном действии он не может отделить себя самого, ибо весь соединяется с Богом.

И тогда отпадает ржавчина. Снимается печать. Умирает ветхий человек. Отнимается материнская кровь. Обновляется смешение. И человек не изменяется телесно, но изменяются естественные преимущества и дарования человека - их просвещает, укрепляет и обновляет благодать. И оживотворяется ветхий Адам, созданный по образу Божию.

Ибо сейчас, будучи в силу наследственности лукавыми, блудными и развращенными, мы устроены по образу лукавого. Такими он нас соделал - из крови и слизи.

Но, однако, прежде чем это произойдет, нужно многое. Нужен строжайший пост, чтобы ушла материнская кровь, чтобы очистилась слизь - эта нечистота. Чтобы стерлись представления, которые человек получил с детства. Нужно присоединить к нему и постоянное бдение. Не один раз или два, но все время, чтобы утончился ум, толстый и неповоротливый. И в-третьих, непрестанная молитва. Умом, разумом и сердцем.

И как умирает человек, если прервется дыхание, так умирает и душа без непрестанной и всегдашней молитвы. Поскольку засыпает живая плоть, зачинаемая от непрестанной молитвы, и обновляются страсти. Ибо враг не спит, а постоянно воюет. И как задыхается и умирает младенец, зачинаемый в утробе матери, если она прекратит дышать, подобным образом и в зачатии духовном, если прекратится умное делание.

Итак, об этом достаточно. Но, однако, подвиг на этом не заканчивается. Подвигов для нас есть много. Тебе предстоит воевать с многочисленными духами, из которых величайший - блудный, поднимающий парус до небес и нисходящий до бездн. Когда ты постишься, совершаешь бдения, взываешь, плачешь, болеешь, он при содействии сатаны не успокаивается ни на одно мгновение, но постоянно находится в возбуждении: огонь, от огня происходящий, семя Исава, сын Вавилона. Ты взываешь, ищешь Христа. Бьешься, плачешь, болеешь. А он кричит: "Хочу женщину!" И не один день или год, но восемь и десять. И только когда Бог увидит терпение, - когда человек доходит до отчаяния, - тогда Господь забирает зло, и страсть удаляется. Так происходит со всеми страстями, но они не удаляются совершенно, как эта. И не имеют такой силы, поскольку они привнесенные. Тогда как страсть супружества естественная. И человек воюет, чтобы изменить естество. И не может изменить

сам свое естество, но его изменяет Бог. Поскольку Он, как полагающий предел, изменяет пределы и прелагает естество так, как хочет.

Но если я захочу написать по порядку об искушениях и страстях, должен буду написать книгу.

Поскольку, помимо всех тех, которые воюют и против которых человек воюет всю жизнь, есть и те, которые попускает Бог для испытания. Которые требуют большого труда и с которыми нелегко сражаться, так как они возникают помимо нашего произволения.

Знаешь, как бывает тяжело, когда ты не искушаешь, а тебя искушают? Ты не крадешь, а у тебя крадут? Ты благословляешь, а тебя проклинают? Ты милуешь, а тебя обижают? Ты хвалишь, а тебя осуждают? Приходят без причины, чтобы тебя обличить, постоянно говорят, что ты в прелести - до конца твоей жизни. А ты знаешь, что всё не так, как они говорят. И видишь искусителя, который ими движет. И каешься и плачешь, как виноватый в том, что ты такой.

Это самое тяжелое. Поскольку воюют с тобой и они, и ты воюешь сам с собой, чтобы убедить себя, что всё так, как говорят люди, хотя это не так. Видишь, что ты абсолютно прав, и убеждаешь себя, что ты не прав.

Это, сестра моя, искусство из искусств и наука из наук.

Бить себя палкой, пока не заставишь себя называть свет тьмой и тьму светом. Чтобы не было никаких прав. И чтобы окончательно исчезло превозношение. Стать безумным в полном разуме.

Видеть всех, когда тебя никто совсем не видит. Ибо тот, кто станет духовным, всех обличает, не обличаемый никем^[106]. Все видит. Имеет глаза свыше, а его не видит никто.

У добродетели нет колокольчика, который бы звонил и вызывал у тебя желание оглянуться, чтобы ее увидеть. Это невещественный дар Божий. Почему ее называли благодатью? Потому что ее нельзя увидеть, ограничить, представить, придать ей окраску. Божий дар. Невыразимое, и непостижимое, и пребогатое чудо.

Поэтому Господь, истинный Бог, идя по дороге, казался таким же, как остальные люди. О нем говорили: "Он ест и пьет"^[107]. Он был прозван обманщиком и бесноватым.

И если сегодня кто-то заговорит о благодати, об очищении внутреннего человека - его считают обманщиком. Сразу услышишь: "Он в прелести!". И совершенно исчезло из ума человеческого понятие о том, что нужно заботиться о внутреннем чаши, как нам говорит Господь^[108].

Итак, это вкратце, капля в море, и написано тебе, сестра моя, не по какой иной причине, а потому, что ты пишешь, что видишь ошибки монахов и у тебя нет к ним благоговения. Однако я не хочу, чтобы ты так писала. Ибо ты - член тела, подобный им, и не можешь быть совершенно избавлена от упрека.

Должна и ты пройти через огонь и воду, чтобы таким образом явилось твое достоинство: какой чести ты удостоилась от Господа, а не от людей.

Люди не умеют правильно оценивать. Нужно, чтобы нас почтил Сам Подвигположник, Который предлагает награды, устанавливает правила борьбы, дарует силу, укрощает противников, венчает подвижников, награждает славой.

И это нелегко узнать со слов, если не войдешь в печь испытания, и понять, если этого не попробуешь.

Итак, смири свою мысль и не думай, что это легко испытать и познать.

я поистине видел брата, который пришел в исступление, сидя ночью в полнолуние"

Благоволением Божиим вот и снова, золотая моя сестра, беседую с тобой посредством чернил и бумаги. На Святой Горе я нахожусь более пятнадцати дней. И прежде чем уехать из Салоник, я написал тебе письмо. Также я послал тебе святые иконы. И одну полную корзиночку. Только забыл, что я туда положил. Думаю, что чай и фундук - благословение для детей. Возьмешь это у Вероники в монастыре Мелетии. Сейчас тебе это уже, наверное, передали.

Итак, поскольку ты долго не писала, то когда я выезжал, не написал тебе, чтобы вы приехали в Салоники, думая, что вы можете задержаться, тогда как я спешил обратно. Поэтому я нарушил обещание. В другой раз, если захочет Бог, вы увидите меня, а я увижу вас. Как устроит Господь.

Сейчас прошу тебя об одном: прояви терпение в искушениях. О деньгах за святые иконы не волнуйся. Когда они у тебя будут, тогда и пришлешь их вместе с деньгами за другую икону, трех святителей. Сейчас ее пишут, скоро закончат. И пожалуйста, не проси больше денег у той женщины, если она бедная: может быть, у нее нет. А я здесь позабочусь и устрою, как хочет Господь. Хотелось бы только, чтобы она прислала для поминовения имени своих умерших родителей.

И если нужны иконы другой женщине, пусть пришлет восточку и деньги, и я закажу. Поскольку мне это не составляет труда и я доставляю облегчение отшельникам. И они, в свою очередь, доставляют облегчение мне. Здесь не выгода, а исполнение любви, по слову Господа: "Да любите друг друга"[\[109\]](#).

Поскольку монах должен днем и ночью приносить себя в жертву славе и любви Божией.

Мы здесь, сестра моя, ночью совсем не спим. Каждую ночь совершаем бдение. Всю ночь молимся обо всем мире. Немного отдыхаем только утром и в полдень, после того как поедим. Это наш устав. Полдня трудимся, остальное время безмолвствуем, и довольны этим. Подвижническая жизнь! Пустыня! Ангельская жизнь, полная благодати! Если бы ты находилась там, откуда нас можно увидеть! Ах, если бы ты могла нас видеть!

Здесь, сестра моя, земной рай. И если человек с самого начала будет проводить жизнь суровую, высокую, то станет святым. В противном случае, если он идет по дороге немного пошире, то впоследствии скатывается по наклонной плоскости. Становится иногда хуже мирян.

Ибо диавол сильно воюет против монахов. Так как хочет отомстить Христу. Говорит: "Смотри, Назарянин, вот Твои воины! Ты им обещаешь вечное Царство, а они от Тебя отрекаются. Ради малого наслаждения гортани они следуют за мной!" Так похваляется бес.

Поэтому тому, кто хочет стать монахом, нужно иметь большое самоотречение. И сказать себе, что ничем другим не будет жить в этой жизни. Но распнет самого себя, терпя всякое находящее искушение: голод, жажду, наготу, обиды, поношения, скорби всякого рода. А если не будет иметь этого в виду, но придет, чтобы отдохнуть, лучше пусть не приходит, а живет в миру, как хороший христианин, мужчина это или женщина.

У монаха бывает время, когда с ним пребывает и помогает ему благодать, и человек находится в раю, и проводит жизнь, как ангел во плоти. Но когда благодать уходит, чтобы он был испытан, тогда он каждый миг вкушает ядовитые воды ада. Тьма и болезнь души. Но и снова - свет и утешение, и снова - невыразимая боль.

А женатый идет умеренным путем, не ведущим очень круто ни вверх, ни вниз. Итак, Бог да поможет каждому с тем бременем, которое тот способен понести.

Ибо в монашеской жизни - великая тяжесть и большой подвиг. И приходящему требуется великое трезвение и постоянное понуждение естества. И нужно до самой смерти не впадать в

самонадеянность, не терять внимания. Иначе он сразу падет и погибнет. Поскольку кровожадные и лживые бесы бдительно стоят и ожидают подходящего времени. Итак, да просветит и сохранит нас Бог.

Все мы, монашествующие, оставляем мир и все мирское ради одной цели - удостоиться нетленных и вечных благ. И кто забывает эту свою цель, показывает этим, что не понимает, зачем избрал этот суровый путь монашеского жития.

Наш подвиг заключается в том, чтобы презирать не только приятное, но и все печальное в нынешней жизни, каждый день перенося наше жительство на небеса.

Возлюбим всей душой и сердцем Господа нашего Иисуса Христа и Его сладчайшую Матерь за то, что Они возлюбили нас. И, пройдя через бурю этой жизни, будем неразлучны с Ними там, всегда созерцая неизреченную славу и ту несказанную красоту, которая уготована любящим и терпящим.

Ибо я поистине видел брата, и не лгу, который пришел в исступление, сидя ночью в полнолуние в глубочайшей пустыне. Полнейшая тишина - ни одного человека или каливы там не было. И когда он совершал бдение и молился, ему явился звонкий голос птицы, и увлек весь его ум, и захватил все его чувства. И он последовал за ним, чтобы увидеть, откуда исходит такой сладкий голос. И, озираясь, как находящийся вне себя, по сторонам, - но не ногами и глазами, а в исступлении смотря и идя - и, продвигаясь вперед, увидел пресветлый свет, полный благоухания и благодати. И, оставив щебетание птицы, вознесся, или, скорее, был пленен созерцанием ослепительного света. И, шагая, как какой-нибудь юродивый, вышел на дорогу, белую, как снег. Стены с той и другой стороны были бриллиантовые. Обо всем, что там было, не рассказать словами. А посмотрев внутрь, увидел прекраснейший рай, украшенный всяческими цветами. Все они были златолистные, так что язык человека не в состоянии их описать, но он, как сумасшедший, смотрит на них и, всецело плененный, изумляется. И, продвигаясь дальше, увидел в середине огромный, белоснежный, длиной во все небо дворец. И в дверях стояла Госпожа наша Богородица, Царица ангелов, единое наше отдохновение, неизреченное благоухание и утешение всякой души христианской, несущая белоснежного, как снег, Младенца в Своих объятиях, сияющего паче тысячи солнц. И когда тот брат приблизился, то припал, как сын к своей матери, весь горя божественной любовью. И Она его обняла, как родное чадо, и поцеловала. О речение любви Божией! О любовь Матери к сыну! Она поцеловала его, как Свое чадо. Наполнила его несказанным благоуханием. И тот правдивый человек сказал мне, что все годы своей жизни, вспоминая это созерцание, ощущает благоухание и сладость в своей душе. Его лицо погладил Своей пухленькой ручкой Тот неопикуемый и сладчайший Младенец. Была ему возведена Матерью и тайна, о которой он горячо молился в течение многих дней. А Сын еще сказал ему, что ради наслаждения такой радостью он должен подвизаться, страдая всю свою жизнь.

И затем, удалившись, он вышел туда, откуда пришел, не желая того. И, удаляясь, снова услышал птичий голос, пленивший его вначале. И, глядя наверх, увидел большую тысячецветную птицу, которая своими крыльями покрывала весь оный рай; и вокруг - престолы; и маленькие, похожие друг на друга птички пели ту неизреченную мелодию, а находившиеся там веселились. И видевший снова пришел в себя и оказался там, где был перед тем, как это увидел.

Итак, слыша подобное, будем терпеть всякое огорчение и скорбь ради стольких благ, которые для нас уготованы. Ибо то, что здесь кажется прекрасным, в сравнении с оным - тьма и ад.

внимательна, моя добрая доченька, потому что ты уже выросла и начинают изменяться помыслы"

Дорогая моя доченька, добрая моя голубица, благое мое дитя! Желаю тебе, чадце мое, быть здоровой душой и телом. На днях мне пришел помысл, и я сказал в своем уме: "Что так долго не пишет мне мое чадо? Почему ленится? Может быть, говорю, моя дочь была занята учебой?"

Наконец получил твое письмо и, радуясь о твоём здоровье, печалюсь о твоих грехах, которые ты постоянно совершаешь, поскольку ты, такая маленькая девочка, ссоришься со всеми.

А когда ты станешь невестой Владыки Христа, когда наденешь святое монашеское облачение, исправишь ли ты тогда неприличное поведение или будешь ссориться снова?

Ладно, сейчас пусть все будет прощено. Только будь внимательна впредь, иначе я наложу на тебя строгую епитимью! Поскольку ты, как невеста Небесного Царя, не должна делать ничего неприличного, а со всеми вести себя как младшая, быть самой скромной, самой смиренной. Со многими слезами на глазах плакать, просить о том, чтобы удостоиться радости мудрых дев со всеми ангелами и святыми.

И будь внимательна, добрая моя доченька, потому что ты уже выросла и начинают изменяться помыслы. Начали летать возле тебя стрелы лукавого. Ты же береги свою душу, усердно береги свою честь. Христос и наша Пресвятая хотят, чтобы мы всегда были внимательны и имели страх Божий.

Не думай, что найдешь радость там, где твоя душа печалится, а Божия благодать не находит для себя места. Радость - это дар нашей душе от Бога, и, если ты ее там приведешь в смущение, она не вернется, если ты с сильной болью не поскорбишь и не покаешься в том, в чем согрешила. Однако есть ли причина опрометчиво прогонять голубицу благодати и затем с печалью, со многими воздыханиями искать ее, чтобы она снова пришла обратно?

Многие прогнали радость, неразумно смутили ее, и она более не возвратилась.

Поэтому будь внимательна, добрая моя девочка. Без твоей матери не делай ни шагу. Не заводи много подружек. Не люби украшений. Не проси духов. Все это - мирские занятия: насколько излишние, настолько же греховные.

Пусть божественный страх будет твоим всегдашним украшением, а скромной одеждой - смирение. Державным покровом - Всецарица. Хранителем-наставником - ангел твоей души. Запахом духов - девственное благоухание твоей души и тела.

Да, дитя мое, так поступай, и будешь жить ныне и вовек.

Ибо смерть души идет рядом с тобой, опережает твой шаг, порхает в твоём сердце, летает перед глазами, борется с твоими помыслами. Будь внимательна к своей жизни, усердно береги свою душу!

Да, золотая моя дочь, ведь мир испортился и искуситель, видя божественную любовь и вашу божественную ревность, полагает "камень преткновения и камень соблазна"^[110] на жизненном пути. Поэтому слушай мои слова и храни их, чтобы они сохраняли тебя от преткновений.

Читай божественные книги, чтобы ими просвещался ум, чтобы направлялась на духовный путь твоя душа. И это божественное чтение станет для тебя небесным приданым и вечным богатством.

Еще больше будь внимательна, чтобы не ослушаться твоего отца и матери. Берегись

случайных встреч с мирянами. Уже прошел малый и невинный возраст.

Не приучайся много говорить; лучше - немного, а молчание - богатство души. Если приучишься много говорить, и молитву Иисусову вскоре потеряешь, и душу свою сильно утомишь, и многим другим, несомненно, навредишь. Ибо во многословии не избежиши греха^[111].

И еще позаботься, дочь моя, быть всегда разумной, смиренной, послушной, молчаливой, терпеливой, воздержанной, старательной, непрестанно день и ночь молящейся. Пусть уста твои не оставляют умную молитву. И увидишь, как будет просвещаться ум, как сердце будет источать радость и мир!

Все делай с благоразумием, после доброго совета. Люби исповедь и часто причащайся. Не смотри на мир, чтобы на тебя смотрел Бог.

И если всегда будешь хранить девство тела и души, Пресвятая Дева будет тебя хранить от всякого зла, от всяких врагов, видимых и невидимых.

И я молюсь, дочь моя смиренная, чтобы на тебе вскоре исполнилась воля Господня: "Даст ти Господь Бог по сердцу твоему"^[112].

45. "Радуйся о Господе,

возлюбленный и желаннейший мой сын!" Радуйся о Господе, возлюбленный и желаннейший мой сын! Весьма добрый, но немного гневливый, очень разумный, однако немного упрямый, очень хороший и немного завистливый. Молюсь о том, чадо мое, чтобы увидеть тебя вскоре, как желает того моя душа.

Получил твое письмо и прошу, дитячко мое, писать немного разборчивее, потому что из-за зачеркиваний не мог его прочитать. Ибо я, доброе мое дитя, как видишь, малограмотный. И только по слогам с усилием это прочитал. И, опять же, только отчасти, не всё. Поэтому забываю начало, когда дойду до конца.

И почему, дитя мое, ты все время жалуешься, что я тебе не пишу? Ведь я, несчастный, даже тем, кто мне пишет, не успеваю писать, насколько же более - тому, кто не пишет? Разве не знаешь, дитя мое, что твое письмо побуждает меня тебе писать?

Разве не знаешь, что и у меня, как у монаха, много духовных обязанностей, которые не позволяют мне присесть ни на миг? Ибо я обязан молиться о вас. И письмо, которое мог бы написать, восполняю молитвой.

Поскольку для беседы ты можешь многих найти и услышать там, тогда как молитва в миру, можно сказать, - труднейшее дело. Но здесь, в безмолвии, для нас это легче. Поэтому не жалуйся. Ибо все, что я ни делаю, делаю со знанием и страхом Божиим.

Когда опять захочешь получить от меня письмо, не ленись, а пиши, и тогда я снова окажу тебе послушание. Ибо Господь говорит: "Прозящему у тебе дай", а не не прозящему.

Молюсь, чадо мое, с болью души, со множеством слез, чтобы Господь хранил тебя от всякого зла. Чтобы ты с поспешностью, быстро убежал от сетей диавола, перепрыгивая через них, как олень, и, наступая на аспида и василиска, радовался непрестанно радостью сладчайшего Иисуса и Пречистой Его Матери.

А если, с Богом Святым, ты приедешь к нам как-нибудь после Пасхи, тогда прекрасно побеседуем о духовном. Скажем тогда о многом. И ты увидишь здесь, в пустыне, наши весьма маленькие и красивые келейки. Воистину возрадуешься. Взыграешь, как олень, будешь плясать, как ягненок.

Увидишь, каким образом просыпается душа. Как вскармливается молоком, будто малое

дитя, развивается со временем, благодаря ведению, и возрастает, если ее старательно оберегают. А также, как она портится, заболевает, окончательно умирает и совершенно погибает...

Итак, мечтай о благих надеждах и ожидай, когда придет весна и впереди у тебя будет лето. Возведи свой ум к тому, о чем я тебе пишу, и время пролетит быстро. Понуждай себя к своим духовным обязанностям, чтобы враг не нашел возможности тебя уловить.

Это вкратце, сын мой, с моей великой к тебе любовью.

46. "...

Этот мир, дитя мое, суетнейший"

Радуюсь, дитя мое, что ты здоров. Узнал и о твоём согрешении. Поскольку ты чуть не впал в хулу, теперь вдобавок делай каждый день свои поклоны вдвойне в течение сорока дней. Но начнешь после Пятидесятницы. И будь внимателен впредь, дитя мое, чтобы у тебя не появилась эта бесовская привычка.

Ах, дитя мое, будь внимателен! Ибо мир сегодня очень плох. И диавол сеет лукавые помыслы, чтобы ослабело душевное усердие. Поэтому, насколько возможно, старайся быть воздержанным. Ибо от многоядения рождаются лукавство и мечтания. Всегда в час искушения прибегай ко Христу и к нашей Пресвятой. Призывай на помощь святых и будь внимателен. Ибо, если диавол тебя прельстит и ты совершишь какой-нибудь грех, то после не сможешь стать священником и, как это ни прискорбно, будешь каяться до конца своих дней. Поэтому будь внимателен, будь внимателен, насколько возможно.

Убегай, как от огня, от худых помыслов. Совершенно им не внимай. Для того, чтобы они не пустили в тебе корни. И, опять же, не отчаивайся. Ибо Бог велик и прощает согрешающих. Только кайся, когда согрешаешь, и старайся не делать ничего подобного вновь.

Также будь осторожен со своими одноклассниками. Не говори много, не слушай того, что не подобает. Ибо этим оскверняется слух. Позаботься о том, чтобы быть послушным, разумным, смиренным, добродетельным, другом молитвы и чтения. Молись со слезами, читай с молитвой. Уста твои пусть все время, не останавливаясь, произносят: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя".

И готовься, когда захочет Святой Бог, стать хорошим монахом, благоугодным Богу и людям. Ибо этот мир, дитя мое, - суетнейший, полнота всякой злобы, место Адамова, а следовательно, и нашего изгнания. И блажен тот, кто удостоился хорошо распорядиться этим изгнанием и достигнуть пристанища спасения, ибо ему предстоит вечно радоваться со святыми и соцарствовать со Христом во веки вся.

47. "Мы

же, избравшие здесь небесное любомудрие..." Чадо мое, чадо сладчайшего Иисуса, чадо Пресвятой и святых, что мне сказать тебе? Где я смогу взять слова, чтобы согреть твою душу? Откуда почерпну воду, чтобы напоить тебя? И где найду хлеб, чтобы тебя насытить?

Увы мне, увy мне, окаянный аз, что удостоился родить в Духе Святом такого сына, такого доброго отрока, такого единомысленного и единоревностного!

Но когда я удостоюсь увидеть тебя рядом с собой? Когда насладюсь добрым общением с тобой? Когда увижу тебя в нашей церкви плачущим и припадшим пред иконой нашего

сладчайшего Иисуса?

Буду ли я достоин увидеть это? Надеяться ли мне? Ждать ли мне до тех пор, пока я тебя не увижу, и тогда уже скажу, по божественному Симеону: "Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко"^[113]?

Увы мне, окаянному! Слезы застилают мне глаза. Рука моя замирает. Перо высохло. Сердце мое бьется от волнения, когда я слышу, кем ты будешь: мудрец среди мудрецов, учитель среди учителей, ритор среди риторов, богослов среди богословов, проповедник среди проповедников, монах среди монахов, священник среди священников и Божий сын среди сынов Божиих.

Поэтому, возлюбленный мой птенчик, прилети ко мне. Вот я открываю тебе отцовские объятия, полные любви. Беги, как олень, и я напою тебя водой живой. Приди, сын, на нашу трапезу, и я напитаю тебя хлебом жизни.

Шагай быстро. Не теряй времени. Поскольку смерть нас преследует, как злой путник, а мир - лжец, и жизнь полна сетей сатаны, приносящего нам двойную смерть. Наслаждение же мира проходит, как тень. Всё - сновидения, всё лопается, как пузыри. Всё - суета!

Мы же, избравшие здесь небесное любомудрие, исследуя глубины божественных тайн, делая ум светлейшим, насколько возможно, стараемся постичь то, что неосвязаемо для рук, но постижимо для ума, имея споспешником Бога и святых огненосных ангелов, говорящих с нами и указывающих стези небесные посредством благой совести. И в конце концов, когда отойдет наша душа, оставляя земле, как матери всех, это низменное тельце, тогда мы отправимся как будто в истинное отечество и, как с братьями, будем беседовать с ангелами, обмениваясь божественным лобзанием, всегда изумляясь и удивляясь небесным хорам, пока не достигнем нашего Владыки и Спасителя и впредь пребудем неразлучными.

Итак, приди с поспешностью, дабы не отпасть от этого. Восстань и препояшь чресла свои, как муж.

Приди, я тебя жду. Ибо, может быть, через несколько лет я отойду и тогда ничем не смогу тебе помочь.

48. "Услышь мой глас,

добрый мой сын!" Услышь мой глас, добрый мой сын. Нет ничего прекраснее и слаще, чем любить Господа Иисуса. Нет ничего выше, чем любомудрствовать о небесном и еще здесь, как в зеркале, созерцать вечные блага.

Воистину, девство - это самая высокая вещь. Оно делает человека ангелом на земле. Велика его слава на небесах и велико его дерзновение. Девственники в Царствии Небесном будут следовать за закланным Агнцем Иисусом, будут видеть боголепную Его красоту и наслаждаться великолепием сладчайшей Его любви.

Блажен, кто просветился и избрал, как невесту, прекрасное девство: оно своей красотой принесет ему счастье. Блажен, кто избежал суетных забот брачной жизни и последовал за Христом, с юности взяв на себя Его иго. Он потерпит скорби, но они еще более украсят неувядаемый венец святейшего девства.

Приди, чадо мое, чтобы заняться божественным любомудрием. В тебе созиждется новый мир: новый дух, иное небо, которые тебе неизвестны. Поскольку те, с которыми ты говорил до сих пор, не имеют об этом понятия.

Монах не тот, с кем ты встречаешься и слышишь бесплодные слова.

Истинный монах - это произведение Святого Духа. И когда в послушании и безмолвии

он очистит свои чувства, когда утишится его ум и сделается чистым сердце, тогда он получает благодать и просвещение ведения. Весь становится светом, весь - умом, весь - сиянием. И источает богословие, так что если трое будут записывать, то не будут успевать за потоком, изливающимся волнообразно, источающим мир и предельную неподвижность страстей во всем теле. Пламенеет сердце от божественной любви, и он взывает: "Удержи, Иисусе мой, волны Твоей благодати, ибо я таю, как воск". И он действительно тает, не вынося. И ум восхищает созерцание. И происходит срастворение. И пресуществляется человек, и делается единым с Богом, так что не отличает или не отделяет самого себя, как железо в огне, когда оно раскалится и уподобится огню.

Итак, все это ты вкусишь, когда прилепишься к опытному духовному старцу и будешь заниматься умной молитвой. Есть у тебя и я. Я буду писать тебе часто и открою тебе тайны, от которых ты не вкусишь ни капли, если будешь жить в миру. Оставь напыщенные слова и подвиги. Божественная благодать хочет, чтобы ты соединил с Богом внутреннего человека, и тогда станешь полезным и для других.

Прочитай, если хочешь, "Церковную историю" Мелетия Афинского, и увидишь, сколько учителей - Ориген и тысячи других - были вначале великими светильниками Церкви, наученными всему, но поскольку окунулись в море знания прежде, чем получили в безмолвии чистоту чувств и мир и тишину Духа, потонули в океане Священного Писания; и сочли достаточным обучение наукам; и тысячи их погибли и были преданы анафеме соборами, поборниками которых были прежде. Прочти, и увидишь.

Я знаю, что ты вспомнишь меня, если будешь жив, если сейчас меня не слушаешь. Но будет поздно. Ибо меня уже не будет в этой жизни. А никто не любит тебя больше, чем я, и не дерзает сказать тебе истину прямо, если ее видит.

Поскольку от тех, которых знал до сих пор, ты слышал только лесть, политику, насмешки и уроки восьмого века. Все - фальшиво и обиденно. Тогда как ты, подобно нежному росточку, нуждаешься в духовной мудрости и чистой истине. Твоей душе необходим ясный свет, а твоему сердцу - глубокие надрезы, чтобы вытек яд сладострастия и ненависти.

Однако не рассказывай многим того, о чем я тебе пишу, ибо людей века сего это не занимает. Поэтому, если кто-нибудь им скажет об умном делании и молитве, они думают, что им говорят о какой-то ереси. Таковы, к сожалению, люди нашего лукавого времени.

А истинный монах должен быть занят день и ночь созерцанием Бога: ест ли он, спит ли, трудится или идет. Ибо Бог к нам ближе всех, так что мы можем постоянно беседовать с Ним. Потому что во взгляде твоём - Бог. В уме твоём - Бог. В слове, дыхании, еде, куда ни посмотришь - везде Бог. О Нем живем и движемся. Он нас носит на Своей груди.

Итак, взывай непрестанно: "Боже мой, угодно ли Тебе это? Боже мой, есть ли воля Твоя на то?" И непрестанно, днем и ночью, говори с Богом со всей простотой, как сын со своим отцом. Тогда ощутишь любовь Отца и божественное попечение. И будешь любить, ибо Он любит тебя. И будешь бояться согрешать против Его божественной воли. И будешь трепетать, как бы не огорчить твоего Благаго Отца, Который столь сильно тебя возлюбил и без всякой выгоды для Себя, только ради тебя, умер на кресте.

Ты не исправишь Церковь, мир. А ты исправишься, усовершенствуешься, просветишься, чтобы просветить желающих. Мир исправит только война, которая скоро приблизится или уже приближается галопом. Беда многих приведет в чувство, а нераскаянные - безответны.

Вспомни, сын мой, что ты создан брением, но ты и дыхание Божие. Не пренебрегай своим достоинством и не пригвождай себя к веществу. Ты - дыхание Божие, поспеши стать достойным дара Божия.

Радуйся и веселись о Господе. И я радуюсь здесь, с Богом нашим, безмолвствуя. Ликую и веселюсь в желанном для меня безмолвии, воспевая мой здравый и философский тропарик:

Обрел я пристань безмолвия. Буди здрава, душа моя, также и тело. И плыви, мой корабль, в тишине сладчайшей, И вовсе не спрашивай, что делает ближний.

"Могий вместити, да вместит"

[\[114\]](#).

49. "Так

прошла моя жизнь - в страданиях и болезнях"

Дитя мое, молюсь о твоём выздоровлении. Только сейчас и мне стало немного лучше. Так прошла моя жизнь - в страданиях и болезнях. И теперь я снова ради вас приблизился к смерти. Сказал: "Пусть я умру, только пусть живут мои духовные чада". И совсем не ел.

Я и до этого был истощенным. А теперь снова - строгий пост. Вы прислали столько сладостей, а я их даже не вкусил. Сыра не попробовал. Только вареную зелень без хлеба. Прошло немного времени, и я слег. Сто двадцать уколов...

Три раза дежурили у меня ночью, думая, что я умру. Всех позвали ко мне. Я благословил их в последний раз. Они плакали надо мной днем и ночью. И наконец мне снова стало лучше.

Мне прислали одно особенное лекарство, и оно, с Богом, принесло мне исцеление. Сорок дней я не ел. Когда принял лекарство - поел, уснул, почувствовал себя лучше. Слава Тебе, Боже! Начал кое-как двигаться, писать.

Пока я жив, дитя мое, буду о тебе молиться. До тех пор, пока не напишешь, что ты выздоровел. А если все-таки умру, ты будешь помнить, что этот старчик заболел и умер, чтобы спасти нас.

Мужество! Ты не один. Людей много. Ко мне приходили многие и молитвой и постом исцелялись. Сейчас, однако, Господь меня не слушает, чтобы я узнал и лекарства, и врачей. Чтобы стал снисходительным к другим.

Прочитал письма святого Нектария^{[\[115\]](#)} и увидел, как уважительно он относился к врачам и лекарствам, такой великий святой! А я, убогий отшельник, состарился в пустыне и хотел только верой исцелить. Теперь познаю и я, что требуются и лекарства, и благодать. Итак, теперь и я буду говорить, как этот святой: "Постарайся выздороветь. Исправь свои нервы, как можешь, и снова обретишь свою молитву и мир".

Постарайся, насколько возможно, помочь самому себе. Подчиняй себе аппетит: не ешь того, о чем знаешь, что это вредно для твоего здоровья. Жареное, соленое, соусы, свинина, мясное, копченая рыба, вообще спиртные напитки - избегай всего этого, и это вменится тебе в пост пред Господом.

И не говори мысленно, дитя мое, почему одно, почему другое. Суды Божии - бездна. Да будет слава Господу, Который всех нас любит. Любовь Его в наших болезнях и скорбях познается. "Сила Моя, - говорит Он, - в немощех совершается"^{[\[116\]](#)}.

Эта любовь Христова сделала так, что и я печалюсь и страдаю вместе с тобой. Однако не бойся искушения. Это испытание. Бог оставляет на столько, на сколько считает нужным, и в конце концов Его благодать победит.

У меня сейчас двадцать пять драми хлеба в день, и немножко овощей или каши, и бдение всю ночь. Приходит сатана и рычит издалека, но не приближается. Идет к твоим

братьям и пугает их видениями. Пусть не боятся. Со мной восемь лет вначале всячески воевали бесы, и я не спал лежа. Только стоя или, немного, сидя.

Итак, не бойтесь. Только молитва, горячая вера и слезы. Только когда человек грешит, пусть боится дьявола. Тогда враг может сделать ему зло, ибо попускает Господь.

50. "Кто

знает, дитя мое, суды Божии?" Кто знает, дитя мое, суды Божии? Все Ему ведомо. Он все видит, и ничто от Него не может утаиться, но воли Его никто не знает. Дела сатаны - ничто рядом с силой Божией. И когда Господь нас испытывает, как Сам знает, тогда и мы будем показывать наше терпение и благодарность.

И сейчас, дитя мое, если Его божественная воля согласна с нашим желанием, несомненно, ты выздоровеешь. Однако, если Он предвидит что-то, чего мы не знаем, ибо Он, как Бог, иначе свыше видит и судит, тогда не выздоровеешь, но, опять же, награда наша не теряется: она сохраняется в Его Царствии.

Итак, имей терпение и подвизайся. В эти дни, накануне святой Екатерины, у меня была из-за тебя большая битва с сатаной. Явная брань. Я сказал: может быть, ты поправился? Он был в ярости. Рычал. Я всю ночь простоял ради тебя на молитве и весь день. Может быть, Бог будет милостив. Наконец он ушел. Больше не приходил. Итак, напиши мне, как у тебя дела, как живешь. Тебя искушает сатана? Имей терпение.

Молись так: "Боже мой, я прошу Тебя меня исцелить, чтобы я Тебя благословлял и Тебя славил. Но, если Ты знаешь, что для моего спасения полезно другое, воля Твоя да будет".

Всеблагий, мое доброе чадо, не делает ничего, что не приносило бы пользу нашей душе. И болезнь, и искушение - все, что Он нам попускает, - попускает для нашей пользы. Чего мы не знаем и часто ропщем, негодуем и делаем много зла. А Он, по великой Своей любви, стремится только к пользе нашей души. Ибо знает, что мы здесь привременны и все быстро кончается и проходит. И когда закончится это наше изгнание и откроются истинные очи души, тогда мы за все будем с признательностью благодарить.

Итак, мое доброе чадо, всегда проявляй терпение. Ибо я получил извещение, что за твою доброту Бог дал тебе это искушение и снова, когда захочет, его заберет.

Когда я видел твоих родителей, сказал им, чтобы они пошли к духовнику. Чтобы исповедали все, чего никогда не исповедовали. Чтобы все сказали откровенно. Чтобы вспомнили все забытые грехи, начиная с детского возраста. Ибо без искренней исповеди и ты не получишь пользы, и они не пойдут в рай. Пусть твой отец скажет там о клятве, которую дал, а мать - о тяжести, которая лежит у нее на совести с первых лет супружества. И все твои братья - тоже. Всем в доме - генеральная исповедь. Пусть очистятся, облегчат душу, станут чадами вечной жизни.

А ты, дитя мое, напиши мне, что с тобой происходит. И не бойся искушающего. Только непрестанно читай Иисусову молитву. Дитяtko мое, это искушитель-дьявол, и только молитва его полагает, а пост лишает его силы, его ослабляет.

Итак: всегда терпение и благодарение, усиленный пост и молитва, и Бог его упразднит.

Желаю тебе здоровья, радости, и твоим родителям и братишкам. Пусть будут внимательны, пусть понуждают себя, пусть заботятся о том, как спастись.

51. "... Блажен, кто день

и ночь помнит о смерти и готовится к встрече с ней" Сын мой возлюбленный, чадо мое, сын Иосифа!

Получил твое письмо, сын мой, и вспомнил прошедшие дни. И, преклонив колени, горько заплакал.

Сказал: "Как суетен этот мир и непостоянен! Почему время этой жизни не стоит на одном месте, но постоянно обращается и изменяет вещи!"

Увы, как суетны человеческие труды! Сегодня мы вместе - завтра разлучаемся. Сегодня радуемся, веселимся - завтра бранимся, огорчаемся. Сегодня живем и сладкогласно щебечем - завтра умираем, и нас ядят черви.

Ах, тщетный мир! Ах, лживый человек! Вчера у меня было много сыновей, и я хвалился своими сыновьями. Сегодня, с одним только находясь в смиренной пещере, болезную и стенаю над самим собой. А завтра, может быть, обо мне будут совершаться поминки.

Сколь тщетна воистину эта жизнь, сын мой! Сколь обманчива и коротка!

Вот и снова Новый год! Снова пожелания и надежды. Однако и наша смерть где-то притаилась и ждет. Какой-то день или ночь будут последними и в нашей жизни. Поэтому блажен, кто день и ночь помнит о смерти и готовится к встрече с ней. Ибо у нее есть обычай приходить с веселым видом к тем, которые ее ожидают, а тех, которые ее не ждут, настигать с видом злым и жестоким.

Посему поразмысли и ты, сын мой, о лжи и обмане этого льстивого мира и, с помощью божественной благодати, старайся никогда не согрешать.

Ибо этот лживый мир принуждает всех находиться рядом с ним, надеясь когда-нибудь поймать их в свои сети, чтобы владеть ими всегда. Ибо люди прельщают и прельщаются: будучи смертными, трудятся над своим смертным. Однако ты день и ночь прислушивайся к голосу Божию внутри себя: "Не любите мира и всей обманчивости мира, ибо он быстро проходит и все его радости кончаются; только творяй волю Божию, сей пребывает во век" [\[117\]](#).

Поминай каждый день, сын мой, что ты призван прожить эту жизнь как монах, а не как мирянин. Мирян и так много в миру.

Я радуюсь, если ты радуешься, печалюсь, если ты печалишься, мой добрый сын, страдаю, если ты страдаешь. Не печалься сверх меры ни о чем. Возложи все на Бога. А Он лучше нас знает, что полезно для души. Попечениями и заботами больше вредишь себе, чем себя исправляешь. Зло, бывшее в прошлом, исправляет только доброе покаяние и изменение жизни.

Итак, радуйся о Господе и позаботься прочее время своей жизни провести в покаянии.

52. "Увы мне, смиренному

и окаянному! Какой ответ дам я в час Суда?" Утроба души моей, сын мой, которого я родил Духом Святым!

Получил твое письмо, возлюбленный мой сын. И, увидев, что с тобой, горько заплакал. И, возвысив руки к сладчайшему нашему Христу, со всей своей силой взываю любящим сердцем.

"Отверзи, - говорю, - сладкое мое дыхание, Иисусе, Спасе мой, излей дождь божественного Твоего Духа и источи воду утешительной Твоей благодати на душу моего сына. И утешь и исцели его сердце, услаждая его сладостью божественного и неизреченного Твоего наслаждения, о котором не может сказать язык. Пошли, Иисусе мой Светодавче, зарю

просвещения божественного Твоего знания и озари душу сына моего светом божественного Твоего сияния, дабы он возрадовался и взыграл, как олень, и забыл скорби и все мирское. Ей, благоухание мое сладчайшее, ей, дыхание мое благоуханнейшее, ей, Христе мой возлюбленный, пожалей Свое создание и не попусти ему страдать сверх его сил".

Это я говорю Господу нашему о тебе, любезнейший мой сын. Говорю и молюсь истинно, а не просто так. Простираю руки с болью души и землю орошаю слезами. И: "Поддай, - говорю, - сладкое мое дыхание, Христе, жизнь моя, дай благодать Твою рабу Твоему и избавь его от врагов, которые его окружили, и все рассеяй, и в безоблачность и тишину чудесно преложи, как обычно творит Твоя всевидящая и божественная сила. Яко Ты помощь и сила, милость и благоутробие, и Тебе славу воссылаем ныне и в бесконечные веки".

Это говорит и делает, возлюбленный мой сын, смиренный твой отец после твоего первого письма, в котором ты написал нам о своих страданиях; и вот, когда душа моя терзалась о тебе, пришла корзинка яблок "во образ яблок Евфросина"^[118], и я сразу, исследуя написанное, поспешил узнать, что нового с твоей душой. Но, увидев, что твои страдания не кончились, обратился снова ум к молитве. И, вкушая от яблок, благословляя благословит тебя душа моя, и будешь благословенным от Отца, Сына и Святого Духа, Единой Святой и Единосущной и Нераздельной Троицы, единого источника всякого блага и всякого благословения.

Ты пишешь мне, что готовишься совершить божественное дело. Итак, если совершишь благополучно - благодарение Богу, если же встретишь препятствие по какой бы то ни было причине - не печалься. В другое время сделаешь это, если будет воля Господня.

Ибо многие дела некоторое время не удаются из-за препятствий, так как не настал их час: одни - потому что препятствуют люди, поскольку, как говорят святые, люди могут препятствовать воле Господней в течение многих лет, а другие - потому что совершенно нет воли Господней на то, чтобы они совершились. Есть бесконечное число примеров в житиях святых, однако и твое преподобие это читает и ты уже многое знаешь по собственному опыту.

Поэтому как бы ни вращался круг сферы многотрудного нашего жития, ты должен оставаться непоколебимым и, как Атлант, выдерживать тяжесть перипетий своей жизни, если, как говоришь, твое призвание - быть пастырем многих овец.

А я, как оказалось, напротив, должен стеречь скалы, как лишенный такого дарования и недостойный служения слова.

Увы мне, смиренному и окаянному, если я не буду помышлять об этом и признавать дарования моих братьев. Какой ответ дам я в час Суда? Ибо единожды и дважды, будучи украденным лестью и попытавшись, потерпел кораблекрушение. И до сих пор собираю обломки.

Увы мне, смиренному и состарившемуся! Как я догадываюсь, судя по очевидным признакам, я дважды по неведению воспротивился воле Божией. Каким словом обличу окаянную мою душу? И каким образом умолю моего Господа? Или какое сделаю дело, угодное моему Богу? Увы мне, смиренному! Ибо иссякли слезы в моих глазах. Темная ночь объяла меня, и я пребываю в нечувствии, хвалимый здешними отцами. Но да будет милостив сладкий Иисус по молитвам святых отцов.

Я уклонился от темы, мой дорогой батюшка, и, помянув дни древние^[119], воспарил умом. Прости мне, твоему отцу, однако, хотя я и таков, но родил тебя Божественным Духом.

никогда не бывает совершенно плохим" Я претерпел муки, мой добрый сын, чтобы явить тебя сыном грешного Иосифа^[120]. А впоследствии испытал непомерную боль из-за того, что ты меня оставил. И в конце концов снова сильно тебя возлюбил. И хожу туда-сюда, взывая: "Сын мой! Сын мой! Где ты? Куда ты идешь, мое чадо? Где оставил, дитя мое, малое бремя своего послушания и зачем восхотел нести тяжесть Сизифа?"

Говоря это, безмолвно печалюсь, предавая молчанию большее. И снова вспоминаю твое доброе служение, которого сейчас лишен, и забываю полынь, которой ты, уйдя, меня напоил.

Ты снова приехал, пришел, сын мой, и сказал, что напишешь. И я, действительно, ждал твоего словечка. Но мой возлюбленный сын снова меня обманул, сказал я. И лишь совсем недавно наш добрый диакон, придя, принес мне конверт. И, открыв его с великой радостью - желая посмотреть, что ты пишешь, - к прискорбию, вместо письма нашел внутри только кляп на сумму "пятьсот"^[121]. Ты как будто сказал мне: "Ешь и молчи!" Хорошо и это, дитя мое, и я на самом деле очень тебе благодарен. Но все же это не то, что твое маленькое письмецо!

Ах, дитя мое! Человек никогда не бывает совершенно плохим. В нем есть и хорошее, и плохое. Так что, вспоминая его хорошее, молишься, волнуешься за него, переживаешь, твоя душа болит, ты просишь о нем Бога. А в его плохом виноват не он, а наш враг диавол. Поэтому не печалься, дитя мое, и не вспоминай прошлого. Ибо то, что было, прошло. На мою голову свалились еще большие беды, так что твой поступок показался мне благоуханием.

С тех пор я болезную и молюсь о тебе еще больше. Итак, не печалься. Мы люди и чада преступления, имеющие в основе своей грех наших прародителей. Поэтому Господь окажет нам снисхождение и при покаянии все это простит.

Ты же не забывай наших ночных духовных бесед, которые мы вели, когда ты приходил в мою убогую келлийку, радостных постов, дней масленицы, безмолвия и молчания, непрестанной молитвы, умирительного благоухания лилий смиренной пустыни, нашего возлюбленного отца Арсения, который готовил для тебя сладости и весело тебя поддразнивал. Вспоминай об этом. А о том, что ты нас оставил, - забудь об этом, потому что из-за этого огорчаешься. Достаточно того, что ты терпишь сейчас.

Забыл тебе написать, что сейчас я построил отдельно, чуть подальше, маленькую келлийку. Но она еще не закончена. И я временно живу рядом, в одной пещерке. А сделал я это потому, что мы разговаривали по вечерам с отцом Арсением и это нарушало мое безмолвие. И у меня уже есть чудесное безмолвие.

Я самый счастливый из людей. Ибо живу без попечений, непрерывно наслаждаясь медом безмолвия. И когда удаляется благодать, безмолвие в какой-то мере, как другая благодать, согревает меня на своей груди. И кажутся меньшими скорби и печали этого лукавого и бедственного жития. Ведь печали и радости этой жизни следуют одна за другой вперемешку до последнего издыхания.

Поэтому и Филипп Македонский, как повествует история, когда к нему одновременно пришли три сообщения, полные радости и почета, снял свой перстень - великой ценности - и бросил его в море, чтобы умерить лишением перстня избыток радости. "Чтобы не случилось того, - говорит он, - что ко мне пришли все скорби вместе и я не смог их вынести".

Видишь, сын мой, что, хотя они были и не причастны благодати, "яже вещей истина" умудряла их "искупать" обстоятельства и жить умеренно?

Но сколь более мы, совершенные христиане, богато вкусившие дара Христова, должны проводить жизнь богомудро, искупующе время^[122] и терпеливо перенося все печали временной жизни?

Да, дитя мое. Ибо пока мы живем - в этой жизни нет покоя. Она замешана на страданиях.

Все перемешано, и блажен умеющий извлекать пользу из всего.

Пожалуй, как раз то, что кажется нам плохим, приносит нашей душе больше пользы, когда терпим это без ропота.

Во всяком случае, достойно удивления, как изменяется, как переворачивается все временное, все суетное в этой жизни. И первые в одно мгновение становятся последними, а последние - первыми.

54. "Одни

брани в пустыне, и другие, многочисленные и разнообразные, в миру"

Видишь, ты и сам познал на опыте, что, где бы мы ни находились, сын мой, необходимо великое терпение.

Одни брани в пустыне, и другие, многочисленные и разнообразные, в миру.

Итак, мужайся. И поскольку ты избрал это бремя, неси его со страхом Божиим.

И поверь, чадо мое, что я подвигну свою немощную от трудов и омертвевшую силу и буду просить Бога, чтобы с тобой не случилось ни одно из тех зол, которые в безумии замышляют враги нашей веры. Если, однако, тебе свыше предначертано что-то претерпеть ради пользы душевной, я прошу, чтобы Бог дал тебе душевное мужество и терпение.

Не бойся. Масоны многое задумывают и многое хотят сделать, но только если попустит Господь всяческих. "Без Его воли, - сказал Он, - ни волос не падает^[123], ни лист". Он разорит советы их. На сегодня для нас достаточно этого. А о том, что будет потом, пусть подумает Бог, Который нас содержит и благодаря Которому мы живем.

Ты с Бога начинай и Богом заканчивай и не бойся восстающих на тебя искушений. Ибо по благодати Христовой они, как дым, исчезнут.

А что касается того твоего искушения, о котором ты говоришь, истина, как я думаю, такова: поскольку этот бес искушает, то, видимо, происходит что-то доброе и его раздражает, и он искушает. Однако и ты, будучи искушаем, приобретаешь многое. Кроме награды за терпение, ты становишься делателем и узнаешь людей. Если камень не ударится о камень, не вылетит искра, и муж неопытный никуда не годен.

Ты многому научился, когда был здесь, многому учишься и сейчас, находясь там. Только будь разумным впредь и ходи со вниманием, разумеая, что есть воля Господня, яко лукавидные суть^[124]. Учись искупать время и обстоятельства.

И то, что с тобой сейчас происходит, пройдет, но снова будет что-то другое, ибо враг не успокаивается никогда. Разве ты не знаешь, что тот сказал Богу, когда Он спросил его об Иове? Подобное - и о каждом из нас. Искушение приходит в соответствии с мерой каждого. И ты должен вытерпеть, чтобы выйти победителем. Ибо Подвигоположник Христос для того попускает искушения, чтобы мы одерживали победы над врагом, отмывались от страстей и совершенствовались.

Итак, подвиг и терпение. Не изнемогай. Не обращай вспять. Когда видишь, что устаешь, - приезжай сюда и отдыхай. Набирайся сил и возвращайся снова, чтобы подвизаться. Ибо подвиг продолжается до конца наших дней. И искушитель - где бы ты ни был, где бы ты ни остановился - рядом с тобой.

Ты думал, что, когда уедешь отсюда, натиск брани прекратится. Но теперь ты уже хорошо понял, что нет места без искушения. И человек должен победить там, где с ним воюют, чтобы доставить печаль и позор диаволу, радость же и славу - Богу.

учи всех молиться, непрестанно произносить молитву Иисусову"

Сын мой, батюшка мой благословенный! Милость, просвещение, сила, мир, и любовь, и богатая благодать Господа благородной твоей душе!

Да пошлет тебе Господь Бог благаго ангела пред лицом твоим, чтобы направить твои стопы на путь мира по Его святой воле.

Сын мой воистину возлюбленный, который своими благородными чувствами приобрел мою любовь!

"Да обретет благодать душа твоя, воспламеняемая световидной зарей. Как Моисея, да покроет тебя священный покров сладчайшей нашей Царицы, Чистой Девы и Богородицы - со всеми твоими чадами, как это видел в Константинополе божественный Андрей, Христа ради юродивый.

Да очистит ум и сердце твое, и всякое боголюбивое твое дело сладкий Иисус Своей святой печатью, дабы враг ничего не смог похитить. Да вознаградит, и благословит, и увенчает в Своем Втором Пришествии то доброе, что ты с начала и до конца сотворил по любви. Да обогатит и всех твоих чад богатым Своим дарованием и небесной Своей благодатью, и да будут они как благоуханные цветы рая, чтобы ты смотрел на них и веселился в день оный".

Радуюсь и я, лишенный всякого блага, видя вас, благоухающих, как цветы, благими делами. Сие же для меня радость, и веселье, и богатство в моей нищете, безмерное похваление, - что я отец доброго сына и дедушка многих чад. Поскольку благодаря вашему духовному деланию прославляется Отец, радуется Сын и веселится Дух Святой.

Моя великая благодарность за все это восходит до седьмого неба. И свидетельствуют об этом предыдущие молитвы. Пожалуйста, пришли мне имена твоих братии, чтобы я, молясь, прочитал их хотя бы один раз.

И учи всех молиться умно, непрестанно произносить молитву Иисусову:

"Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Вначале устами и умом. Затем умом и сердцем. И они вскоре обретут путь жизни, дверь райскую, вернее, эта молитва, произносимая с желанием, будет подобием рая у них в душе.

Сердечная молитва не боится прелести. За исключением тех случаев, когда человек страстен и впадает в прелесть по своей вине. При сердечной молитве ум, как только войдет в сердце, сразу просветляется, тотчас становится мирным, тихим, радуется, услаждается, останавливается, очищается. Веселится и делается как малое дитя, чистое от страстей. Члены тела, соблазняющие человека, тогда становятся спокойными, смиренными, как рука, нос и остальные телесные члены.

Поэтому, кто хочет, пусть попробует этого меда, и у него в душе будет источник радости, веселья.

За исключением тех случаев, когда человек лукав, лицемерен, завистлив, сребролюбив, сластолюбив, славлюбив, вообще, страстен. И хочет и молиться, и добровольно коснеть в своих страстях - нераскаянный, неисправленный. Такой явно презирает действие молитвы и милость Господа. Молитва помогает всем, но каждый должен по силе своей подвизаться. А Бог, в соответствии с произволением человека, подает Свою благодать.

У всякого молящегося и не кающегося либо молитва прекратится, либо он, молясь, впадет в прелесть.

С особенной легкостью преуспевают в молитве Иисусовой женщины, благодаря

самоотречению и послушанию, которое оказывают своему духовному наставнику. Однако сколь быстро преуспевают, столь же легко впадают в прелесть, если ведут себя неразумно и невнимательно.

Надо не только молиться, но и быть внимательным. Быть бдительным в отношении к помыслам, управлять ими с большим искусством. Иначе они будут управлять тобой, и в конце концов ты станешь посмешищем бесов.

Я не видел, чтобы душа молящаяся преуспевала без искреннего исповедания тайных помыслов.

Хочешь, дитя мое, сокрушить главу змия? Назови ясно свои помыслы на исповеди. В злобе помыслов состоит сила диавола. Ты их держишь в себе? Она прячется. Выносишь их на свет? Исчезает. И тогда радуется Христос, с преуспеванием совершается молитва Иисусова, и свет благодати исцеляет, умирляет твой ум, сердце.

Итак, мой дорогой батюшка, эта женщина, судя по тому, что ты пишешь, - святая душенька. Но позаботься объяснить ей то, что я напишу здесь, чтобы она была внимательна. Ибо враг не спит, а он человеконенавистник и употребляет всевозможные ухищрения, чтобы прельстить человека.

Так как она терпит от своего мужа такие мучения, то Бог ободряет ее этими утешениями и разными видениями. Однако она не должна считать это главной силой души. Ибо лукавый берет на себя роль посредника и быстро это извращает.

Главная сила Иисусовой молитвы и вся вождевательная сила души заключается в очищении сердца посредством умной молитвы. Что говорит Господь? "Блажени чистый сердцем, яко тии узрят Бога"^[125]. Не говорит: "Блаженны видящие явления, видения, откровения". Поэтому она не должна радоваться этому, даже если это от Бога. Но пусть радуется, когда увидит, что ум нашел сердце и установился в нем.

Тогда умиротворяется все тело, делается тихой душа, играет сердце, ум озаряет свои силы, ручьем текут слезы. Лукавый все может извратить, но подделать то, о чем мы говорим сейчас здесь, он не может. И, опять же, когда она видит что-либо, пусть не рассказывает этого каждому, а только старцу и своему духовному отцу, никому другому.

Сейчас это происходит, поскольку она страдает и имеет большую простоту и страх Божий. Но это не остается до конца. А лукавый, когда находит способ, это извращает. И впоследствии это обращается в прелесть. Поэтому требуется большое внимание и смирение. Пусть она считает себя земляным червем. И только то, что ей скажет ее духовник, пусть принимает как истинное. А если она начнет принимать это, в скором времени ее рассудок ослабеет и она будет принимать все бесовское и безумное как истинное и посланное от Бога.

И что потом? Человек становится посмеянием для бесов. И тогда они издеваются над ним с помощью картин и видений, явлений и откровений, символов и чисел, предрассудков и гаданий и целой кучи суеверий. Бог да сохранит от такого извращения!

Поэтому, мой дорогой батюшка, пусть твое высокопреподобие позаботится о том, чтобы всегда ее смирять, для того чтобы случайно не изменились ее помыслы и к ней не пришла гордость.

И относительно брата, который творит молитву: смотри, наставь его правильно, согласно тому, о чем мы сейчас здесь говорим, чтобы он исправил то, что испытывает. Это испытывали и другие монахи здесь. Это действие - не благодать. Это ревность, кровь, сила, бес, страсти, желание, самомнение, любовь - все вместе вперемешку. Итак, все это должно стать на свое место, и тогда все будет в порядке.

На первых порах нужен, прежде всего, строжайший пост. Чтобы утончилась кровь, смирилось сердце, источающее непристойное сладострастие. Он должен понудить себя и к

другим, ночным, подвигам, чтобы они помогли молитве. Затем должен следить за умом, чтобы он не переходил из сердца в нижнюю часть живота. Чтобы не изображал разные предметы. Но пусть он его держит неподвижным в верхней части сердца. Пусть не дышит часто, но произносит на одном дыхании молитв пять и больше. И если видит восстание плоти, пусть задерживает дыхание, поднимается и стоит прямо, сколько хватает сил. И если из сердца исходит сильное сладострастие, пусть он ему препятствует, не ищет его, но от него отвращается.

А когда придет благодать, тогда разрушаются все замыслы лукавого, ибо она их упраздняет.

Она находит, как тонкое дуновение, как благоуханное тончайшее дыхание. Которое вначале умерщвляет плоть и воскрешает душу. Просвещает наш ум. И, наконец, когда придет, она учит человека.

Прочти это письмо твоей братии, чтобы они послушали, научились смирению. Ибо есть некоторые, которые бегут без узды, без меры и рассуждения. Я это вижу отсюда и имею об этом извещение.

Человеку следует не только бежать, но и считать стадии^[126]. Но также не оставаться позади, не нерадеть. Мне кажется, что есть некоторые, которые задремали. Позаботься о них, чтобы они не нерадели об обязанностях, ибо долг каждого дня записывается в отдельный счет. Итак, пусть они снова положат начало. Пусть понуждают себя к молитве Иисусовой. Пусть собирают и держат ум внутри своего сердца и очень медленно произносят молитву. И мы им желаем вскоре обрести милость Господню.

Скажи им: сперва при вдохе пусть опускают ум в сердце. Затем дыхание с молитвой входит-выходит, а ум пусть остается внутри. Пусть удерживают его всеми силами. Пусть не позволяют ему выходить. И если он установится один раз, тогда происходит встреча двух горячо любящих, которые не виделись много лет. Любовь, радость и наслаждение небесное. Но вначале это стоит большого труда и многого пота.

56. "Тот, Кто сотворил

веки, был и прежде веков, и в полном молчании создал небесные силы святых ангелов"

Христос рождается, дабы спасти всех. Итак, радуйтесь и веселитесь вместе с ангелами и пастырями, со всем творением, возлюбленные чадца Иисуса...

И прежде всего я приношу вам, как волхвы, радостное известие, что наш сладкий Иисус рождается и вся природа веселится и благоухает, ибо видит своего Творца, на руках носимого. Ангелы сорадуются и сладкозвучно поют: "Слава в вышних Богу и на земли мир!"^[127]

Ибо родился начальник мира Бог. Тот, Кто сотворил веки, был и прежде веков, и в полном молчании создал небесные силы святых ангелов. Сегодня Его носит в объятиях сладчайшая Матерь. Он питается молоком и согревается, чтобы спасти всех нас.

Родился сладкий Иисус, чтобы возродить нас. Стал человеком, чтобы показать нам, каким образом мы должны следовать за Ним и подражать Его делам. Оставил нам заповеди, чтобы мы не заблудились, идя по бездорожью, и не ходили во тьме.

Воспринял плоть сладкий наш Христос, чтобы мы ее вкушали и наслаждались блаженным родством. Становились братьями нашего Христа и чадами Его Пречистой Матери. И наконец стали во всем подражателями Господа и чадами Небесного Отца по благодати.

Итак, да исследует каждый из нас, молодые и старые, малые и великие, при каждом слове, которое мы скажем, при каждом нашем шаге, во все мгновения ночи и дня, не делаем ли мы, не говорим ли или не помышляем ли чего-то неугодного Христу.

Всегда ли мы достойны, когда приступаем причаститься Христа? Подражаем ли Ему? Пребывает ли в нас сладкий Иисус? Нашел ли место в нашем чистом сердце или сразу ушел?

Все это должен исследовать истинный христианин каждое мгновение, особенно тот, кто желает пройти тесным и скорбным путем нашего Господа и прийти в совершенство. Как и вы, возлюбленные чадца моего прекрасного и доброго духовного сына, который столько вынес и потерял свое здоровье ради того, чтобы вы обрели душевную радость и здравие.

Ибо каждый пастырь словесных овец должен приносить себя в жертву за паству, подражая Владыке Христу, Который пришел отдать душу Свою избавление за многих [\[128\]](#).

Итак, позаботьтесь о том, чтобы с великой любовью между вами, с чистой совестью, с болью души, с любовью Христовой оказывать ему совершенное послушание, чтобы вы творили угодное Христу и чтобы не вздыхал и не роптал сей ваш отец, который обо всех заботится и для всех вас ищет пользы.

Оставьте свою волю, ибо она - смерть души человека. И да покрывает один согрешения другого, чтобы и Христос покрывал ваши собственные.

Ибо если требуешь от брата своего справедливости, сразу становишься противником Бога, Который тебя терпел, когда ты грешил. А сейчас, когда Он разбудил тебя Своей благодатью, ты не хочешь потерпеть своего немощного брата. Где же твоя собственная справедливость? А если Христос отнимет у тебя Свою благодать и потребует у тебя десятки тысяч талантов, которые ты Ему должен? Что ты имеешь, неблагодарный человек, чего бы не получил? Если же получил, почему каждый день хвалишься, как якобы не получивший?

Говори про себя: "Если ты стоишь, душа моя, то стоишь, потому что тебя поддерживает благодать. И если падает брат твой, то падает, потому что нет благодати. Итак, благодари Бога и не присваивай чужое, как свое. Ибо Он отнимет у тебя благодать и даст ее ему, и упадешь ты, и поднимется твой ближний. И тогда ты увидишь свое согрешение, но будет поздно".

Итак, кто из вас требует справедливости, пусть знает, что она заключается в том, чтобы нести тяготу своего брата до последнего издыхания и оказывать совершенное послушание своему наставнику. И только любовью назидается немощной.

И когда ваш духовный отец видит среди вас единомыслие и любовь, тогда радуется и источает радость. А когда видит брюзжание и ссоры, его здоровье расшатывается, из-за чего к нему может прийти преждевременная смерть, и вы останетесь сиротами.

"Желаю вам от всей души всего вместе"

,

"возлюбленные мои внуки"

.

"Смиренный о. Иосиф"

безгласные богословы - прекрасные скалы и вся природа"

Мой дорогой батюшка! То письмо, которое я тебе послал, я написал прежде, чем прочитал твое. Так как спешили, чтобы успеть в Дафни. Потом, когда я его прочитал, очень растрогался. Так как ты пишешь, что вспоминаешь прекрасные скалы, беспечные и спокойные!

После большого письма о бесах, которое я тебе послал, в моем отношении к тебе произошла перемена. Великая любовь! Твой образ часто витал в моем воображении. Часто я мысленно тебя целовал и недоумевал: что бы это значило? И говорил: "Или наш добрый сын сильно заботится о нас, чтобы нас успокоить, или что-то другое с ним случилось". И сейчас, когда я увидел твое письмо и продукты, которые ты позаботился нам прислать, понял, что это было. И я удивляюсь умным утешительным и известительным движениям Всемудрого Бога. Как скоро посылает Он весть, когда другой изменяется! Духовный союз, невидимое общение, обмен любовью, извещение Божие. Нет ничего слаще и радостнее, чем понимать божественные движения.

Итак, приди, дорогой и возлюбленный мой сын! Приди ныне хотя бы на один день. Чтобы мы богомудрствовали и богословствовали, для того чтобы ты насладился тем, о чем тоскуешь. Чтобы ты послушал дикие скалы - таинственных и молчаливых богословов, которые поведают тебе глубокие мысли и приведут твои сердце и ум ко Творцу. После весны здесь прекрасно - от Святой Пасхи до Успения в августе. Богословствуют безгласные богословы - прекрасные скалы и вся природа. Всё - своим голосом или безгласием. Если приблизить руку к маленькой травинке, она сразу очень громко закричит своим естественным благоуханием: "Ай! Ты меня не замечаешь, и меня ударил!" Так и все прочие имеют свой голос и, движимые дуновением ветра, издают стройное музыкальное славословие Богу. Что же мы скажем о пресмыкающихся или птицах пернатых? Если иной святой послал своего ученика сказать лягушкам, чтобы они помолчали, пока будет читаться полунощница, а те ему ответили: "Потерпите, пока мы не закончим утреню"!

Итак, это и подобное этому, возлюбленный мой сын, обретается в пустыне, о которой ты тоскуешь. И когда захочешь, возьми одного-двух из твоих братии и приезжайте.

Я, сказать по правде, эти дни ждал, что ты приедешь немного побезмолвствовать. К тому же, думал сказать тебе, чтобы ты пожил с нами в этой нашей келлии для того, чтобы иметь полное безмолвие. Но так как ты не приехал, то будем ждать тебя в другой раз, летом.

Для твоего исцеления поживи у нас немного этим летом. Поскольку отдых и безмолвие очень укрепляют двойственный состав человека. Как видишь, в эти худые годы ты был нам очень полезен. И для меня необходимо, чтобы ты жил, пока и я живу на этом свете. А когда умру, тогда, если хочешь, последуешь за мной, и мы вместе пойдем туда, где сладкий Иисус нас упокоит среди Своих вечных благ. Чтобы радоваться непрестанно с нашей сладкой Мамочкой, сладчайшим благоуханием для всякого дыхания христиан. Чтобы веселиться с ангелами и святыми.

Я не очень здоров. У меня эта глаукома, и я весь постоянно пухну, и на меня находит что-то вроде обморока. Наверное, мне осталось недолго жить. Прошу Бога забрать меня, чтобы я получил успокоение. Я устал от этой жизни. Если умру, не забывай меня на твоей литургии. И я буду молиться о тебе там еще больше, если обрету большее безмолвие!

от тебя и от твоих духовных чад. Наша Пресвятая да покроет вас от всякого зла, от всякого навета сопротивного!

Сейчас приближается Великий пост, чтобы облегчить наши ум и тело. Итак, желаю, чтобы все мы прошли его здоровыми и по благодати Святого Бога достигли Святой Пасхи. Однако требуется большой подвиг и великое внимание.

В предыдущем письме, отправленном мною, я не объяснил тебе, какой смысл придал ощущению твоего духовного и мысленного присутствия, поэтому объясню сейчас.

Так как твое высокопреподобие в этот раз более, чем когда бы то ни было позаботилось о нас, чтобы с совершенной любовью доставить нам успокоение, а ум твой был, как ты пишешь, среди скал пустыни, то и твой образ непрестанно мысленно витал в моем уме с великой радостью и любовью.

И я вспомнил того священника или, лучше сказать, святого, которому было видение, когда кадил священник. И одни сидели в стасидиях, а он их не кадил, другие отсутствовали, трудясь на послушании, - и он кадил пустые стасидии, так как ум их был в церкви; а других, ум которых парил в миру, там не было.

Однажды нечто подобное случилось и у меня с покойной Феодорой, когда она была жива, так что я чувствовал рядом с собой ее дыхание; и я был здесь, на Святой Горе, а она в миру.

59. "Поставим

радостный пятый глас" Мой дорогой батюшка, желаю, чтобы это мое письмо нашло тебя в полном здравии. Мы, с Богом Святым, умеренно здоровы.

Получили твое письмо и фотографию, которая меня очень растрогала. Я уже давно не получал твоих посланий, и это было как весть из иного мира. Мне так показалось и потому, что ты находишься столь далеко. Не знаю, как ты там оказался, но да не оставит тебя Бог. Да помянет Он твои труды новонаначального, ревность твоего юношеского подвижничества и да прострет Свою милость и щедроты на твое покаяние.

Я никогда тебя не забывал и не вычеркивал тебя из богослужебного помянника. Ибо ты - мое дитя. И что бы ни сделало дитя, отец всегда болеет, даже если оно огорчило его на одно мгновение.

Причина моего молчания, когда я тебе не писал, была следующая: так как ты меня понуждал исключить тебя из братии, а я не хотел этого сделать, желая, чтобы ты был святогорцем, - в конце концов, дабы не ослушаться, сделал это, как не несущий ответственности, поскольку ответственность взял на себя ты. И вот как плохо это для тебя кончилось. И в том же месяце ты попросил, чтобы я записал тебя снова. И ты настаивал, когда это было уже невозможно. Ибо суждено было вкратце тысячам неправд. И я боялся отяготить свою душу. Поэтому я опечалился и прибег к молчанию, чтобы избежать бремени.

Однако теперь все это позади, и я всегда тебя вспоминаю, тебя люблю, о тебе болею. Не забываю твоей доброты. Только когда что-то приносит вред моей душе, не соглашаюсь. Ибо Бог намного выше человеческой любви.

И если ты мне подаришь все блага мира, но мне станет известно, что одна вещь не по Богу, я не сделаю этого вовек. Ведь я день и ночь прошу, да будет воля Божия, как же я могу ее преступить? Поэтому не говори, что я тебя не люблю, но говори, что Бог не согласен с твоим помыслом.

Ты мне пишешь о своих скорбях. Я и без твоих писем имею извещение, что ты сильно

страдаешь. Вижу тебя, как будто ты во тьме в некоем лабиринте сражаешься со зверями, не зная, что делаешь. И я, как иная Ариадна, даю тебе нить, чтобы ты вышел. Открываю тебе дверь и с неподдельной отеческой любовью призываю тебя вернуться.

Приди, чадо мое, примиримся, чтобы ты пришел в себя. Я, как врач, могу исцелить тебя от страсти смущения и печали, которая ныне неотступно тобой владеет. Приди, и я поменяю пластинку. Поставим радостный пятый глас^[129]. Я заколю тельца, и мы повеселимся. Я полон любви и прощения. Приму тебя, как нежный отец, в свои объятия, как сына из притчи^[130]. Поцелую твои уста, которые, может быть, говорили что-то безобразное, чтобы они получили благословение и впредь говорили только благообразное и больше никогда никого не осуждали. Я этим сыт, и что бы я ни услышал, что бы мне ни сказали, меня это не огорчит. К тому же, мы люди. Иначе видишь ты, и иначе я. Довольно, чтобы мы оба видели в Боге. У меня, смиренного, нет ощущения, что я опечалил тебя или досадил тебе или кому-то другому своим отношением к монастырям.

Не верь тому, что слышишь. Правда - вещь дорогая, и не у каждого в словах ее найдешь. Каждый человек как живет, так и говорит. Узнай истинность слов из образа жизни. Уразумей то, что я говорю.

Ты знаешь, что я не говорю зря. Что думаю, говорю тебе в лицо, так как люблю твою душу больше всех и желаю твоего спасения. И, покупая виноград для вина, я и в этом году не забыл взять на твою долю. Когда, говорю, придет мой сын, пусть найдет готовой чашу моей отеческой заботы и любви.

Итак, радуйся, возлюбленный мой сын, и умоляю тебя: пока ты далеко, будь внимателен! будь внимателен! будь внимателен! Не потеряй моего батюшку! Не забывай, зачем ты стал монахом!

Два дня назад здесь в Лакоскиту умер один отец, валах^[131]. И когда стали его хоронить, он воскрес и сказал, что вышел из ада, где мучился, так как пьянствовал, когда был жив. "Итак, - сказал он им, - смотрите, чтобы и вы не попали туда". И сразу, в то же мгновение, снова умер, и его похоронили.

Поэтому, сыне мой, сыне мой Авессаломе^[132], услышь мой отцовский голос и, как серна, убегай и спасайся среди сетей, остерегаясь, чтобы не попасть в щупальца греха. Так как воистину больше всех тебя, как ты знаешь, возлюбила моя душа, то усердно, преизрядно молю тебя о твоей бессмертной душе. Позаботься о ней, чтобы не плакать понапрасну в час смерти.

Крепко целую тебя, как своего сына, и молюсь о тебе, как о любимом. Я облачил тебя в порфиру покаяния и надел перстень на твою руку.

Итак, постарайся войти в чертог, чтобы не плакать горько снаружи.

"Твой отец и молитвенник"

,

"грешный Иосиф"

60. "Итак,

хотя бы сейчас постарайся снова вернуться назад" Милость Божия с тобой, мой благословенный батюшка! Мир тебе! Желаю, чтобы это мое письмо нашло тебя в полном

здравии.

Мы получили, сын мой, твое письмо, и я очень растрогался. Ибо уже давно не имел от тебя вестей. Я послал тебе еще одно письмо, но, к сожалению, ты его, кажется, не получил.

Я тяжело заболел от одного нарыва на шее, не обратив на него внимания: оставил это на Бога. И едва из-за него не умер. Ибо заразилась вся левая сторона тела и я был близок к смерти. Начал бредить, перестал узнавать братию. Все плакали, кричали, что нужно вызвать врачей. Я их пожалел и позволил им поступить по их воле.

Итак, начались уколы, лекарства, врачи. Два врача приезжие и Артемий. И в конце концов возвратили меня к жизни, Богу содействующу. Пятьдесят уколов и, кроме того, другие, укрепляющие. Семь надрезов по всему бедру донизу. Кровь текла ручьем. Шесть раз в день - перевязки. Пять месяцев без движения - переворачивали меня в постели. Израсходовали всю вату в Дафни. Большая рана! Из шеи гной собирали чашкой. В дыре мог поместиться лимон. И сейчас еще у меня болит все это место.

Это было большое испытание. Очень благодарю Бога, что Он явил на мне Свою великую любовь. Да будет слава Его божественному имени!

Только сестра, которую ты знаешь, осталась для меня единственным помощником в миру. Она, как мать, часто присылала все необходимое для больного. Наша Пресвятая воздаст ей должную награду за любовь.

Сейчас я чувствую себя хорошо. Встаю на ноги. Хожу с палками. Снова готовлю, как раньше.

А теперь, мой возлюбленный сын, давай побеседуем и о тебе.

Я заплакал, когда прочитал твое письмо. Помянух дни прошлого и поучихся ночью с сердцем моим^[133]. Ах! Ах! Ах! Утроба моя священная! Помнишь, как ты сказал, когда уходил, что все дали тебе благословение поехать и вернуться через восемь дней? И ты огорчился из-за того, что я один не соглашался. И я сказал тебе, что то, что ты говоришь сейчас, останется без исполнения здесь, и твое обещание вернуться забудется, когда ты уедешь туда.

Ты видишь, что я опытнее всех? Видишь, в какую даль ты попал, вместо того чтобы вернуться назад?

Итак, хотя бы сейчас постарайся снова вернуться назад и жить в безмолвии здесь, рядом с нами. Здесь много домиков. Поблизости от твоих братьев. Они будут за тобой смотреть. Они имеют любовь. И когда я умру, буду видеть тебя рядом с собой. И ты оставишь свои кости на Святой Горе. Отвергнув обман тех, которые вырвали тебя из места твоего пострига и предали буре соленого моря мира.

Сейчас мне уже не нужно от тебя другой помощи, только постарайся приехать, снова вернуться в Сад нашей Пресвятой.

Благодарю, за все тебя от души благодарю. У нас здесь, по благодати Христовой, все хорошо. Божественными литургиями мы достаточно обеспечены. Нам присылают сорокоусты, и мы немного занимаемся кое-каким рукоделием. Младший священник болезненный. Иосиф в этом году - дикей^[134], занимается с паломниками и совсем нам не помогает. Афанасий живет один в своей каливе. Отец Харалампий делает печати. Отец Арсений - садовник, а я - повар. Феофилакт - с Иосифом. Было у нас и два старчика, они умерли, ты их не знал. Есть у нас еще Никодим, который моет для нас тарелки. Живем, по благодати Божией, очень хорошо.

Так будешь жить и ты. Не сомневайся. Все у тебя будет прекрасно. Есть у нас и лодочка, с которой ловят рыбу. Попадаются ханна, пинна, морские ежи. Иосиф на шлюпке капитан.

И снова главное дело - умная молитва. Снова плач и слезы. Снова трезвение и созерцание. Богаты духовные Твои милости, Господи!

К нам приходил один славный юноша оттуда, где ты находишься, но не остался, чтобы мы научили его умной молитве. Ушел обратно. Сказал: из-за здоровья.

"Тебя целуют и молятся о тебе все"

"Целую тебя отечески и я"

"Твой всемирный старец Иосиф"

61. "Суетный"

мир! Лживый свет! Нет в тебе ничего доброго!"

Чадо мое возлюбленное, Фотина, утроба моя божественная и священная, мир тебе! Дитя мое, маленькая бабочка, получил твоё письмо и видел, что в нём. Обрадовался, что все вы здоровы. А я нездоров. Много расходов и лекарств, а здоровья никакого. Потихоньку иду в тамошнее отечество. Не имамы зде пребывающего града^[135].

Братия старается всеми средствами возвратить меня обратно, но я, к сожалению, быстро иду ко гробу. Пойду туда ждать вас.

Дорогая моя Фотина, свет^[136], моя дорогая Фотина! Мы были бутонами, стали цветами. Опали лепестки, их разметал ветер, и нас забыли. Яко сено изсхох^[137], и цвет его опал. Итак, что остается с нами? То, что мы сделали и послали для другой жизни, только это и остается целым. Никто этого не отнимет. Никто не сможет этого забрать.

Итак, дорогая моя Фотина, то, что можем, будем откладывать там. Если нас в этот час застанет смерть, тому, что мы оставим после себя, порадуются другие. О тебе забудут, как будто ты никогда не существовала.

Суетный мир! Лживый свет! Нет в тебе ничего доброго! Совершенная ложь! Совершенный обман! Ты нас обманываешь, над нами смеешься, над нами издеваешься. Показываешь нам годы, и удовольствия, и долгое здоровье, но внезапно нас настигает смерть. И все это лопается, как пузыри, рвется, как паутина.

Такова, возлюбленное мое дитя, такова мирская радость! Итак, прими наказание. Плачь и рыдай. Ты поистине познала Бога. Молись и взывай: "Боже мой, Боже мой! Призри некогда на Твою Фотину, Истинный Свет, и отверзи снова Твои небеса, и одожди каплю божественной Твоей благодати. Просвети очи ее души и сотвори с нею милость. О Боже мой! Боже мой, видящий тайны нашей души! Улади наше сердце, которое огорчил лукавый и которое забыло Твою любовь".

Это говори и взывай. Сейчас, когда я тебе пишу, опухоль у меня поднялась до пупа, и мой батюшка пошел в Дафни, и без моего ведома договорился по телефону с врачом и привез его, сказав мне, что к нам по дороге зашел врач. И тот, осмотрев меня, сказал, что у меня порок сердца, происходящий от гнойных миндалин. И дал таблетки от опухоли и укрепляющие уколы от миндалин, какие присылал Иоанн.

Итак, одно посещение - тысяча триста драхм! К счастью, у меня есть духовные чада в Америке, и все пишут: "Смотри за своим здоровьем! Не оставь нас сиротами". И присылают

деньги. Другое посещение - тысяча шестьсот с лекарствами.

Вот так. Хочу я или не хочу, не дают мне умереть. Итак, имей терпение.

62. "Напишу"

для моего сына маленькое сочинение..." Чадо мое возлюбленное!.. Божественная моя утроба и священная, мир тебе!

То, что я хочу тебе написать, сохрани. Пусть это будет для тебя напоминанием. Читай это. И я надеюсь, что получишь пользу.

Бог, дитя мое, создал человека из земли. То есть - после того, как создал все творение, как сад, сотворил светильники и украсил твердь. Луну, чтобы она начальствовала над всеми звездами ночи, как некое паникадило со многими огнями, малыми и великими, украшая небо. И землю со множеством деревьев, малых и великих. Зверей и гадов. Птичек разной величины, летающих под небом. Домашних животных и птиц для пользы человека. Море со всеми видами рыб. Все для того, чтобы ел и удивлялся человек. И над всем этим сотворил великое светило, чтобы оно начальствовало над днем, все согревало своим теплом и обо всем заботилось и все украшало своим светом.

А человек создан в конце, как царь над всем, как зритель, приглашенный в театр. О величие! О честь для человека! Все песнословит Бога - все одушевленное и неодушевленное. Одно - своим голосом, другое - движением своих листьев. Все имеет свой голос, и маленькая травинка, если сожмешь ее в руке, кричит: благоухание, которое она испускает, - это ее голос.

Итак, все, о чем говорит Святое Писание, - все появилось ради человека. Поэтому Он создал человека последним из всех, чтобы человек увидел все это зело доброе и, веселясь, наслаждался созерцанием этого.

А как совершилось создание человека? Взял Он землю - самое смиренное вещество, чтобы человек был всегда смиренным: нет ничего смиренней земли. Устроил глиняный домик и, дунув в него, создал человеческую душу... Итак, как в четыре стены из брения, вложил Бог божественное дуновение, вложил Свое дыхание.

О величие небесное! О слава и честь человека! Он смиренное брение, но и божественное дыхание! Наступит мгновение, когда он изменится. "Земля еси и в землю отыдеши"^[138]. Исполнится слово нашего Создателя. А божественное дуновение, божественное дыхание - что станет с ним? Как земля возвратится в землю, так и душа, будучи Божиим дуновением, возвратится к Богу. Да, но как? Когда душа произошла от Бога, она была благоуханным божественным дыханием, но такова ли она теперь? Нет, не такова. Итак, что с ней будет? Необходимо очищение. Слезы, плач, боль, ибо ты опечалил столь доброго и благодетельного Отца, Бога, Который тебя, брение, так прославил, даровал тебе Свое божественное дыхание, - эти дела покаяния очистят тебя по Его благодати. Итак, плачь и рыдай, чтобы Он снова возвратил тебя в прежнее состояние.

И когда ты плачешь со жгучей болью в душе из-за того, что согрешил, из-за того, что опечалил Бога, после плача тебя осеняют утешение и отрада. И тогда открывается дверь молитвы.

Видел я плачущего человека, который хотел удержать слезы, потому что кому-то случилось войти, и не смог их удержать. Ибо они текут с такой силой, как будто человека кто-то смертельно ранил.

Молитва с болью рождает плач. Плач приносит слезы. Слезы, в свою очередь, рождают более чистую молитву. Ибо слезы, как благоуханное миро, отмывают грязь, и очищается

дыхание Божие, которое, как некий голубь, затворено в четырех стенах, как в четырех стихиях... И тогда, лишь только разрушатся и упадут стены, голубь сразу летит к Отцу, от Которого произошел.

63. "У нас нет брачной

одежды. Поэтому нужно очиститься" И так, мы сказали, что мы дыхание Божие. Поскольку же у нас есть сродство с Богом, а Бог - везде сый^[139], мы всегда рядом с Богом. Мы Его чада. И, видя то достоинство, которое Он нам даровал, - быть Его дыханием, - мы должны быть внимательными, чтобы Его не огорчить.

"Предзрех Господа моего одесную мене, да не подвижуся"^[140]. А поскольку мы осквернили наш ум, и наше сердце, и наше тело словом, делом и помышлением, то теперь у нас нет дерзновения. У нас нет брачной одежды. Поэтому мы должны очиститься: исповедью, слезами, болью души и тем, что превыше всего, - молитвой, которая очищает и делает совершенным человека.

Одежда, о которой мы поем на Страстной седмице: "Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь"^[141], - это благодать Божия, которая достигается соединенной с болью чистой молитвой.

Сперва человек молится с простотой, которая у него есть вначале, с излиянием многих слез, и все это - благодать Божия, называемая благодатью очистительной, которая, как удочка, уловляет человека и наставляет его к покаянию.

Поскольку добрый во всех и над всеми наш Бог, Он нас находит. Он нас видит. Он нас призывает. Он первый знакомится с нами. Затем узнаем Его мы, когда Он помажет нас миром Своей божественной милости.

Поэтому и покаяние, и плач, и слезы, и все, что происходит с кающимся, - все это от божественной благодати. Это благодать очистительная, которая очищает человека.

Не бывает добра, которое не от Бога, и зла, которое не от диавола.

Итак, никогда не думай, что ты сделал что-то доброе без Бога. Ибо, как только об этом подумаешь, сразу отойдет благодать и ты ее потеряешь, для того чтобы узнать свое немощное состояние, чтобы узнать, что значит "познай себя".

Для того чтобы человек познал немощь естества, он должен встретить многие и великие искушения. И тогда посредством многих испытаний он смиряется и учится истинному смирению. Но требуется время.

Смирение - это не просто слова, когда мы говорим: я грешник... и прочее. Смирение - это истина. Человек должен познать, что он - ничто. "Ничто" - это то, что было ничем прежде, чем Бог сотворил все.

Итак, это "ничто" - мы. Твой корень, твое существо начинается с "ничто", и твоя мать - брение, а твой Создатель - Бог. Что у тебя есть, чего ты не получил? А если получил, что хвалишься, как не получивший?

Великий дар Божий человеку - познание истины. И эта истина, сказал Господь, освобождает нас от греха.

Знание о Боге - это видение Бога. Ибо знает Бога духовное знание, а не естественное.

Ибо естественное знание - это рассуждение, которое различает доброе и злое, и оно есть у всех людей, а духовное знание происходит от духовного делания с "познай себя". Все это происходит с нами по благодати Божией посредством молитвы. Благодать Божия созерцается умно и познается в чувстве ума только во время молитвы.

Образов молитвы много. И все они хороши, если человек несведущ и молится с простотой. Если, однако, кто-нибудь его наставит, а он не послушается, тогда молитва принимает другое направление и возникает прелесть.

Кроме круговой умной молитвы, все другие молитвы могут со временем извратиться. Когда теряется простота и человек начинает считать себя чем-то.

А относительно умной молитвы, однословного призывания имени Божия, не может быть никаких сомнений, и прелесть за ней не может последовать. Поскольку внутри сердца нерассеянно призывается имя Христово и Он очищает нас от тьмы и ведет к свету.

64. "Сердце не принимает"

разделений; только Богу твоему поклоняйся и Ему служи" Умная молитва, о которой мы говорили выше, - это "Господи Иисусе Христе... помилуй мя". Эту молитву читай следующим образом: на вдохе опускай ум в сердце, как говорят все трезвенные отцы, и задерживай дыхание как можно дольше, внимая только словам молитвы.

Вначале это большой труд, ибо ум еще не отвык кружиться, но со временем он научается стоять на одном месте.

Я видел брата, который шесть часов держал ум в сердце, так что не было кружения около часа, а иногда и больше.

Молитва совершается с трудом. Но после она произносится без труда и с дивной радостью. Ибо, поскольку мы имеем сродство с Богом - не по сущности, а как мы сказали: мы дуновение Божие, - то, когда мы очистимся от греха посредством поста, бдения и той молитвы, о которой говорим, посредством делания с понуждением и трезвения, когда ум, как в затворе, будет пребывать в сердце и ему не будет позволено выходить, тогда призывает нас Благий Бог и посылает Свою росоносную благодать. Которая просвещает, как светлейшее облако, и тот, кто незадолго до этого находился во тьме, ясно созерцает внутреннего человека. И благодать пребывает вместе с ним столько, сколько захочет Господь. Это происходит постоянно, и человек непрестанно очищается и совершенствуется по божественной благодати.

Поскольку, когда осеняет благодать и поднимается ввысь воспламеняемое любовью дыхание Божие, которым, как мы сказали, является наша душа, тогда происходит божественное соединение. И она настолько уподобляется Богу, что нельзя отличить и отделить одно от другого, как солнце от его света или огонь от железа, когда они соединятся. Ибо дуновение и благодать истекают из одного и того же источника, который есть сладкий наш Бог.

О, сколь добр наш Благий Бог! Сколь благоутробен! Он не ищет никакой выгоды, и никогда не имел нужды в человеке, как всесовершенный, каковым Он является. Но желая подать по великой Своей любви Свои всесовершенные дарования, Он создал все творения. И, создав человека, сделал его царем и все это ему даровал.

Одного только ищет Бог: чтобы ты Его чтил, Его любил и соблюдал Его заповеди, признавая, что Он твой Создатель. Он не хочет, чтобы ты воздавал подобающую Ему славу и поклонялся какой-то ерунде. Он не хочет, чтобы ты возлюбил какую-то вещь больше, чем Его. Поэтому и давая Свои заповеди в богописанном законе Моисею, Он говорит ему: "Слыши, Израилью, возлюбиши Господа Бога твоего от всея души твоя, от всего сердца, от всея крепости, от всея мысли"^[142].

Итак, понял ли ты, возлюбленное мое дитя? Он сделал все, чтобы твоя любовь не

уклонялась в другую сторону и чтобы целиком и полностью все желание твоей души возлюбило Господа. Так вселится Его благодать. Сердце не принимает разделений; только Богу твоему поклоняйся и Ему служи. А тогда... Тогда войдет в тебя Христос, Который есть Слово, - со Отцом и Духом - и обещал обитель^[143], и ты будешь храмом.

Тогда молитва будет господствовать и подчинит ум. О радость! О радость для несчастного брения! Сколько благ дарует нам Господь!

Видел я одного брата, который, имея такую любовь, пришел в исступление. И увидел троих детей одного возраста в ослепительном свете. И они его благословляли, возглашая: "Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа!" Это они, благословляя, повторили много раз. И я удивился, какая любовь к Богу была у этого брата.

Итак, не ищи другого способа приблизиться к Богу. Только от всей твоей души возлюби Его. Тогда не будешь заботиться о своем теле, а будешь мучить его, чтобы победить страсти. А силу для этого дарует тебе Он. И чем больше ты очищаешься от страстей, тем больше умиротворяешься, и целомудрствуешь, и постигаешь Бога.

Р. S. Итак, чадо мое возлюбленное, малое мое дитяtko, я начал тебе писать. Ты это переписывай и присылай мне обратно, чтобы я мог продолжать. Чтобы ты сделал книжечку и она была у тебя для памяти. Я напишу тебе о прекрасных вещах, о которых ты раньше не слышал. Мое вдохновение. Делание и созерцание.

Я близок к смерти. Весь опух. Но не останавливаюсь. Хочу сделать что-то хорошее. Даже если моя душа будет выходить из тела, пусть выйдет с подвигом.

Деньги, которые вы присылаете, уходят на врачей, уходят на уколы, уходят на бедных, не остается и пяти драхм. Сейчас нужна мука, и меня упрекают. А я смотрю на кипарисы, под которыми мне выкопают могилу.

65. "Очень Вас прошу"

отогнать печаль от своей души" Моя благороднейшая госпожа! Я еще несколько дней назад хотел Вам написать и утешить Вашу скорбящую из-за случившегося с Вами несчастья душу, но ждал, не получим ли мы какого-то ответа, как Вы пишете моему батюшке. Но, видя, что прошло уже много времени, чувствуя боль Вашей души, молю Вас услышать мой смиренный голос и отогнать печаль от своей души, ибо большая скорбь рождает и другое зло.

Советов Божиих - что Он делает для того, чтобы нас спасти, не знает никто. В любом случае, однако, как бы они ни исполнялись, они полезны; не важно, что мы печалимся и нам кажется, что мы оставлены Богом.

Из этого не следует, что мы согрешили или пали и с нами случилось зло, но следует, что благодаря печали нам прощаются наши прегрешения с детского возраста.

Может быть, у нас есть небольшая гордость и благодаря скорби в нас рождается большое смирение.

Может быть, Господь хочет нас испытать, будем ли мы и после несчастья верны Ему. Он хочет увидеть наше терпение и нашу любовь к Нему.

Может быть, он был плох, а родители его добры. И эти родители тем самым получили помощь от Вас, и Вы потерпели материальный ущерб, но приобрели душевную пользу. Ибо иначе Вы, может быть, пожалели бы сделать такое большое доброе дело, а Бог, может быть, хотел, чтобы мы оказали большую милость.

Может быть, опять-таки, он был хорош, и Бог поразил его, чтобы спасти его

посредством боли.

Бог мог сделать так, чтобы несчастье произошло из-за кого-то другого, а не из-за Вас, - но через Вас совершается так много добра, о котором мы прежде написали. Поскольку не было иного способа приобрести это смирение, которое появилось у Вас, - так что Вы плачете, как оставленная, - даже если бы Вы подвизались многие годы.

Человек согрешает с малых лет: словом, взглядом, мыслью, согласиём, делом. И из-за внезапного страха, несчастья, большой потери все это прощается, и из стекла, которым был прежде, он превращается в бриллиант.

Кроме всего этого, такое случается и по ненависти дьявола. Видя, что мы хотим спастись, он делается для нас преткновением и камнем соблазна, чтобы воспрепятствовать нашему усердию, для того чтобы принести нам отчаяние, неверие, уныние, немощь от скорби и большой боли, чтобы мы увяли, как цветы, когда подует внезапный северный ветер.

Итак, всем тем, о чем мы сказали, когда проявляем терпение, мы приобретаем большую награду.

И не печальтесь, ибо непомерная печаль рождает иногда безумие.

Святой Предтеча Вас не оставляет, не забывает Вашей доброты, и Вы получите намного большую награду. Церковь, которую мы построили, - в честь Предтечи.

Итак, очень Вас прошу отогнать скорбь. Вновь приобретите благодушие, которое было у Вас прежде. Имейте любовь, и все Вам будет прощено. Поскольку это произошло невольно и по промыслу Господню, как знает Он один, устраивающий полезное нам и наше спасение.

Итак, ожидаю, что Вы непременно напишете мне пару слов, что поступаете, как мы Вам пишем, и что обрели покой.

Мы опечалились из-за всего, и поэтому напишите нам, чтобы мы успокоились.

О вас молится вся братия и совершает литургии о здравии и мире душ и телес ваших. Ежедневно совершаем также и панихиду о упокоении души несчастного, умершего насильственной смертью.

66. "Когда

человек исповедуется, его душа очищается и делается как сияющий бриллиант"

Добрая моя госпожа с добрым и благим Вашим супругом, все мы молимся, дабы Господь даровал мир, здоровье и долгоденствие всему Вашему дому и родственникам.

Получил Ваше письмо, моя госпожа, и видел, что в нем. Сострадал Вам в искушениях и соболезнует Вам в Вашей боли, а также сорадуюсь с Вами в Вашей радости.

Человеческая жизнь, госпожа моя, замешена на скорбях и муках.

Когда видишь небольшую радость в своей душе, знай, что это телефонный звонок, чтобы ты вытерпел скорбь, которая придет.

Ближе всего к человеку Бог. Нет никого другого, кто был бы ближе, чем Бог. О Нем живем и движемся^[144], в Его объятиях постоянно находимся.

Итак, мы можем в каждый вздох вкладывать и внутренний глас: "Боже мой, где Ты? Заступи, предвари, помози ми, покрый мя! Иисусе мой, помилуй мя!"

Наша Пресвятая - Матерь милости, источник благодати, а благодать Ее предваряет везде: лишь откроешь уста, чтобы призвать Ее, Она сразу предваряет, как истинная Матерь. Итак, без колебания призывай Ее каждое мгновение и найдешь безвозмездного помощника и врача в твоих скорбях.

Бог, чадо мое, - везде, и око Его видит все, но Он делает вид, что не видит, так как ждет

покаяния. Когда мы согрешаем, легко или тяжело, Он видит это, ибо находится рядом, но мы Его не видим, так как мы младенцы разумом.

Когда, опять-таки, Он наказывает нас, чтобы мы обратили свой взор к Нему, мы думаем, что страдаем несправедливо. И, однако, когда мы смиримся, тогда открываются очи нашей души и мы узнаем, что все, что делает Господь, добро зело; тогда мы видим в Нем нашего многомилостивого Отца, полного любви и исполненного благодати.

Я не знаю, моя госпожа, принесли ли Вы генеральную и искреннюю исповедь, начиная с семилетнего возраста и до сих пор. Проведите тщательную проверку всего прошлого и напишите это на бумаге, и найдете большую пользу для Вашей души. Подобным образом и супруг.

Ибо бывают прегрешения и не только того вида, о котором Вы написали, но всякой природы, которые не считаются грехами, но, однако, когда человек исповедуется, его душа очищается и делается как сияющий бриллиант.

Начните с детства: какие грехи бывают с восьми до десяти лет, какие с десяти до двадцати и далее, раздражительной силы и вождевательной.

Также и Ваш супруг: естественные, противоестественные, на работе, обиды, беззакония, все откровенно, без стыда.

Если, опять-таки, Вас наставлял какой-нибудь духовник и Вы совершили исповедь, тогда это не требуется.

Если когда-нибудь, моя госпожа, Вы захотите дать милостыню, дайте ее этой женщине, которая потеряла своего сына. Если хотите оказать милость этому умершему насильственной смертью, не забудьте заказать за него сорокоуст.

Ибо, может быть, у него, как у молодого, были грехи, и это вызволит его из ада, и Вы станете причиной того, что он спасется и войдет в рай. Ибо литургии спасают и извлекают души из ада. И следовательно, вместо того зла, которое, как Вы считаете, Вы совершили, произошло великое добро. Поскольку благодаря Вам спаслась душа и Вы с помощью покаяния стали ближе к Богу.

Что касается Вашего нервного состояния - гнева, о котором Вы говорите, - читайте постоянно Иисусову молитву: тогда благодать будет успокаивать нервы. И не огорчайтесь: весь мир страдает от этого.

67. "Это показывает,

что Ваша жизнь угодна Богу" Моя любоблагоутробная госпожа! Получил Ваше письмо и видел, что в нем, и очень возрадовался о тех дарованиях, которые Вам даровал Господь. Все у Вас очень и очень благополучно, и Вы не имеете нужды ни в чем, только в терпении и великодушии, чтобы душа Ваша пребывала в тишине.

Сейчас я могу допустить, что завистливый бес, видя Ваше благое и добродетельное житие и желая Вас опечалить, устроил это невольное убийство. Но благодаря литургиям, которые Вы заказали об усопшем, душа его, я уверен, спаслась. И вместо зла, которое он хотел Вам причинить, произошло великое добро, ибо спаслась душа, поскольку Бог ищет повода, чтобы спасти человека.

Ты говоришь: "Все радуются, почему же я печалюсь?"; это показывает, что Ваша жизнь угодна Богу. Ибо Господь только тогда посылает скорби, когда человек исполняет волю Божию,

Ибо скорби - это благодать и дар от Господа. Итак, не желая того, Вы исповедуете, что

вы - избранные чада Божии. Ибо "егоже любит... наказует, бьет же всякого сына, егоже приемлет"^[145].

Итак, держай и лучше радуйся, ибо вас очень любит Господь. Больше не печалься.

Всегда советуй своему супругу исповедоваться. То, что он говорит тебе, неправильно.

Исповедь - одно из семи таинств нашей Церкви. Без исповеди покаяние не засчитывается, а без покаяния человек не спасается.

Желая дать милостыню матери юноши, делай это лично, а не через другое лицо, чтобы ее душа исцелялась от горя по ее сыну.

Другим подавай милостыню тайно. У тебя были хорошие духовники, и поэтому они вас привели в прекрасное устроение. И я получил большое облегчение.

Моим долгом было написать вам, ибо вы нас облагодетельствовали и я сострадал вашей боли.

Теперь сорадуюсь, так как узнал еще одну добрую и христианскую семью. Поэтому больше не буду писать - достаточно того, что Вы переписываетесь с моим батюшкой.

Остаюсь к Богу молитвенник, малейший монах Иосиф

68. "Бели

не оставишь грех, то все, что ты делаешь, пропадет даром"

Чадое мое благословенное, Панайота, мир тебе! Получил, дитя мое, твое письмо и видел, что в нем, и почувствовал душевную боль. Положение твое нехорошее. Нужно одно из двух: или пусть он сделает тебя своей законной женой, или ты оставь его и живи одна в покаянии.

Так у тебя сейчас ничего не получается и исповеди не может быть. Если не оставишь грех, то все, что ты делаешь, пропадет даром. Как только расстанешься с ним и оставишь грех, - все прощено после исповеди.

Не можешь, дитя мое, жить? Пойди в дом добрых христиан, выполняй работу, какую можешь, только беги от греха.

Грех - это отлучение от Бога. Тогда как любая здешняя скорбь проходит.

Реши: если он с тобой повенчается, это не будет считаться грехом, станет законным. Тогда ты напишешь и мы наложим епитимью за прошедшее.

Если ты его оставишь, опять-таки, напишешь и мы тебе скажем, что делать.

Но сейчас, пока грех бежит перед тобой, все бесполезно. Поспеш, дитя мое, ибо смерть приходит внезапно, и будет жалко, если ты будешь осуждена на вечные мучения.

Мы совершим о тебе литургии и молебны, чтобы тебе помог Господь.

Молюсь о тебе. Смиранный старец Иосиф

69. "Не сомневайся,

что тебе пора облечься в схиму"

Непрестанно и по долгу мы воссылаем ко Господу молитвы, чтобы он сохранил Вас и наставил на Свою святую волю.

Вы спросили, чадое Благаго нашего Бога, хочет ли Господь, чтобы ты приняла схиму.

Ты, сестра моя, после того, как увидела свет, идешь по дороге Божией, и никогда не искала ничего другого, кроме воли Господней.

Итак, не сомневайся, что тебе пора облечься в схиму, поскольку и без схимы ты уже монахиня. И сейчас, когда ты состарилась, каких еще дел ты ищешь?

Свое дело ты уже знаешь. Раздай нищим то, чем богата. Нищим монахиням; и они сделают то, чего ты сделать уже не в силах.

Найди добрую старицу, позови схимника-священника и сиди в своем доме, чтобы о тебе никто не знал. И снова следуй своей дорогой.

Ты будешь очень счастлива, ибо возродишься. Всю неделю не выходи из своего дома. Побудь в уединении, чтобы насладиться благодатью, которая восемь дней будет пребывать с тобой.

Не бойся. Не устрашайся. Христос пришел ради нас. Он нам дал Свою богатую любовь и говорит нам: "Да любите друг друга, как Я вас возлюбил"^[146].

Итак, не жди. Не откладывай срок. Не потеряй удобного случая, который дает тебе свыше Христос.

Дай эту грамотку Феофилакту, а я, смиренный, о Вас молюсь, по благодати Божией Вас поддерживаю.

70. "Начало и конец"

всякого блага есть Христос" Очень обрадовался, дитя мое, что ты просишь слова Божия для пользы своей души.

Итак, отверзи свои уши, и я их исполню благ. Послушай, чадо мое.

Уста твои пусть непрестанно занимаются молитвой: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя!" Твое дыхание пусть прилепится к имени нашего Спасителя.

Когда это продлится достаточно долго, ум привыкнет произносить это внутренней речью. И когда ум очистится молитвой, он опустит ее в сердце: произойдет соединение ума-слова-сердца. То есть, благодаря непрестанному призыванию происходит прохождение молитвы в сердце посредством вдоха и выдоха; тогда ум-слово-сердце становятся едиными. А постоянно очищаемое сердце принимает соразмерно осеняющую благодать.

И тогда мало-помалу, незаметно для тебя, в твою душу приходит небо-рай.

До этого было делание; то, что будет дальше, называется созерцанием. Достигни этого, а остальное мы тебе скажем, когда придет для него время.

Знай только, что всё - начало и конец всякого блага есть Христос. Мы сами ничего не можем сделать, если сперва не поспешествует Христос Своей божественной благодатью. Он первый явил Себя нам, и тогда мы Его познали. Он возлюбил - и мы любим. Если Он не произведет действия, благое в нас не придет в движение.

Итак, стань малым ребенком со всей его детской простотой, и повергнись к ногам нашей Пресвятой, носящей, как малое дитя, Великого Бога. И плачь, и взывай с большой любовью, которую, опять-таки, дарует тебе Он: "Сладкая моя Мамочка, помоги мне, наставь меня, как спастись! Предстательствуй, Мать моя, пред Сыном Твоим, чтобы Он наставил меня, как мне исполнять Его волю и о чем Его просить. Чтобы Он отверз мои душевные очи, которые закрыты, так что я не вижу Его, тогда как Он меня видит каждое мгновение, и постоянно Его огорчаю".

71. "Положи"

доброе начало, чтобы и конец был добрым" Услышь, чадо мое, обрати слух к моим словам.

Веди себя очень скромно. Имей большое смирение: не произноси праздные слова смиреннословия, а стань сором, чтобы тебя попирали ногами, если хочешь, чтобы тебя посетил Христос. Сердце твое пусть смягчится, пусть станет ватой; и всегда склоняйся перед той, с которой говоришь: "Тебе лучше знать, сестра моя, благослови!"

С каким благоговением ты говоришь с другими, с таким будет обращаться с тобой Христос. Какой мерой ты меряешь других, такой Он будет мерить тебя. Как ты прощаешь прегрешения других, так Он оставляет твои. С какими любовью и благоговением ты ищешь Его, с такими, со Своей стороны, Он является тебе.

Не думай притворяться послушной, а делать по-своему, ибо согрешишь не перед своей старицей игуменией, а пред Богом, Который рядом с тобой и видит каждое твое движение.

Он всегда с тобой, а ты слепа и не видишь. Ты всегда в Его объятиях. Им дышишь, Его вкушаешь, в Него одеваешься; ты никогда Его не обманешь. Все, что бы ты ни делала, Он видит еще прежде, чем ты об этом подумашь.

Если ты говоришь, что твое согрешение маленькое - ничего страшного - тогда и твоя маленькая молитва не доходит до Бога - ничего страшного. Если ты молишься и хочешь, чтобы твоя маленькая молитва была услышана, тогда знай, что и твои маленькие согрешения записываются и они искажают твое маленькое добро.

Итак, если у тебя есть осторожность и благоговение, чтобы не огорчать Господа, Который все видит, бойся огорчать игумению и остальных сестер, зная, что согрешаешь пред Богом.

Не говори, что ты права, никогда. Даже если тебе будут выкалывать глаза, никогда не ищи справедливости, ибо носишь в себе Христа, Который стал человеком ради человека и все претерпел, чтобы нас спасти: для Него не существует человека-преступника.

Знаешь, дитяtko мое, как ты огорчаешь старицу, когда не слушаешься? Как противостоишь воле Бога, Который сразу забирает Свою благодать, и ты остаешься нагой? И совесть твоя огорчается, и ум твой помутняется, и ты многие дни остаешься жесткой и бесплодной землей. О, если бы ты видела, какой терпишь ущерб!

Итак, чадо мое, будь внимательна. Положи доброе начало, чтобы и конец был добрым. Трудись сейчас каждый день, чтобы пожать мир в старости.

Каждое утро, когда рассветает, говори: "Господи Иисусе Христе мой, сподоби меня прожить этот мой день без греха".

Примись с готовностью за свою работу и за молитву в твоих устах. И будь внимательна, чтобы видеть, что Господь тебя видит, а ангел записывает: ангел записывает твои дела, а Господь - мысли.

Каждое мгновение говори с сознанием: "Душа моя, собери со страхом свои помыслы, ибо Господь тебя видит". Не пари умом, не витай в облаках, а читай Иисусову молитву с глубоким разумением.

Не смотри, что делают другие, и не желай казаться знающей. Вот что тебе надо знать: читать постоянно молитву Иисусову и быть внимательной к своему делу.

Будь безумной ради Христа, чтобы тебя умудрил Господь. Если все это исполнишь - благо тебе будет, ибо станешь хорошей и добродетельной монахиней, полезной и для других.

Да будет всегда с тобой благодать, сохраняющая тебя от всякого вреда лукавого!

Молюсь о всех сестрах и игумении, чтобы Бог дал ей благодать и силу носить ваши тяготы, ибо тяготы велики и труд нелегок.

должно сопровождаться постоянной и непрестанной умной молитвой"

Проснись, дитя мое, следуй тому, что я тебе написал. И когда испытываешь какое-нибудь затруднение или сталкиваешься с чем-то, чего не можешь сделать без посторонней помощи, и не находишь выхода, напиши мне, и я тебе с большой любовью напишу.

Что касается твоих слов о том, что когда ты исполняешь волю одного, часто огорчается другой, - ты, чтобы никто не огорчился и чтобы у тебя самой все было в порядке пред Богом, спрашивай всегда старицу игуменью: "Что повелишь, матушка? Такая-то сказала мне, чтобы я это сделала".

И что она тебе скажет, делай без рассуждения, и никто не будет огорчаться. Пусть они разбираются с игуменьей.

Послушание включает в себе всё, и Христос каждое мгновение сплетает тебе венец.

Но для того чтобы возрел внутренний человек, чтобы ты обрела покой от страстей и расцвел плод твоего доброго делания, все должно сопровождаться постоянной и непрестанной умной молитвой.

Когда трудишься, постоянно читай Иисусову молитву или устами, или умом.

Когда ты ее постоянно читаешь устами, впоследствии ум привыкает произносить ее внутренней речью. Затем ум опускает ее в сердце. Там уже - труд и дело трезвения: удерживать там ум силой без образов, чистым, внимающим только обращению молитвы внутри сердца посредством вдоха и выдоха.

Тогда ум, не успевая образовать помысл парения, со временем - благодатью молитвы - очищается. И не наслаждается больше лукавыми помышлениями, и не хочет оставаться совершенно праздным. Но весь воспламеняется в помышлении о Божественном имени и в любви к Спасителю Христу.

Итак, усердно занимайся, дитя мое, этим божественным тайным деланием, и душа твоя станет раем прежде, чем выйдет из тела.

Монах, который не научился Иисусовой молитве, не знает, зачем стал монахом.

Чтение просвещает ум и помогает в молитве. Телесный труд, когда он умеренный и не вызывает возбуждения, очень полезен: он наставляет тебя к смирению.

Когда ты привыкнешь говорить каждому: "Благослови" - и во всем всегда ругать себя, и никогда не искать прав и своей воли, тогда скоро вкусишь плод смирения. Достаточно того, чтобы ты во всем была терпелива.

С любовью и простотой, без многих помышлений быстрее достигаешь вышней пристани.

Заключи в свои объятия икону Пресвятой - как если бы это была живая Пресвятая - как твою мамочку, когда ты была маленькой. Говори Ей обо всей своей боли, орошая ее своими святыми и чистыми слезами, и будешь черпать всегдашнее утешение.

Она будет предстательствовать пред Своим Сыном, Который столь добр, и любит добрых, и милует злых, и прощает кающихся грешников. И он откроет умные очи твоей души и наполнит твое сердце любовью и божественным рачением.

И тогда твои глаза станут двумя источниками слез. Желаю тебе достичь этого.

тебя не просит многого многий в милости Христос" Твое почтенное письмо, дитя мое, растрогало меня до слез. Твое смирение подвинуло мою утробу сильно тебя возлюбить, как Господь возлюбил кровоточивую, и сказать тебе подобное слово: "Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя. Иди в мире отныне и ктому не печалься"^[147].

Рай отверзется. И явится тебе Царь веков в день оный. И ты вся возрадуешься и възиграешь, как олень, от великой и беспредельной любви.

Посему не рыдай убожества, ибо воссияло сострадательно Христово Царство. Не плачь прегрешений, ибо пришел на землю Сын Божий и пострадал как человек ради нас и возводит нас на небеса посредством искреннего покаяния.

Достаточно того, чтобы ты сказала: "Согрешила!" с горячим сердцем, и сразу благодать отверзет тебе небеса.

У тебя не просит многого многий в милости Христос. Только скажи с верою, исповедуясь, как пророк: "Согреших Господу". И сразу услышишь: "И Господь отъя согрешение твое"^[148].

О, сколь добр Бог, сколь благ! Сколь счастливы мы, смертные, имеющие такого Всеблагаго Отца!

Итак, дерзай, благословенное мое чадо. Смело напиши мне о своих страданиях, и я с большой любовью тебе отвечу, что мне подаст Господь.

Очень благодарим за облачения, за твой большой труд и расходы на их посылку. Я скажу, чтобы мои батюшки тебе написали, когда их получают. Они очень благодатные, ибо имеют непрестанную молитву.

Позаботься и ты непрестанно ее произносить, и в твою душу придет Христос - радость, мир, любовь, свет. Сейчас ты уже положила начало; итак, понуждай себя и не оставляй ее.

Когда видишь, что ум устает и ее не понимает, тогда произноси ее постоянно устами, и ум снова ее примет.

Вначале это трудно, но когда пройдут годы, молитва будет звучать в тебе сама. Она постоянно очищает человека от всех страстей.

Забыл тебе написать, что на днях мы пошлем тебе посылочку. Я нашел крест для твоей доброй душеньки, и посылаю его тебе на благословение, как ты просила, и молюсь, чтобы тебя благословил Сый благословенный и препрославленный во веки.

74. "Чем

больше любишь, тем больше Она любит тебя" Божественная моя утроба и священная, мир тебе!

Благодать нашего Христа да просветит тебя, она тебя да очистит, да соделает тебя как святую Магдалину, святая рука которой есть у нас здесь, в монастыре Симонопетра - теплая, как живая. И источает неизреченное благоухание. Такую благодать дал ей Христос.

Сильно обрадовался, дитя мое, что ты с таким усердием ищешь спасения. Поэтому уверен, что Жених твоей бессмертной души даст тебе Свою богатую благодать.

Нашу Пресвятую, Его сладкую Мамочку, имей своей предстательницей и Ей постоянно молись. Обнимай, как живую, Ее святую икону, орошай ее слезами, как мироносица - стопы Иисуса, и будешь черпать ощутимое утешение, как если бы Она была рядом с тобой.

Наша Пресвятая везде предваряет, и тому, кто с теплотой Ее призывает, Она богато подает Свою благодать. Она предстательница всех, ибо удостоилась родить Господа, стать Матерью Божией. Она Его носит в Своих объятиях и постоянно Ему молится.

И мы, грешные, поскольку не имеем дерзновения сразу, сначала прибегнуть к Богу, призываем Его Матерь. Она нас возрождает, Она предстательствует, Она предваряет во всех наших скорбях.

Она предстательница и помощница, всех ангелов честнейшая, херувимов и серафимов без сравнения славнейшая, занимающая второе место после Святой Троицы.

И Она, добрая моя, столь добра, столь сладка, что каждое мгновение хочешь Ее целовать и черпаешь утешительную благодать. И чем больше любишь, тем больше Она любит тебя.

О посылке не волнуйся, дитя мое. Я забочусь о твоей душе. Чтобы положить словом какой-нибудь камушек, для того чтобы был построен твой домик на небесах, где все бессмертное и вечное. Все, что здесь, есть оно или нет, не причиняет ущерба нашей душе.

Позаботься о том, чтобы откровенно написать исповедь с малых лет. Напиши все очень откровенно. Не спеши, когда будешь писать. И быстро это отправь, пока я не умер.

Чтобы тебе сделал добро я, а не иной, дабы сказать пред Христом: "Се аз и дети, яже ми дал еси Ты, Боже"^[149].

Не траться больше для нас. Что сделала, то сделала. Христос это принял, как благоуханное миро. Попадет это или не попадет в наши руки, ты свою награду получила - она записана на небесах.

Не плачь, что опоздала. С этого момента я записал тебя в число моих чад. Я молюсь о тебе после первого твоего письма, и мы каждый день поминаем тебя на нашей божественной литургии. Дерзай, ибо ты не умрешь душевной смертью, но благодаря покаянию будешь жить во век.

Быстро отправь письмо, а если что-нибудь забудешь - снова напишешь в другом письме. Имей в своих устах молитовку: "Господи Иисусе Христе мой, помилуй мя!"

А Он Сам - Спаситель, и мы надеемся, что Он нас спасет. Только - терпение.

Неси свой ежедневный крест и часто призывай Его: "Иисусе мой, где Ты? Предвари, спаси меня, ибо я погибаю!"

И Он тебе ответит: "Не малодушествуй, дитя Мое, Я всегда здесь, рядом с тобой; имей терпение; придет час, когда Я возьму тебя к Себе, чтобы ты радовалась вечно".

Итак, не отправляйте никаких посылок, потому что требуют огромный налог. Только о душе вашей заботьтесь, пекитесь о том, чтобы спасти ее, драгоценную, бессмертную.

75. "Положи

сто твоих оболлов, чтобы я положил десять тысяч моих золотых"

Василики, благословенное мое чадо, мир тебе! Получил твое письмо с исповедью и видел то, что ты мне пишешь. Все прощается, моя дорогая Василики, только то, что не исповедано, не прощается. Нужно только одно: чтобы грех не повторялся. Потому что когда он повторяется, то теряет силу все остальное.

Итак, этой милости я прошу: чтобы ты не впадала больше в грех, и все исправится.

Литургии очень тебе помогут. И когда сможешь, снова их закажи, ибо только они выводят души из ада.

Сейчас, в настоящее время, воздержись от божественного причащения и напиши мне, что зло уже прекратилось. И после этого мы назначим небольшую епитимью, в соответствии с тем, что подобает.

Я совершу молебны, не семь, а множество, дабы тебе помогли Господь и Его Святая

Матерь.

Итак, не печалься. Все это прощает Всеблагий, только пусть это не повторяется. Он тебя просветит, чтобы ты стала новой, белой, как голубица. Только об одной милости я тебя прошу, - чтобы этого больше не было.

Я забочусь о тебе, пока жив. Побеспокойся. Приближаюсь к смерти. Очень тяжело болен. Жду часа. Хочу привести тебя в хорошее состояние. Усердно просил, чтобы Господь и Его золотая Мамочка тебя просветили. Может быть, поэтому он видел то, о чем тебе говорил.

Итак, положи доброе начало. Положи сто твоих оболгов, чтобы я положил тысячу моих золотых, и встань из грязи. Даю тебе руку - выйди из ямы. Всё - суета, ложь и обман.

Ты очень добрая. Не печалься. Не отчаивайся. Дерзай. Не бойся. Христос добр, благоутробен: Он все это прощает. Я вижу Его руку, которую Он невидимо простирает и вызывает: "Моя Василики, не плачь! Ради тебя Я пришел на землю и стал человеком".

Не плачь убожества. Тебя любит Владыка Христос. Он любочестив и милует первого, якоже последнего.

Пролей две капли слез с болью душевной, и омоется вся нечистота.

Подавай милостыню, какую можешь, заказывай литургии, молебны, делай все, что можешь, чтобы тебе открылась дорога на небеса, где получишь сторицей и жизнь вечную.

Радостью для меня будет узнать, что ты положила начало, прежде чем к тебе придет смерть, когда нам ничто не поможет.

Помни о том, что я люблю твою душу больше, чем родители, чем твои дети, которые тебя любят. Итак, не дай мне уйти из жизни опечаленным.

76. "Только будь внимательным"

и бойся, избегай греха" Жив Господь Бог!

Все у тебя очень хорошо, возлюбленное мое дитя, поэтому возлюбил тебя Христос.

И знак того, что Он тебя любит, - сама божественная Его благодать, которая еще в малых летах тебя посетила и тебя наставляет.

Итак, будь внимательным к себе и не огорчай из-за малости горького наслаждения столь Благаго нашего Бога. Это зависть сатаны, ненавидящего того, кому Христос открывает глаза души.

Итак, проснись, возлюбленное мое дитя, и будь внимательным к себе. Ибо Он видит то, чего ты не видишь. Многий в милости Христос старается открыть очи твоей души.

О, сколь Он добр! А лукавый, видя это, старается закрыть тебе глаза горьким наслаждением.

Итак, не прекращай, дитя мое, призывать имя Христово. При каждом твоём вдохе помышляй о Его божественном имени; даже если твой ум парит, ты не смущайся.

Ибо это непрестанное помышление и постоянное желание Его искать привлечет Его, и Он придет Сам, чтобы тебя увидеть; и забьет в твоём сердце освежающий источник, вызывающий: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя!"

И тогда ты будешь непрестанно радоваться гласу и сладости Владыки Христа.

Только будь внимательным и бойся, избегай греха: он падает, как снег, и все замораживает.

То, о чем ты пишешь, - это посещение Божие. Это первое посещение для каждого грешника, кающегося и обращающегося к Богу.

Будь внимательным, очищай себя откровенной исповедью. Не оставляй нечистоту греха

в себе, чтобы лукавый не нашел повода повергнуть тебя на землю.

Человек, чадо мое, ничего сам по себе не может сделать. У него никогда не было, нет и не будет силы сотворить что-нибудь доброе, если его не осенит свыше Бог.

Всякий благий помысл, всякое благое движение мыс-ли - это действие благодати Божией.

Если ты сделаешь что-нибудь без содействия твоего тела, то это твое; если же ты это сделал с помощью тела, - тело твое есть создание Божие. Если ты что-нибудь помыслил без ума, то это твое; если же ты это помыслил с помощью твоего ума, - ум твой есть создание Божие.

Следовательно, у человека нет ничего; следовательно, все начинается с Бога и в Боге заканчивается.

Это я тебе пишу руками других, возлюбленное мое дитя, ты же будь внимательным к себе. И когда я выздоровею - ибо сейчас болею - тогда напишу тебе собственноручно.

Передай мои лучшие пожелания моему возлюбленному духовному твоему отцу и скажи ему, что я нахожусь при последнем издыхании. Врач поддерживает меня уколами и говорит мне, что я выздоровею; и братия моя плачет; не дают мне уйти.

77. "Если

будешь читать жития святых и немножко трудиться ночью..." Меня очень воодушевило возлюбленное мною твое письмо, доброе мое дитя, и я желаю тебе быстро найти источник жизни.

Письма твои показывают мне, что ты не далека от источника.

Благодать уже открыла тебе вход; иди вперед, постучись еще немного частой молитвой.

И откроется не источник, а водопады небесные и источники бездны, чтобы орошалось и возрастало твое нынешнее чувство и желание любить Христа.

Воодушевление, которое у тебя есть, - это очистительная благодать Божия, которая сострадательно очищает человека.

Ибо благодать разделяется на три состояния. Первое действие называется очистительным. И когда оно очистит человека, подается ему другой, больший дар, который называется благодатью просветительной, то есть человек получает просвещение разума. И третья благодать называется совершенной, о ней мы скажем тогда, когда ты ее достигнешь.

Итак, вот сейчас у тебя есть соответствующая часть. И то доброе, что ты делаешь, то благое, что ты помышляешь, - все от благодати, как пишут святые: что нет добра не от Бога и нет зла не от диавола.

Итак, то доброе, что думает человек, - от благодати Божией.

И если сейчас ты понудишь себя к молитве Иисусовой и будешь молиться постоянно, если будешь читать жития святых и немножко трудиться ночью, быстро достигнешь того, чего ищешь, и твоя душенька будет радоваться, что тебя так возлюбил Христос.

Он - Любовь, и просит от нас любви. И тогда видно, что мы Его любим, когда мы любим и своего ближнего.

Итак, понуждай себя по силе, и я желаю тебе быстро достичь Желанного.

78. "И

ты без больших трудов... достигаешь великой меры" Очень обрадовался, дитя мое, твоему здравью и тому, что ты делаешь так много добра для наших братьев христиан. И это истина: насколько человек спешит, чтобы помочь другому, настолько избыточествует в нем благодать Господня; ибо любовь - это заповедь Божия, первая и величайшая: "Возлюбиши Господа Бога твоего от всея души и сердца твоего"^[150]. И вторая, подобная ей: "И искренняго твоего, яко сам себе". "В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят"^[151].

Итак, насколько жаждет человек спасения своего брата, настолько душа его наполняется любовью Божией.

И ты без больших трудов, без подвигов, быстро достигаешь великой меры. Поскольку любовь заключает в себе всё.

Она "не превозносится, не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла"^[152] и т. д.

Видишь, что любовь заключает в себе всё и быстро наставляет к бесстрастию того, кто ей прилежит? И хорошо сказал возлюбленный ученик Господа, что "Бог любви есть, и пребывая в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем"^[153].

Видишь, дорогое мое дитя, что Господь всегда с тобой, когда ты хранишь Его заповеди, а благоуханный ангел измеряет твои шаги и все твои дела?

Прочти благоговейно Ветхий Завет, и почерпнешь божественный нектар веры и любви: там Бог непосредственно говорил с ними и ангелы их наставляли.

Бог - везде, и нет места, где нет Бога. Чем благоговейнее ты к Нему относишься, тем благоговейнее Он относится к тебе.

Ты Его зовешь: "Боже мой, где ты?" И Он отвечает: "Я здесь, чадо мое! Я всегда рядом с тобой".

И внутри, и снаружи, и вверху, и внизу, и где бы ты ни оказался, все вызывает: "Бог!"

О Нем живем и движемся^[154]. Богом дышим, Бога вкушаем, в Бога одеваемся.

Все воспевает и благословляет Бога. Все творение вызывает.

Все видимое и невидимое чудесно говорит и славословит Творца.

Всякое дыхание да хвалит Господа!^[155] Всегда носи у себя в кармане святое Евангелие, и, когда находишь удобную минуту, прочитывай зачало. Христос дает тебе свет и наставляет тебя в Своих заповедях. Делает полной твою любовь и наставляет тебя подражать Ему.

Призывай постоянно Его Мамочку, читай Ей акафист, и Она будет тебя покрывать, всегда будет сохранять тебя от всякого зла.

Покупай книги "Паломник", раздавай их нашим братьям христианам, чтобы они получали духовную пользу.

Всегда носи на груди иконочку Пресвятой, прикладывайся к ней, когда садишься и лежишься спать.

И чем больше ты будешь Ее любить, тем больше Она будет любить тебя; и при любых обстоятельствах, когда ты будешь Ее призывать, почувствуешь Ее ощутимую помощь и утешение.

Она всегда и непрестанно ходатайствует обо всех чадах, которые с теплотой Ее призывают.

79. "То есть все желание

души должно поглотить Бога" Волна радости наполнила мою душу, дитя мое, от твоих

прекрасных слов, что тебя посетила благодать благословенного и святого нашего Бога. И сейчас, мое возлюбленное дитя, я снова начал выздоравливать.

Сорок дней я ничего не ел. Три раза возле меня дежурили ночью, думая, что я умираю, но опять не настал час. Мои детки постоянно плакали; служили мне, как ангелы Божии. Наконец, сейчас я снова могу держать ручку, начал писать, отвечать тем, которые пишут и ждут.

Ты мне пишешь, возлюбленное мое дитя, о благодати, которую почувствовал в своем сердце; и я начинаю слово о любви.

Так как Бог весь любовь и все, что Он сотворил, вышнее и нижнее, появилось по Его великой любви, то Он не попросил у человека ничего другого, кроме любви.

Передавая письменный закон Моисею, устанавливая первую и самую великую из всех заповедей, Он взывает к нему: "Возлюбиши Господа Бога твоего от всея души, от всего помышления, от всея крепости"^[156].

То есть, все желание души должно поглотить Бога. Чтобы ведение, чувство, мысль, созерцание, озарение и всякое движение ума, - все во всем постигало Бога. И чтобы человек, брение, воздавал "Твоя от Твоих".

Воистину преславное величие! У всех добродетелей и божественных дарований есть чувство и действие; а божественная любовь, когда человек сподобится возлюбить Любящего, превосходит чувство; и еще сильнее действует божественная любовь. И царствует созерцание.

Тогда взывает движимый божественной любовью: "О Иисусе мой, сладкая любовь! Прежде чем я увидел Тебя, Ты увидел меня.

О свет души моей! Прежде чем я узнал Тебя, Ты дал мне узнать Самого Себя. И прежде чем возлюбил я, возлюбил меня Ты.

О жизнь и сладкое мое дыхание, я был во тьме, и Твой сладкий голос меня разбудил и позвал. Я увидел Тебя, когда Ты меня познал. Ведение Твое есть созерцание Тебя.

О радость моя и душевное веселие! О небесное рачение! О любовь горящая и несожигающая!"

80. "Когда возлюбишь

Бога, тогда и ближнего своего возлюби, как самого себя"

Итак, возлюбленное мое дитя, когда загорается эта любовь, тогда мы приступаем ко второй заповеди Божией. Когда возлюбишь Бога, тогда и ближнего своего возлюби, как самого себя. Слышишь, что говорит Господь, дитяtko мое? Когда ты, возлюбленное мое дитя, жаждешь принести пользу своему брату, и идешь, и говоришь ему то, что знаешь, стремясь ему помочь, - это любовь к ближнему: ты любишь брата своего, как самого себя.

И то, что, как пишешь, ты ощущаешь в своем сердце и что вызывает у тебя радость-веселье, - это любовь Божия, которая начинает действовать в твоей душе.

Итак, если ты наблюдаешь за собой и постоянно читаешь Иисусову молитву, а также помогаешь своим младшим братьям, то зажигаешь огонь любви Божией в своей душе. И насколько сильно ты жаждешь и спешишь помочь другому, настолько сильный поток любви изливает Бог, чтобы напоить тебя.

И когда ты слышишь апостола Павла, говорящего: "Кто может мя разлучити от любве?"^[157] - то это говорит не Павел, а сама любовь взывает к любви в сосуде Павла.

Поэтому "пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем"^[158], яко Бог любви есть^[159]". И когда эта любовь воспламенится в человеке, то горит и не опалает. Он жаждет, но жажда

не ослабевает. Сердце пылает от любви, взывает: "Где Ты, сладкая моя любовь, Иисусе мой, свет моей жизни?"

И еще сильнее пылает, пока не перестанут действовать чувства.

Итак, дорогое мое дитя, не проси ничего другого, только любви: "Сподоби меня, Господи, возлюбить Тебя, как Ты возлюбил меня!"

И сейчас уже достаточно, дитя мое, так как я устал, ибо меня сильно мучает одышка. Я послал тебе и другое маленькое письмецо, которое написал отец Ефрем: тогда я не мог держать ручку. Сейчас, слава Тебе Боже, снова начинаю писать.

Будь очень осторожен с еретиками, дитя мое. Там, где ты сейчас находишься, - чужие племена и языки...

Вообще не разговаривай с ними, ибо твоя чистая душенька оскверняется от их хульных слов. Наша Православная Церковь их отлучила.

81. "Я

никуда не выезжаю... здесь почию, с отцами моими" Не прошло и четырех дней, как я послал тебе письмо, дитя мое, и начал писать для тебя маленькое сочинение, чтобы оно было у тебя для памяти.

После того как ты уехал от меня, я принял на себя обязанности твоего духовного отца: молиться о тебе не как о чужом, но как о возлюбленном моем чаде. И, кроме литургий и других молитв, я совершаю за тебя каждую ночь еще шесть четок.

Благодарю за все, что ты сделал для нас. Теперь не беспокойся.

Имей терпение в своих скорбях и болезнях и призывай Христа молитвочкой; пусть она не сходит с твоих уст. И сладкая Его и сладкая наша Мамочка да покрывает тебя от всякого зла.

Я послал тебе и другой листочек, второй, сейчас посылаю тебе третий. Но мне стало хуже, не знаю, смогу ли написать еще; если нет - буду молиться о вас в иной жизни.

Молитва моя всегда будет с вами. Имейте помощниками Христа и Пресвятую, пусть Их сладчайшие и желаннейшие имена всегда будут в вашем уме и сердце. И этого достаточно вместо многих молитв.

Не огорчайся, что не находишь благодати в своей молитве. Она придет опять. Она отступает для того, чтобы ты ее искал с большим желанием. А когда она приходит, будь более внимательным, чтобы ее не потерять. И она снова уходит.

И таким образом ты становишься человеком совершенным, опытным делателем, чтобы с безопасностью наставлять и других на путь спасения.

Итак, понуждайте себя и остерегайтесь сетей диавола. Ибо нуждницы восхищают Царствие Небесное^[160].

Обо всем, что ты мне пишешь, позаботились твои духовные братья, и сегодня пришли врачи и уколы, но над всеми рука Господня.

Я написал тебе, что одышка - от болезни сердца, но по сути она от Бога.

Ибо, поскольку молодым я подвизался по произволению, теперь нам нужно подвизаться вопреки произволению, дабы иметь и большую награду.

Я все это вижу, дитя мое, но что мне делать? Братья твои не успокаиваются. Хотят меня оживить. Я вижу: надо мной рука Господня. Плачу, убогий, безутешно и напрасно. Кричу им: "Дайте мне умереть!"

Я никуда не выезжаю. Никуда не поеду, чтобы не умереть по дороге; здесь почию, с отцами моими.

Целую тебя. Смиранный о. Иосиф

Часть 2. Письмо исихасту-пустыннику

Послание некоего монаха, подвизавшегося на Святой Горе, разделенное на главы и содержащее вкратце:

- а) практические советы об уставе трапезы и молитвы, то есть о том, как проводить двадцать четыре часа дня и ночи;
- б) ответы на вопросы о прелести и благодати, о знании и мудровании, о смирении и любви, о двоякой борьбе с бесами, о трех состояниях естества, о совершенной любви;
- в) и другое, что он постиг, видел и слышал и о чем пишет своим духовным чадам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чадо, возлюбленное о Господе, радуйся, и благодать Бога Отца, Сына и Святого Духа - на твоей душе. Аминь.

Так как я вижу, чадо мое, что ты, как жаждущий олень, стремишься к источникам небесных вод божественной благодати и взыскуешь их с горячей любовью, то, несмотря на свою безграмотность, предпринимаю сие, забывая меру своей неспособности и неучености, полагаясь на молитвы моих отцов. И ныне с Божией помощью и вашими святыми молитвами начну с начала рассказывать тебе о монашеском и подвижническом житии и о том, каким образом удостоивается монах Небесного Царствия и по благодати и милости Божией становится причастником вечных благ.

Ты же, чадо мое, не ленись это изучать, а каждый день прилежно читай, пока это не запечатлется в твоей душе и не произведет плоды добрые и благие. И не принимай это за простые слова, ибо они не таковы, но суть слова делания святых отцов, просвещенных божественной благодатью. Ими я был научен и плод их отчасти вкусил. И, будучи безграмотным, многие труды приложил, чтобы тебе их написать. Как и возделыванию их предавался до крови. И теперь полагаю их готовыми пред твоими очами, как трапезу с разнообразными кушаньями и как райский сад из разных деревьев, полных плодов.

Итак, не неради, но, срывая, вкушай их каждое мгновение, чтобы жить жизнью вечной и избежать плода познания, который съели прародители и умерли.

Сие да будет, Господи, сохранится нам от запретного плода, Тобою же, сладчайшим нашим Богом, да просветимся истиной, Емуже слава и держава во веки веков. Аминь. ^[161]

1. О

монашеском уставе и житии, или как проводить двадцатичетырехчасовые сутки

И вот, чадо, начинаю сперва повествовать тебе, как подобает проводить время. Хотя и часто, в тысячах поучений и писем, я тебе говорил это, все же снова вкратце излагаю тебе отчасти необходимое. И послушай устав.

В семь часов пополудни - время святогорское ^[162], - после того как съешь положенную тебе еду, поспи три или четыре часа. И когда проснешься, соверши вечерню по четкам. И когда закончишь, готовишь кофе как помощь в бдении. И когда его выпьешь, начинаешь повечерие. Тихо, без голоса и без света. Читаешь и акафист Пресвятой Богородице. И когда закончишь, встань, если можешь, прямо, держа руки скрещенными, и читай эту молитву в

уме, без света, ибо свет рассеивает ум:

"Господи Иисусе Христе, сладчайший Отче, Боже и Господи милости и всея твари Содетелю, призри на смирение мое и вся грехи моя прости, яже во все жития моего время содеях даже до сего дне и часа, и посли Пресвятаго и Утешительнаго Твоего Духа, яко да Той мя научит, просветит, покроет, еже не согрешати, но с чистою душою и сердцем чтити и поклоняться, славословити, благодарити и возлюбити от всея души и сердца Тебе, сладчайшаго моего Спаса и Благодетеля Бога, достойнаго всякия любви и поклонения. Ей, Благий Отче Безначальный, Сыне Собезначальный и Пресвятой Душе, сподоби мя просвещения божественнаго и духовнаго ведения, да созерцаю сладкую Твою благодать, ею понесу тяготу сего моего нощнаго бдения и чистыя воздам яже к Тебе молитвы моя и благодарения, молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых. Аминь".

Скажи затем и свои собственные слова, какие можешь и как знаешь, побуждая благоутробие Божие к милости и любви. И когда сильно устанешь, присядь. И приведи себе на ум разные благие воспоминания: смерть, вечные мучения, Суд Второго Пришествия. И восплачь, сколько тебе даст Бог. И затем направь свой ум в рай, к наслаждению праведных, к вечным благам. И благодари Благаго Спасителя и Благодетеля Бога.

И затем поднимаешься и совершаешь правило. И снова садишься. И читаешь жития святых и другие умилительные и полезные книги. И если придет к тебе сон, поднимаешься и начинаешь службу^[163]. И когда все закончишь, включая часы и молебен по четкам, как я тебя научил, тогда садишься и отдыхаешь. Немного спишь, пока не рассветет.

И когда встанешь, пьешь что-нибудь горячее с двадцатью пятью драми^[164] хлеба или сухарей. И начинаешь заниматься своей работой, непрестанно творя умом Иисусову молитву. И если у тебя есть время, читаешь и молча плачешь. И готовишь свою еду в меру, как я тебя научил, пользуясь как мерой банкой из-под молока^[165]. И из одной такой банки, наполненной сухой фасолью или рисом, получается две тарелки еды и хватает на два дня, поровну на каждый. И когда еда как следует сварится, ешь в 7 часов (1 час) после полудня^[166] с пятьюдесятью драми хлеба или сухарей. И, если разрешен елей - во вторник, четверг, субботу и воскресенье, - кладешь его в тарелку, до десяти драми. И, если у тебя есть, кладешь немного сыра, яйцо, сардину или десять маслин. И то, что у тебя есть - фрукты или сладости, - ешь на трапезе всё и понемногу во славу Божию. Ешь и имей смирение, чтобы не осуждать других.

И после полудня у тебя нет благословения принимать для беседы никого - ни монаха, ни мирянина. Кто бы это ни был, пусть приходит утром.

Этот устав должен соблюдаться. И будь то Пасха, или Рождество, или Масленица, всегда ешь один раз в день. И начиная с Чистого Понедельника не соблюдай трехдневного поста, а пей в эти три дня что-нибудь горячее с небольшим количеством хлеба или сухарей, когда стемнеет.

И во всем имей меру и рассуждение. Но поскольку я тебе это часто говорил и устав ты уже знаешь, то не буду повторяться, ибо по прошествии долгого времени делание с помощью благодати умудрит вас во всем остальном. Аминь.

2. В

ответ на вопросы того же Вот поскольку ты узнал, чадо, как тебе проводить время, узнай и то, о чем ты меня спрашиваешь и что желаешь узнать. И сперва скажем о том, что ты,

по твоим словам, слышишь в себе: "Свят, свят..." и прочее, как ты мне пишешь. Я думаю, чадо мое, что ты спишь и это слышишь. Ибо бывает такой, очень тонкий, сон у подвижников, когда их тело изнемогает. Он стоит или сидит, и сон его окрадывает, а он не замечает. И тогда он видит это во сне и думает, что бодрствует, но это не так. И доходит до того, что он спит всю ночь и не знает об этом. А ты попробуй ночью бодрствовать, читать стоя. Ходи по комнате, умывай лицо, чтобы бодрствовать, - и тогда узнаешь, как ты это видишь. Ибо все подвижники видят это во сне. Если ты снова все это увидишь бодрствуя, то, опять-таки, это не прелесть. Бес такого не говорит: "Поклоняюсь Отцу, Сыну и Святому Духу".

Также ты пишешь мне о взигрании сердца, которое, по твоим словам, чувствуешь. Об этом знай, что, когда человек очистит свою душу и будет зачат в нем Новый Адам, наш сладчайший Иисус, тогда сердце, не в силах сдержать радость и то неизреченное наслаждение, которое нисходит в сердце, ликует, и глаза источают сладчайшие слезы, и весь человек становится как пламя огня от любви Иисусовой. И ум весь становится светом, и изумляется, и удивляется славе Божией. Не так, как ты мне пишешь, что помрачаешься и не знаешь, где находишься. Итак, это ты понимаешь ошибочно, и будь внимателен.

Еще ты говоришь мне, что тело обессиливается и делается как мертвое. А я тебе скажу, что хотя тело часто обессиливается, но ум делается весь оком, и сердце чувствует большую сладость и безмерную радость. Наконец, и это, - если это так, как я тебе пишу, - опять-таки, не великая мера, а мера новоначальных. Когда душа очищается, тогда она это видит. Однако когда она очистится совершенно, то видит иначе, о чем я тебе не пишу, ибо ты не можешь понять. Сейчас говорю тебе только это. Молись Богу, чтобы Он дал тебе познание духовного рассуждения, как ты должен мыслить и что должен иметь в своем уме, пока не удостоишься подлинной истины. Истина же есть Христос, Ему же слава и держава во веки ^[167]. Аминь.

3. О

духовном делании разума и о том, как мы должны мыслить. Итак, чадо, ты ясно узнал ответы на свои вопросы. Послушай и о том, как ты должен воевать с врагами. И внимательно прочитай это много раз, как урок. Чтобы ты знал, чего просить и как ты должен бороться с помыслами гордости, когда они тебе говорят, что ты уже стал святым или что у тебя уже есть благодать и ты много плачешь.

Говори Господу так: "О возлюбленный мой, сладчайший Иисусе Христе! Кто обо мне Тебя попросил и кто помолился, чтобы Ты привел меня в этот мир и чтобы я родился у родителей добрых и верных христиан? Ибо столь многие другие рождаются у турок, католиков, масонов, и евреев, и язычников, и прочих, которые не веруют в Тебя, но суть как бы не родившиеся совершенно, и вечно мучаются. Итак, сколь должен я Тебя любить и Тебя благодарить о такой великой благодати и о благодеянии, которое Ты мне сделал? Если и кровь свою пролью, не смогу Тебя отблагодарить.

Но и опять, Спасе мой сладчайший, кто обо мне Тебе молился, чтобы Ты меня терпел столько лет, с детства согрешающего, и не отяготился мною, когда видел меня, обижающего, воруящего, гневающегося, чревоугодника, лихоимца, завистника, ревнивца и полноту всякого зла, и Тебя, Бога моего, делами своими оскорбляющего?

Ты же, Господи мой, не послал смерть, чтобы та взяла меня во грехах, но с готовностью меня терпел. Ведь если бы я умер, вечно бы мучился! О благодать Твоя, Господи!

И кто, опять-таки, обо мне Тебя умолял, чтобы Ты привел меня к покаянию и исповеди и

облек меня в великий и ангельский образ? О величие Твое, Господи! О страшное Твое и величайшее домостроительство! О богатство Твоего дара, Владыко! О неоскудные Твои сокровища и неизъяснимые таинства! Кто не содрогнется, дивясь Твоей благости? Кто не поразится, взирая на Твою богатую милость? Трепещу, Владыко, поведать Твой богатый дар.

Владыка и Господь мой распинается, дабы спасти распявшего. Я грехами своими распинаю моего Создателя, и Создавший меня меня освобождает! О сладкая любовь Иисусова, в каком я перед тобой долгу! Нет, Создатель мой, не за вечную жизнь, которую Ты мне обещаешь, должен я Тебя любить; не потому, что Ты мне говоришь, что дашь мне Твою благодать, и не за рай, но я должен любить Тебя за то, что Ты освободил меня от рабства греху и страстям".

О великое чудо! Какой купленный раб просит платы за то, что работает на своего господина? И как он может просить свободы, если должен деньги за свой выкуп? Вот Царь и Господь всех ради тебя распялся и освободил тебя от рабства бесам. И дал тебе заповеди как противоядие от страстей, дабы, исполняя их, ты избежал одолевающих тебя страстей. Он говорит тебе: "Не блуди". И ты трудишься, чтобы стать целомудренным, ибо, если не понудишь себя стать целомудренным, неизбежно станешь блудником. "Не кради" - чтобы ты стал честным, а если не понудишь себя стать честным, обязательно станешь вором. "Не будь сребролюбцем" - чтобы ты был милостивым, а если не понудишь себя стать милостивым, станешь сребролюбцем. "Не объедайся" - чтобы ты стал воздержанным. "Имей любовь" - чтобы ты не был завистливым. Так и все добродетели.

Итак, освободив нас вначале в божественном крещении, Господь дал нам Свои божественные заповеди как противоядие от страстей, чтобы мы вновь не впали в рабство греху. Итак, не то чтобы мы работали для Бога и Он должен был нам плату, не то чтобы мы работали ради вечной жизни, но мы работаем как рабы купленные, чтобы не стать рабами бесов. Мы должны работать, потому что были выкуплены. И поскольку мы в долгу, то обязаны служить Ему с великим смирением, храня все Его святые заповеди. И если окажемся верными рабами, то Господь даст нам даром Свою божественную благодать и избавит нас от страстей. И Небесное Свое Царство нам дарует, говоря: "Прииди, рабе благий и верный! О мале явился еси верен, над многими тя поставлю..."^[168] Видишь, чадо? Он не говорит нам: "Иди, Я дам тебе за твои труды, которые ты для Меня совершил", но дает нам по великой Своей благости милость любви - сладкую Свою благодать. Забирает у нас и докучающие нам страсти и, вообще, удостаивает нас Своего Царствия.

Итак, когда ты приступаешь к исполнению своего долга, к молитве, приступай с великим смирением, прося милости Божией. Не так, как будто Он у тебя в долгу и обязан дать тебе благодать, но как будто ты узник, и просишь благодати, чтобы Он тебя разрешил, говоря:

"Владыко, сладчайший Господи наш Иисусе Христе! Посли святую Твою благодать и разреши мя от уз греха. Просвети мою тьму душевную, да уразумею Твою беспредельную милость и возлюблю и возблагодарю по достоинству Тебя, сладчайшего моего Спаса, достойного всякой любви и благодарения.

Ей, благий Благодетелю мой и многомилостивый Господи, не отрини от нас Свою милость, но умилосердись над Своим созданием.

Вем, Господи, тяжесть моих прегрешений, но вем и Твою несказанную милость. Зрю тьму бесчувственной моей души, но верую с благими надеждами, ожидая божественного Твоего просвещения и избавления от лукавых моих зол и губительных страстей предстательством сладчайшей Твоей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых. Аминь".

Не прекращай молиться так до последнего твоего издыхания, и Бог силен исполнить

4. О

внимании: если придет к нам божественная помощь, как нам бороться с помыслом самомнения

Ты узнал, чадо, как тебе мыслить, - узнай и то, как тебе вести брань. Если Благий Господь нас посетит, и освободит нас от страстей, и покажет нам Свою беспредельную любовь, не думай, что тебе уже не нужна осторожность. Но знай, что пока мы нищие, то просим богатства. А когда разбогатеет, тогда больше боимся, чтобы не уснуть или не вознерадеть и чтобы не пришли разбойники и не похитили у нас сокровища.

И послушай пример о разбойниках. Во время молитвы пришло к тебе божественное просвещение, ты чувствуешь радость и невыразимую сладость. Сразу же разбойник - самомнение - приходит и говорит тебе тайно: "О! Сейчас ты стал святым!" Скажи ему: "Замолчи, злой бес, потому что, если и до третьего неба взойду, моего нет ничего". И вот что говорит Павел: "Восхищением был восхищен и слышал неизреченны глаголы"^[170]. Итак, неужели он взойшел по своей воле? Нет. И если другой его ведет, то есть ли у него что-нибудь свое? Нет. Вот, опять-таки, что он говорит, когда весь мир спасал проповедью: "Не по своей воле совершаю это, но действующим во мне Христом".

Видишь, чадо? Что было у него своего, если другой его вел? Итак, говори и ты злой гордыне, что если взойду на небеса, и увижу ангелов, и буду говорить с Господом, то моего нет ничего. Ибо пожелал Царь взять брение, грязь из болота и положить его возле Своего престола. Разве Он не Царь? Делает что пожелает. Но разве может брение гордиться тем, что оно рядом с Царем? Нет. Но, скорее, должно удивляться благодати и смирению Царя. Как не побрезговал Он грязным брением, а положил его возле Себя! И как из грязи тебя поднял, так и опять, когда Сам пожелает, бросает тебя в твоё естество, в грязь. Итак, и когда Он тебя поднял, не было никакого твоего преуспевания, и когда Он тебя бросит туда, откуда взял, ты не должен печалиться, но должен говорить: "Я, Господи, достойный сын ада, и не жалуюсь, ибо совершал и совершаю его дела. Итак, Ты пожелал - и возвел меня на небеса, Ты желаешь - и бросаешь меня в ад. Да будет Твоя святая воля".

Лишь тогда ты должен печалиться, когда совершаешь грех и падаешь. И печалиться не потому, что упал, но потому, что опечалил Бога после столь великой любви, которую Он тебе показал, а ты оказался неблагодарным. Но и опять возобнови надежды, чтобы подняться. Не отчаивайся, что согрешил. Если же ты и без твоего собственного греха изменился, не бойся, а радуйся, что видел блага Божии и приобрел большую веру и горячую надежду, что милостью и человеколюбием Божиим станешь наследником того, что видел. И понуждай себя, чтобы приобрести большее смирение.

Когда опять внушает тебе злой бес, что ты выше других монахов, говори ему: "Замолчи, бес, ибо если пожелает Господь излить Свою божественную благодать на всех людей, все станут такими же". Итак, в чем виноват тот, у кого нет благодати или есть, но мало? Вот Господь дает одному пять талантов, а другому дал два. Разве виноват получивший два? Нет. Господь знает, что полезно каждому. Однако, хотя Он и дал ему два, тот услышал такой же глас: "Вниди в радость Господа твоего"^[171]. Не сказал ему: "Почему и ты не сделал из них десять?" Итак, видишь, чадо, что, если и ты получил много от Бога, Он много с тебя спросит?

Итак, получивший великую благодать не вправе презирать или осуждать не имеющего, и

не имеющий такой благодати не должен печалиться или роптать, что Бог и ему не дает подобное. Но имеющий благодать должен терпеть не имеющего ее, вынося все его телесные и душевные немощи, и направлять его с рассуждением на духовный путь, пока тот, соответственно, не удвоит талант или, вернее, пока не придет луч света, чтобы открыть и просветить и его душевные очи, для того чтобы он увидел свой недостаток и без рассуждения слушался того, кто больше его.

Итак, чадо, вот образ мысли, согласно которому мы должны мыслить: что без помощи Святого Бога мы не можем сделать ничего, как говорит нам Господь: "Без Мене не можете творити ничесоже"^[172] и "Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий"^[173]. Итак, мы должны просить, чтобы нам было дано и духовное ведение с рассуждением. Ибо без одного и то, что нашим очам кажется добрым, на самом деле - злое и противоположное. И там, где мы видим мед, - на самом деле яд. Ибо рассуждение видит, измеряет и взвешивает, а ведение изгоняет и упраздняет всякую злобу и гордый помысел, смирение собирает, а благодать и любовь хранит, как глава всех добродетелей. Ради которой и сладчайший Иисус пришел и распялся, дабы явить нам Свою беспредельную любовь, которую имеет к Своему созданию. Тому слава и держава во веки^[174]. Аминь.

5. О том, как приходит

божественная благодать и как ее отличить от прелести, и о кратком пути

Итак, послушай, чадо, как приходит божественная благодать и как она узнается. Мы говорим, что тот, кто вкусил вина, после, если ему дадут уксус, отличает его от вина. Так разумеи и о божественной благодати. Вкусивший ее вначале потом распознает прелесть. Ведь бес притворяется благодатью, однако вкусивший от плода истины, как мы сказали, отличает плод прелести. Ибо стоит уму лишь взглянуть на прелесть, как сердце человека наполняется смятением. Ум помрачается, и даже волосы становятся дыбом. И она раздувает его, как парус. А божественная благодать - сладкая, мирная, смиренная, тихая, очищающая, просвещающая, радующая, и нельзя допустить никакого сомнения, что она есть божественная благодать.

И смотри, хорошо запомни, каким образом приходит Божия благодать и как отличить путь истины от прелести.

Мы говорим, что монашеская жизнь такова: когда благодать Божия просветит человека и он уйдет из мира, то приходит в общежительный монастырь, то есть к многочисленным другим братьям. Оказывает всем послушание и находит успокоение, соблюдая Божии заповеди. И, исполняя установленные для него духовные обязанности, ожидает с благими надеждами милости человеколюбца Бога. Таков общий путь, которым шествуют многие отцы. Однако есть и другой путь - короткий, о котором мы и ведем речь. Этот краткий путь - изобретение не человеческого знания, но Самого Оного Владыки, Который наставляет каждого, как того желает Его святая воля.

И когда человеколюбивый и благий Бог пошлет луч божественной Своей благодати в сердце грешника, тот сразу поднимается, ища духовников для исповедания совершенных им злых дел. Ищет и пустыни, и пещеры для хранения себя от страстей и исправления прежних зол трудным житием, голодом, жаждой, холодом, жарой и другими подвигами. А Господь дает ему еще больше теплоты, которая, как пламенеющая печь, разжигает его сердце горячей любовью к Богу, безмерную ревность для исполнения Божиих заповедей и безграничную ненависть к страстям и грехам.

Тогда он начинает с великой готовностью расточать все свое имение - малое или

большое. И когда он станет совсем нищим и отчасти исполнит божественные заповеди, тогда, не в силах более сдерживать любовь и желание пустыни, он бежит, как олень, жаждущий пустыни, ища наставника и руководителя для восхождения к духовному житию.

Однако, к сожалению, поскольку ныне почти исчезли хорошие наставники и очень немного тех, кто идет по этому пути, он плачет и рыдает, не находя того, что было в старые времена, как ему хотелось бы. Но что же ему делать с такой великой ревностью о безмолвии? Он исследует и ищет самого опытного наставника, и повергает себя в послушание, и с молитвой и благословением начинает духовные подвиги.

Здесь сейчас многие, имеющие такое рвение, восприняли святой монашеский образ и по молитве и благословению своего старца удалились в уединение для безмолвия. И время от времени приходят и советуются. А другие остаются вместе и имеют благословение в определенное время безмолвствовать и исполнять все добродетели: плакать, бдеть, поститься, молиться, читать, посильно творить поклоны и вообще заботиться о чистоте и воевать со страстями. И когда кто-нибудь, как мы сказали, тем или иным образом преуспеет в безмолвии, то еще больше предается подвижничеству.

Однако здесь необходимо внимание. Ибо многие отделились от братьев не по пламенной любви Христовой и желанию подвигов и скорбей, а желая безмолвия для служения своим страстям. Ибо не терпят они послушания и оскорблений, но любят свою волю и, став рабами страстей, - мы имеем в виду гнев и похоть, - служат им и так совершенно прельщаются.

Тот же, кто безмолвствует поистине ради Христа, постоянно проливает слезы, оплакивая свои грехи. И прилежит всякой добродетели. И с горячей верой предает себя подвигам до смерти. И, погружая ум в сердце, понуждает себя, вдыхая и выдыхая, произносить молитву: "Господи Иисусе Христе... помилуй мя!" - и собирает ум, согласно указаниям святых трезвенных отцов.

И, проходя все это и болезненно ища воли Божией, он начинает тайно, мало-помалу, умно чувствовать Божию помощь. И та, как некая баня, мало-помалу его очищает, умягчает его сердце для умиления, для плача, для послушания, для ревности и большего пыла. И, как некая мать, его носит и воспитывает его, как младенца. А когда благодать отходит, он, не ведая мудрости Святого Бога, плачет и рыдает, ища ее. И прилагает посты к постам, стояние и бдение, молитвы и прошения, полагая, что ими привлекается Божия благодать. А искушения всячески его огорчают, чтобы он еще больше просил со слезами божественной помощи - таково домостроительство Божьего промысла для его воспитания.

И когда снова придет божественное посещение, он, как младенец, начинает кричать: "Ах, ах! Как же ты меня оставила - бесы чуть не задушили меня! Не уходи больше! Ах! Что мне сделать, чтобы тебя удержать?" Думая, как младенец, что благодать приносят подвиги, и о том, что ему сделать, чтобы ее удержать. А Бог, когда тот снова достаточно ее вкусит, сразу уходит. Но мало-помалу она приходит скорее и больше. А младенец по разуму и ведению начинает привыкать и смелеть, думая, что она уже дана ему как плата за его труды.

И в течение трех или четырех лет подряд он видит Божию благодать, постоянно упражняющую и умудряющую его, и свои страсти умягчающиеся, и бесов, не могущих долго воевать с ним благодаря защите божественной Божией благодати. И если он бодрствует, то имеет как утешение слезы и когда ходит, и когда трудится. Если же он молится умно, имеет умное ощущение светлого облака, которое иногда его посещает. Если, опять же, спит, пусть и немного, видит прекрасные сны - рай со сверкающими, как золото, цветами и царские дворцы, несказанные и ярче солнца сияющие, и многое другое и разное, вокруг чего, когда он проснется, вращается его ум и что подвигает его к горячности и ревности, - дивясь красоте вечных благ и тому, что когда-нибудь удостоится стать их наследником.

Однако, чадо, и здесь нужны внимание и рассуждение, чтобы он не верил некоторым снам, но знал бы, от Бога они или от бесов. Но так как не все имеют такое рассуждение, то пусть он не верит снам вовсе. Впрочем, сновидения от Бога распознаются. Иногда он видит их в глубоком сне, иногда в тонком, как спящий и при этом не спящий, и в течение короткого времени. А когда просыпается, то полон радости, они увлекают ум и вызывают у него созерцание. И он целые годы их вспоминает, и они остаются незабываемыми. А сны от бесов наполняют душу смущением. И когда человек просыпается и ум хочет вспомнить виденное, то наполняется страхом. И сердце этого не принимает. Но и когда он это видит во сне, видения не останавливаются, но изменяются в видах и образах, в местах и способах, в поступках и движениях. И по этим изменениям, и по смущенности и отвратительности, ты можешь узнать, откуда они. Бывают и другие сны, от мечтания ума и от многоядения, впрочем, нет нужды о них рассказывать. Но сердце подвижника, когда он спит, непрестанно занято молитвами, как мы сказали в другом месте.

Итак, младенец, видя все эти блага и не имея необходимого ведения, чтобы безошибочно узнать и различить промысл Божий, ибо пока еще ест молоко и не приобрел еще чистых очей, но до сих пор источает свет и тьму вместе и дела его смешаны со страстями, начинает поэтому помышлять, что за его подвиги и скорби вот что дарует ему Бог. А злой бес тайно сеет отраву, как когда-то Еве. И младенец открывает свои уши. Это происходит и по Божьему попущению, чтобы он научился смирению.

И начинает лживый бес говорить ему. "Видишь, - говорит он ему, - тех, которые говорят сегодня, что Бог не дает благодати? Видишь? Так как они не хотят подвизаться, препятствуют и другому человеку и говорят ему: "Прельстишься, упадешь, изнеможешь"".

И многому другому учит его древнее зло. А он, не ведая сети, которую оно ему плетет, ибо он неопытен в брани, окрадывается и принимает ложь за истину, а может быть, и по домостроительству Божию, как мы сказали, чтобы оно его умудрило и он не оставался бы всегда младенцем.

Слава премудрости и ведению Бога, Который многообразно устроит исцеление нашей души. Слава и хвала всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

6. О том, как впадают

в прелесть таковые подвижники, когда у них нет наставника, и каково лекарство для их исцеления

Вот ты услышал, как приходит благодать. Послушай и о том, как впадают в прелесть. И от подвижников требуется большое внимание.

Ибо многие пали прежде и сегодня падают каждый день. Так, когда кто-нибудь примет ложь за правду, превозносясь, начинает говорить и учить, что человек хочет и не делает. Что если захочет и понудит себя, станет сосудом благодати. И, гневно споря с несогласными, такой мало-помалу впадает в прелесть и становится рабом беса, утверждая, что все пойдут в ад, ибо ни у кого нет ведения, кроме него. И прекращает слушаться тех, которые говорят ему полезное. И затворяется в уединении, исполняя волю живущего в нем беса. И если останется в затворе, бес его или утопит, или повесит, убеждая его, что он станет мучеником. А если этого и не добьется, то ввергнет такого в безразличие и нерадение, чтобы тот все оставил и только ел и упивался. И монах даже не понимает, что упал, и не просит исцеления, но думает, что хорошо подвизается и что таковы путь и истина. Человеколюбивый же Господь ожидает, чтобы тот понял, откуда упал. И если тот поймет свое падение, может исцелиться.

Вот, чадо, один из видов прелести. И лекарство от него - чтобы человек узнал, что прельстился, и со слезами обратился к опытному врачу, способному его спасти, дать подходящее лекарство для безопасности его души.

А мы давай вернемся к тому, на чем остановились. И скажем: если человек не уйдет от братьев, как тот, о котором мы сказали, но хоть и пребывает в неведении и думает, что он сам приобрел благодать, и спорит о том, что человек может, если захочет, понудить себя и приобрести благодать, то все же есть у него и страх и он говорит с естественным рассуждением: "Как я могу осуждать других, думая, что ни у кого нет ведения и только я оказался просвещенным?" И сражается с помыслами, нанося и получая удары. А благодать Божия мало-помалу удаляется и попускает ему впадать в искушения, чтобы он научился смирению. Он же, не терпя ярости помыслов и боясь прельститься, уходит, ища опытного старца, чтобы тот исцелил его рану.

И хотя все отцы хорошие и святые, и каждый из них высказывает свое мнение, однако он не исцеляется, потому что не пришло еще время, чтобы Бог открыл врача и лекарство. И поэтому он не получает извещения. И потому, что ему необходимо слово от делания того, кто выше его, чтобы его смирить и низвергнуть превозношение. И, не находя того, что ищет, - ибо нет у него терпения ждать, чтобы оно пришло, когда того хочет Господь, - еще больше надмевается. И тогда он оставляется немощи естества. Уходит благодать. Немоществует тело. Не может он, как когда-то, исполнять обычные обязанности. Его душат нерадение, уныние, тяжесть тела, безмерный сон, расслабление членов, помрачение ума, безутешная печаль, помысел неверия, страх прелести. И не в силах терпеть, он бежит искать помощи. Но, как мы уже много раз говорили, трудно найти сегодня деятельного наставника. Поэтому кто-то говорит ему есть молоко, яйца, сыр, мясо, чтобы поправиться. И он, не в силах сделать иначе, слушается. Ибо потерял терпение и охладели в нем ревность и пыл веры, и потому, что от слов всех отцов он стал как безумный. Одни ему говорят: "Ты впал в заблуждение". Другие: "Ты впал в прелесть, так и другие погибли". И каждый, в согласии со своим ведением, по любви говорит ему то, что знает. И он начинает есть, пить, копать и прочее. И становится прежний делатель трезвения торговцем, виноградарем и садовником.

И он не довольствуется даже тем, чтобы оставаться на общем пути отцов. Но или совсем оставит монашеский образ и женится, или станет, как мы сказали, рабом плоти и врагом других подвижников. И если от кого-нибудь услышит, что тот постится, бодрствует по ночам, плачет, молится, то гневается, возмущается, говоря: "Это все прелесть, ты прельстишься. В наше время Бог этого не хочет. И я это делал, и меня чуть ли не связывали цепями". И так и сам он совершенно пренебрегает своими духовными обязанностями, живя в великом бесчувствии, находясь в преддверии ада из-за грехов, в которых он ежеминутно утопает. И для других становится препятствием ко спасению. И хочет, чтобы все стали такими, как он, который прежде был пламенным подвижником, а теперь - раб бесов.

Такова, чадо, другая прелесть, которая похищает подвижников. А лекарство от нее - смирение сердца и то, чтобы он возвратился туда, где был, и с терпением ожидал милости Божией. И если придет Божия помощь, то хорошо, в противном же случае пусть он подчинится послушанию, смирится, шествуя общим путем отцов. Мы же возвратимся опять к своему.

И скажем: если тот, о котором мы сказали, выдержит подвиг, с терпением ожидая милости от благоутробия Божия, смиряясь... то, когда сперва испытает немного наставления отцов и увидит, что не происходит никакого исцеления, ибо то, что они ему дают, - лекарство неподходящее, не то, которое нужно, но должно быть какое-то другое, которое, конечно же, у кого-нибудь есть, - начинает со слезами, смиряясь, просить этого у Бога и у

людей.

А Святой Бог еще больше скрывает Свою благодать и оставляет его искушениям, пока совершенно его не смирит и не научит хорошенько тому, как он должен мыслить, ибо пока у него все еще есть гордость. И здесь уже самый большой подвиг, и испытывается чистота намерений подвижника, как золото в печи. Ибо потому, что он полон страстей, а более всего - гордости, он и предается в руки малодушия, уныния, гнева, хулы и всякой другой злобы врага. И вкушает каждое мгновение душевное удушение, и пьет от вод ада, и все его страсти возбуждаются бесами днем и ночью. А Господь стоит поодаль, не укрепляя его, как прежде.

А истинный подвижник во всех этих бедствиях не покидает своего места, но стоит, обороняясь и собирая части своего корабля, разбитого сражением с бесами. Сидит, рыдая и оплакивая свои раны. И старается исцелить свои язвы. И стойко ожидает или ослабления искушений, или совершенного их истребления. И, имея малую надежду, говорит: "Лучше умру в борьбе, чем оставлю свое место и тем будет поруган путь Божий. Ведь я имею столько свидетельств тому, что этим путем прошли все святые". А более всех других отцов нас в этом убеждает и воодушевляет авва Исаак Сирийский, похвала безмолвия и утешение подвижников.

И такими утешениями он исцеляет потихоньку уныние и проявляет терпение. Тело же исцеляет скудной дешевой пищей, чтобы вынести и вытерпеть скорби и телесные подвиги. И все силы ума вкладывает во внимание - чтобы в смятении бесов и страстей не похулить имя Божие.

И этот великий подвиг длится довольно долго, соответственно терпению каждого и сколько того пожелает Бог. Пока совершенно не очистит его от различных страстей и не приведет его к совершенному ведению, чтобы он ясно увидел, что происходит от него и что от Бога. И когда он будет должным образом испытан, начинает правильно мыслить, говоря в себе: "О смиренный и окаянный! Где то, что ты говорил, - что другие не понуждают себя и потому не преуспевают? Горе тебе - ведь еще не Господь созиждет дом ^[175] твоей души, всеу ты трудишься".

Об этом и о многом другом он размышляет и постоянно борется с бесами. Один удар наносит - десять получает.

И этот один удар, который он наносит, есть терпение. Которое Бог не забирает полностью, но немного оставляет ему, чтобы он, прилагая усилие, стоял. И некий голос тайно ему говорит: "Смотри, не сойди со своего места, ибо упадешь и совершенно погибнешь. И память твоя будет вычеркнута из книги жизни. И станешь хуже мирских!" И поэтому он терпит. А злобные бесы так с ним борются, что едва его не удушают. И во сне он их видит целые полчища. И они его мучают тысячами способов. А бодрствуя, он видит волнение всех страстей.

Всеблагий Бог да даст нам мужество и терпение, чтобы мы благополучно миновали эту душевную опасность.

7. О том, как возвращается

божественная благодать после того, как сперва хорошонас воспитает

Полезно тебе слышать, как устраивает мудрый Кормчий избавление от искушений и возвращение Своей божественной благодати.

Наконец, когда подвижник хорошо узнает и увидит немощь человеческого естества и придет в глубину смирения, тогда и Господь и говорит: "Достаточен уже подвиг душевного

удавления, поможем уязвленному". И, опять же, не посылает ангелов, чтобы его наставить, ибо естество восьмого века этого не выдерживает, и благодати не дает ему в его уединении, как раньше, чтобы тот не сказал, что она ему дана благодаря собственному его терпению и подвигу. Поэтому премудрый Бог, Который все устраивает ради пользы, Который возводит на небеса и низводит нас в ад, Который умерщвляет и животворит, Сам и ему посылает искушения для очищения и исцеления, но когда придет время их прекратить, снова особым образом и премудро совершает избавление.

Он подвигает испытавшего то же самое старца-делателя и опытного наставника, способного спасти душу, или, скорее, Сам Бог обитает в нем и говорит через него, и приводит его ко встрече. И после беседы - вот и возвращение божественной благодати. Отец говорит - и как молнии проникают в глубину сердца его слова, и божественный свет озаряет душу, и бесы убегают далеко, не в силах устоять перед старцем. Ибо в этот миг святой старец весь - божественный огонь, и слова его наполнены божественным просвещением, и советы его тонки, с великим ведением и разумением, полны созерцания, ибо им сопутствует божественная благодать. И сразу, как только они войдут в сердце, ум устремляется к изумлению и удивлению, ибо его учат вышеестественному и тому, что необходимо для поднятия великой тяжести бесовской злобы. Когда же старец хорошо его исправит и даст достаточно советов, способных спасти душу, они расстанутся. И вся зимняя ночь прошла как одно мгновение, чудесным образом, так что и не заметили, когда она миновала.

И после расставания, возвращаясь к себе, этот прежде младенец, ныне же после испытания бесами ставший искусным, возопил с рыданием, источая сладчайшие слезы любви: "Терпя потерпех Господа, и внят ми"^[176], и: "Аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя"^[177], и многое другое. И когда пришел в келлию и применил на деле наставления, сразу и избавился от того, что прежде его тиранило.

И спустя немного времени молитвами того святого старца, которого он и во сне видел и который его укреплял, он совершенно исцелился. И любовь Христова наполнила его, а страсти утихли, и пришел мир помыслов. При этом ему была дана и сила веры, происходящей от созерцания, а не, как прежде, от чтения и тайной надежды, которая есть у нас от святого крещения и правильных догматов, - веры, происходящей от созерцания, которая видит и верует. Также и все другие дары Божии, благодать и милость, приходят, как связанная цепь, хотя он об этом не просил. И когда он станет на молитву, не может сказать: "Дай мне то-то и то-то", ибо Господь дает ему более того, что он просит. И молитва его об одном: да будет воля Божия. И по временам в час молитвы им овладевает любовь Иисусова. И он непрестанно благодарит Господа о таких благодеяниях, а ум его охватывают восхищение и удивление. И дуновение божественной благодати заграждает его уста. И царствует Христос. И когда чуть пройдет созерцание, он делается как бы не имеющим тела и с удивлением вопиет: "О глубина богатства, и премудрости, и разума Божия! Яко неиспытани таинства Твоя, Господи!"^[178] Кто может исследовать безмерное богатство Твоея благодати? И какой язык может изъяснить непостижимые Твои таинства? О Господи, аще не удержиши воды Твоея благодати, человек растает, как воск".

Говоря это, он видит, что он хуже и гадов земных. И хочет, если бы это было возможно, всех людей поместить в свое сердце, чтобы они увидели и спаслись, даже если сам лишится благодати Божией. Но так как и это было испытано - что никому невозможно спасти других, то поэтому он довольствуется тем, чтобы, пребывая в безмолвии, молиться о всех, чтобы их спас Бог.

Итак, чадо, таков вкратце образ действия божественной благодати, и достигший этой меры может нам рассказать, что еще он видит, если ему не встретилось иное препятствие.

Ибо он питается божественной любовью и пьет вино, которое пили все преподобные отцы, шедшие этим путем, и после этого забыли скорби. Но и благодать более не уходит, как прежде, вначале. Если только не случится какое-то изменение, чего да не будет, Господи!

Итак, если и ты, чадо мое, слушаешься, то, несомненно, все это увидишь. А я заканчиваю об этом говорить, чтобы рассказать тебе о другой прелести. Скажу лишь, что все эти искушения, которые происходили с подвижником, все тревожения и кораблекрушения, все страхи и столь великие трудности постигли его потому, что у него не было наставника, который бы поддерживал его и наставлял. И по причине недостатка таких опытных наставников находится едва один из тысяч, кто пройдет этим опасным путем. Который, как мы сказали раньше, есть краткий путь Божий, возводящий человека в жизнь вечную. И так как есть этот недостаток, и возникают различные виды прелести.

Ибо благодать Божия - такова непреложная необходимость - после того, как вначале послушник-подвижник ее достаточно вкусит, должна уйти, чтобы его упражнять, дабы он стал опытным воином Христовым. И без таких искушений никто еще не достиг совершенства. Итак, этот рубеж, на котором, как мы сказали, многие впали в прелесть, является рубежом, где отступает благодать Божия, чтобы сделать нас опытными воинами и чтобы мы не были всегда младенцами. Ибо Господь хочет, чтобы мы стали достойными мужами и мужественными борцами, способными сохранить Его богатство. И поэтому Он попускает нам терпеть искушения.

А святые отцы учат нас пребывать в высочайшей из добродетелей, в послушании, делаясь подражателями Христа: такова их цель. Для того именно, чтобы с его помощью очистить нас от различных страстей мысли и от самоугождения своей воле, чтобы мы получили божественную благодать. И опять же, для того, чтобы, когда благодать отойдет для нашего обучения, старец как некая иная благодать тебя поддерживал и тебя наставлял словами своего делания, которое прошел, и возгревал твою ревность, пока и ты по божественной благодати и по молитвам твоего отца не освободишься от браней, и пока тебя вновь не охватит божественная благодать, и сладкий Иисус не вверит тебе, как совершенному, Свои драгоценные сокровища.

Итак, никакой другой цели для того, чтобы человек шел в послушание, нет. Однако сегодня каждый думает взять ученика, чтобы научить его ремеслу, для того чтобы он добывал деньги, или окапывал виноград, или стал торговцем, или чтобы сделать его наследником дома или келлии, или магазина, или того, что имеет, или же чтобы он ему служил.

Мы вовсе не отрицаем того, в чем есть необходимость. И все же главная цель, с которой приходит ученик к старцу и исполняет совершенное послушание, в том, чтобы старец, пламеня от любви Христовой, передал ему талант богатства своей добродетели; и ученик, конечно, - поскольку он имеет совершенное самоотречение и отсечение воли и получает такую благодать от своего духовного отца - тогда, без сомнения, будет исполнять и все работы по дому как необходимые.

А поскольку забыта эта правильная цель назначения монахов, и среди целых тысяч монахов лишь чуть виднеются, как искорки, немногие, и опять же, эти немногие всеми тысячами монахов объявляются прельщенными, - поэтому и сами они, не имея кому передать духовное сокровище, скрывают его и всем показывают, что они безумцы и скитальцы.

И поэтому, когда подвижники достигают того рубежа, где благодать по необходимости уходит, они, не находя под рукой лекарства для своего исцеления, падают, теряются, и так погибают тысячи душ, которые вначале явили большую решимость и боголюбивую ревность. И, не зная, по неведению, они назвали сегодня путь Божий, которым прошли

болезненные ноги святых, путем прелести. И по неведению согрешают, и поносят путь Божий, и препятствуют желающим идти по нему. И мы даже не говорим, когда нас спрашивают: "Я, чадо мое, будучи немощным, не могу идти по этому пути. Но ты, если у тебя такая ревность, позаботься найти подходящего наставника.

И если найдешь, верно следуй за ним. Если же не найдешь, следуй общим путем отцов, на котором у тебя будет много спутников и наставников и нет опасности прельститься.

Такова чистая и беспристрастная истина Божия". И тот, кто так говорит, защищен от многих сетей. Если же сразу, как только спросят его, говорит, что это путь прелести и что все, кто идут по нему, - прельщенные, то пусть знает, что он в сети. И пусть постарается испросить милости Божией прежде, чем к нам придет смерть и мы будем затворены в темницы ада. И тогда никто не сможет избавить нас от вечного осуждения, постигшего нас из-за невежества нашего языка.

И хотя Отец светов весь суд отдал Сыну, мы, неразумные, похищая суд, судим ближнего без рассуждения, не ведая его делания и божественного промысла, который имеет о нем Бог, Ему же слава и держава во веки.^[179] Аминь.

8. О

другой прелести Но послушай, чадо мое, и о другой прелести, чтобы уберечься от нее. Многие монахи трудились над какой-нибудь одной добродетелью и приложили все свои усилия для ее достижения. К примеру, постились, то есть не употребляли растительного масла, или приготовленной пищи, или другого подобного. И связали свою свободу, веря своему помыслу, будто все заключено в посте. И, упражняясь в этой добродетели, они советуют и другим, что это единственная дорога, и полнота всех добродетелей, и ручательство душевного спасения, основываясь на том, что столько лет он не ел растительного масла, или приготовленной пищи, или чего-нибудь другого.

И мы говорим, что такой монах стал рабом своего вольного поста и считает, что тот, кто не делает так же, не спасется или не на пути к спасению. И мы спрашиваем такого монаха: "О человеце Божий! Скажи мне, что ты приобрел за столько лет своего поста? Покажи мне плод твоего многолетнего поста, и тогда меня убедишь. О человеце! Ты отказываешь другим в милости Божией из-за своего господина - поста. А куда же ты тогда дел беспредельную милость благодати Господней? Да и у всех ли людей такое же сложение и телесные силы, как у тебя, что ты требуешь от всех стать подобными тебе? Итак, оттого, что ты не управляешь хорошо тем, что касается тебя, то и куешь ты столько лет обол железа на наковальне поста, но так ничего и не выковал, ибо нет у тебя рассуждения. А исцеление в этом случае состоит в том, чтобы оставить такой мнимый "пост" и попросить у духовника совета как жить".

Другой, опять-таки подобным же образом положился на свое бдение и только ему и учит. И считает, сколько лет он совершает бдение. А того, кто не делает то же самое, он считает идущим во тьме. Но и таковой пусть оставит свое бдение и следует за духовным наставником.

Иной уповает на свои слезы и как человеческому изобретению поучает этому других, говоря, что горе тому, кто не плачет! И думает, что раз плачет, то в этом уже совершенство. А лекарство для такого - познать, что слезы должны сопровождаться смирением, и не думать, что он исполняет некое дело Божие и что Господь должен ему благодать. И опять же: даже если хорошо плачет, пусть знает, что трудится он только над одной добродетелью, а недостает ему еще девяноста девяти.

Иной уповает на свою молитву и наставляет других, что если ты так делаешь, то удержишь ум. И это, подобно другим, он считает изобретением своего разума.

Другой, опять-таки, уповает на свое безмолвие, как будто в нем заключено все совершенство. И полагает, что если кто захочет, то сможет безмолвствовать.

И что же сказать? Есть люди, которые надеются просто на число лет, в течение которых они носят монашескую одежду, и этими годами хвалятся.

Итак, мы обо всех этих добродетелях говорим: не сомневаемся, что они - средства, без которых мы не можем достигнуть совершенства. И нам даже необходимо до крови трудиться над всеми ими и над другими, о которых мы здесь не упомянули.

Ибо на самом деле безмолвие - это единственное средство, которое содействует достижению всех добродетелей. Однако мы говорим: никто не может выдержать его тяжесть в ведении и рассуждении, если Господь не пошлет как дар и милость благодать безмолвия. Таким образом, безмолвствующий должен знать, что безмолвие - это дар Божий, и должен благодарить Бога.

Подобным образом мы говорим и о том, кто молится. Апостол говорит, что никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым^[180]. Итак, как же ты говоришь, что молишься чисто и держишь невоздержанный ум нерассеянным, и учишь, что если понудит себя человек, то сможет держать ум и молиться чисто? И мы говорим, что молитва - это единственное средство, которое содействует очищению разума, и без нее мы не можем жить духовно. Однако никто не может держать ум и молиться чисто, если не придет благодать божественного и духовного ведения или если не придет вышеестественным образом некий благий и божественный помысел или другое действие божественной благодати. Поэтому он должен знать, что не сам он удерживает ум, а божественная благодать, и по мере божественной благодати он молится чисто. И пусть знает таковой, что это не от него, а от Бога. И пусть благодарит Бога. И пусть учит других, что мы должны действовать теми способами, которые в наших силах, показывая Богу наше намерение и желание молиться чисто. Но придет ли это, зависит от Бога.

Также мы говорим и тому, у кого есть слезы, что слезы - единственное оружие против бесов и баня очищения грехов, если они бывают с ведением. Однако они не от самого человека. Но он, понуждая себя, показывает намерение воли плакать, а появится ли слеза, зависит от Возводящего облаки от последних земли^[181]. И пусть такого научит опыт, что он плачет не тогда, когда хочет сам, а когда хочет Бог. И пусть благодарит подателя Бога. А не имеющих слез пусть не осуждает. Ибо Бог не дает всем одно и то же.

Также мы говорим и о бдении, что оно содействует очищению ума, если совершается в ведении и рассуждении. Однако, если не поможет Господь, от него не бывает плода. Так что способный совершать бдение должен просить у Бога ведения и управлять собой с рассуждением. Ибо без божественной помощи он остается бесплодным.

Также и пост, и все другое, если хорошо управляется, - это добродетели, исполняя которые с болезнью, мы, с одной стороны, показываем наше произволение Богу, а с другой - противоборствуем страстным похотениям. Ибо если мы не понудим себя к этим добродетелям, непременно будем совершать грехи. Это - чистая правда, наша, человеческая. Посмотри на земледельца: он вскапывает землю, очищает, сеет и ожидает милости Божией. И, если не пошлет Бог дожди и благоприятные ветры в нужное время, его труд пропадает. Ибо все зарастает сорняками, и пожинать нечего, и труды его становятся пищей бессловесных животных. Так и с нами. Если Господь не пошлет очистительных вод Своей божественной благодати, то мы остаемся бесплодными и наши труды становятся пищей бесов. Ибо труды подавляются нашими страстями, и мы ничего не пожинаем. И добродетели, если

совершаются не хорошо, становятся злом.

Итак, более всего другого мы нуждаемся в духовном рассуждении и должны с болезнью просить этого у Бога, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь. [\[182\]](#)

9. О

разновидности той же прелести Послушай, чадо, и о другой прелести. Бывают еще иные монахи, которые трудятся над всеми этими добродетелями и надеются на свои труды. И когда они молятся и просят чего-нибудь у Бога, то просят не со смирением, а с дерзостью и требовательностью, как будто обязали Бога своими трудами и Он у них в долгу. А когда остаются не услышанными и Господь не исполняет их волю, они приходят в смятение и очень огорчаются. А враг бес, когда увидит их в этом неведении, нападает на них и внушает развращенные помыслы, говоря: "Видишь? Ты так понуждаешь себя до смерти потрудиться Ему, а Он тебя не слышит! Так что же ты Ему работаешь?" И понуждает его, чтобы тот похулил имя Божие, для того чтобы бес потом вошел в него, завладел им и его связали бы цепями.

А если сделать этого ему не удастся, то он подступает с другой стороны. Принимает образ ангела света и говорит ему, что он - архангел Гавриил или другой ангел, и что его послал Бог быть близ него, ибо он благоугодил Богу своими трудами. Или еще принимает образ Господа нашего Иисуса Христа, другой же в образе ангела идет впереди и говорит ему: "Так как угодил ты Богу своими потами, Господь пришел тебя посетить. Выйди поклонись Ему, чтобы получить благодать". Или же говорит ему, что пришел забрать его, как пророка Илию, на небеса. И наконец, чтобы не впасть в многословие, такими уловками он прельстил многих и в прежние времена, и сегодня. И иных сбросил на скалы, иных в колодцы, иных различными способами зарезал и совершенно погубил. И это бывает потому, что с самого начала у них не было рассуждения и они пребывали в своей воле, не творя послушания.

Ты же, чадо мое, возлюбленное о Господе, поскольку творишь послушание и во всем искренне исповедуешься, не бойся. Так как у тебя есть старец, и он тебя наставляет и днем и ночью о тебе молится, то Бог не даст тебе прельститься. Если же и привидится тебе какое-нибудь видение, вроде ангела, ты не бойся, но с дерзновением ему скажи, будь он в образе Господа, или святого, или ангела: "У меня есть старец, и он меня наставляет. Не хочу поучений ангельских! Я хочу увидеть моего Господа, ангелов и святых в иной жизни. Здесь не хочу". И обрати свое лицо в другую сторону, не смотри на него. И он, не выдержав твоего дерзновения, исчезнет. Если даже видение истинное, то и тогда Господь не гневается, но страх сразу прелается в радость и бывает так, как хочет Господь.

У нас, однако, никогда не должно быть пред Богом таких прошений и пожеланий, то есть чтобы мы увидели ангелов или святых, ибо это прелесть. Мы должны просить - как много раз уже было нами написано - милости оставления наших грехов и должны заботиться о чистоте души, а то, что от Бога, приходит само по себе, без нашей просьбы.

И если с помощью созерцания взойдем на небеса, ничего нашего в том нет. И если вскоре переменимся без нашей воли, и к нам придет какая-то великая печаль и невыносимая скорбь, как если бы мы находились в аду, и нам будет казаться, что она уже не закончится, но будет угнетать нас до смерти, то и тогда мы должны оставаться невозмутимыми. И как было тогда, когда мы поднялись на небеса и были радостны, так и когда случится перемена и придет печаль, твори послушание, не смущаясь и не ропща. Но мирно говори этим помыслам, что у Отца есть два места и жилища: одно на небесах - место радости и наслаждения, и одно внизу,

в аду, - место скорбей. И когда Он хочет - поднимает меня в вышнюю радость, когда хочет - опускает меня вниз. Чтобы я знал, что, пока ношу это скудельное тело, неизбежно приходят перемены. Итак, мне нечего сказать. Лишь одно - да будет воля Господа моего во всех, во всем и всегда. Но если и навсегда Он оставит меня внизу, я скажу:

"Сладчайший мой Спасе и Боже! Я ничего благаго и благоугодного пред Тобой не сотворил, но, как прилежный делатель греха, я - достойный сын ада. Так что если я и буду предан вечной муке, то это мне полагается по справедливости. Лишь бы только Ты не был опечален мною, но смотрел на меня с радостным лицом. Тогда для меня и ад станет светлым раем!"

И когда это говоришь, печаль уходит и снова бывает радость. Но ты, однако, говори это не с тем, чтобы пришла радость, а говори это от сердца. И пока мы, как было сказано и прежде, пребываем в этой жизни, никогда не полагайся на себя, даже если поднимешься до седьмого неба или увидишь всю природу таинств. Поскольку ты носишь тело, опасность остается, и нам нужна осторожность. Только когда ты оставишь это тело мертвым, тогда радуйся, что уже не переменишься, а все, что тебе даст Господь, - твое собственное, и никто этого у тебя не отнимет; Ему же слава и держава во веки веков. Аминь. [\[183\]](#)

10. О

двойкой брани бесов и о том, что они воюют с подвижниками умело

Итак, чадо, узнай и о двойкой брани бесов. И мы говорим, что бес воюет с подвижниками умело. И когда он видит, что монах, подвизаясь, бежит с великим стремлением и пылом и что у него нет наставника, тогда злой бес, тайно следуя за ним, нападает на него. И, скрывая свои сети, толкает его вперед. А подвижник, не подозревая, что враг рядом с ним, бежит безрассудно, постясь, совершая бдение и молясь. А бес полностью отсекает у него аппетит к еде. И тот уже не желает ничего, будь перед ним самые лучшие кушанья.

Также бес позволяет ему свободно совершать бдение, так что монах начинает думать, что уже достиг бесстрастия и может жить и без пищи. И когда бес увидит, что он дошел до предела, тогда оставляет его подвижника, и тот падает. Ибо, не имея высоких крыльев созерцания для того, чтобы возвыситься и поднять тело, он валяется внизу, как змея. Ибо там, где он думает, что пришел с земли на небеса, он, не заметив того, внезапно оказался без оружия в океане. Потому что тело, которое собирает оружие и воюет, из-за чрезвычайного голода истощилось и изнемогло. И вот тогда кровожадный змей, радуясь и веселясь, стремительно нападает на этого несчастного монаха и тянет за собой тысячи и других лукавых духов. И они совершенно удушают его, если он сразу не разыщет опытного и дельного наставника. И многих подвижников здесь он и ввергнул в различные постыдные греховные страсти. Ибо эту страсть бесы разжигают более других страстей, когда тело истощится и изнеможет.

Если же этот подвижник имеет острый ум и подвизается рассудительно, наблюдая, как бы не упасть вперед, то бес его оставляет. А когда увидит, что пыл и великая ревность прекращаются, и стремление понемногу уменьшается, и тот начинает нерадеть, тогда опять-таки бес тянет его назад, чтобы ввергнуть в безразличие, для того чтобы тот оставил все это и стал опять рабом бесов.

Потому подвиг двойной. И монах должен или иметь наставника в таком делании и творить совершенное послушание, совершенно отсекая свою волю, или, если он один,

остерегаться крайностей и идти по среднему пути. Не должен уклоняться ни вправо, ни влево. И пусть хорошо знает, что только когда получит высокие крылья созерцания, тогда по мере этой божественной благодати и тело выдерживает немощи. И хотя тело, будучи тленным, часто изменяется, слабеет и изнемогает, ум, имея другие, небесные и вышеестественные крылья, летает высоко и не заботится о тяжести тела, но поднимает его, сколь бы немощным оно ни было. Поэтому и многие святые, имеющие эту благодать, прожили много лет без хлеба и еды и довольствовались только святым причастием пречистого тела и крови Господа.

Однако поскольку святые отцы не учат нас не есть совсем, поэтому если мы получим и эту благодать и узнаем, что можем жить и без пищи на самом деле, а не в мечтах, то и тогда мы должны есть и сыр, и яйца, и молоко, если оно у нас окажется, и рыбу. Понемногу и все из того, что нам разрешает устав монашеского звания, - для двух целей. Во-первых, чтобы мы сокрушали корень возношения и гордости, попирая всякое мудрование, возносящееся против Бога, а во-вторых, чтобы мы выглядели похожими на всех, чтобы никто не знал нашего делания пред Богом и мы избегали бы человеческой славы и похвал. А еще для того, чтобы мы не думали, что эта малая еда, со знанием и рассуждением употребляемая, лишает нас божественной благодати и что если бы мы постились, то имели бы большую благодать. Нет. Ибо Бог не смотрит на количество наших подвигов, а испытывает цель и рассуждение, с которыми мы их совершаем, и соответственно изливает Свое благо, великую и богатую милость.

Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

11. О

трех состояниях естества, до которых поднимается и нисходит человек: естественном, противоестественном и вышеестественном. И о трех образах божественной благодати, которую он может получить, понуждая человеческое естество: очистительной, просвещающей и совершенной

Итак, послушай, чадо, и о трех образах естества, через которые восходит и нисходит человек. И мы скажем, что естественное состояние человека, после того как мы преступили заповедь Божию и отпали от рая, - это божественный закон, который был нам письменно дан после одного изгнания. И всякий человек должен, если желает своего спасения, понуждать себя и вести брань со страстями, нанося удары и сопротивляясь, сражаясь и защищаясь, побеждая и терпя поражения. И вообще должен подвизаться, чтобы пребывать в рамках божественных законов естества.

И когда мы находимся в рамках божественного закона, данного нам Святого Писания, и когда мы не блудники, убийцы, воры, обидчики, лжецы, гордецы, клеветники, тщеславные, чревоугодники, многостяжатели, сребролюбцы, завистники, оскорбители, хулители, гневливые, ропотники, укорители, лицемеры и тому подобное, тогда мы пребываем в естественном состоянии после случившегося преступления.

А противоестественное состояние - у того, кто находится вне божественного закона и, как скот, уподобился бессловесным, у которых нет закона. И о нем говорит пророк: "И человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им"^[184]. Итак, тот, кто ходит вне божественного закона, валяясь в различных, как мы сказали, грехах, - такой пребывает в противоестественном состоянии.

А вышеестественное состояние - это бесстрастие, которое было у Адама, прежде чем он преступил заповедь Божию и отпал от этой божественной благодати и незлобия.

Вот, чадо, таковы три образа, через которые мы, если преуспеваем, то восходим от противоестественного к вышеестественному. А если живем в бесчувствии, не радея о нашем спасении, тогда мы пасем свиней и стараемся насытиться рожками, как блудный сын ^[185].

А три образа божественной благодати, как мы сказали, которую может получить человеческое естество, когда у человека доброе произволение, и он понуждает себя, таковы: очистительная, просветительная и совершенная.

И когда человек сперва придет в покаяние от своих прежних грехов, старается следовать божественному Закону и подымлет великие подвиги и суровые труды из-за привычки к страстям, тогда божественная благодать тайно дает ему утешение и радость, плач, наслаждение и сладость от божественных словес, которые он читает, и силу и дерзновение для духовного подвига. Итак, эта благодать называется очистительной. Она тайно помогает кающемуся подвижнику очиститься от грехов и устоять в пределах естественного.

Если же он устоит там, в пределах естественного состояния, и не прекратит подвигов, не обратится вспять, не вознерадит, не упадет со своего места, а терпит, понуждая себя творить благие плоды, сохраняя великодушие и принимая непрерывные перемены естества, ожидая милости Божией, тогда ум принимает божественное просвещение и весь становится божественным светом, в котором он умно видит истину и различает, как он должен идти, пока не достигнет любви, которая есть сладчайший Иисус.

Однако и здесь, чадо, необходимо большое внимание. Слыша о свете, не думай, что это огонь или свет светильника, или молнии, или другой вид цвета. Прочь такую нелепость! Ибо многие, не понявшие этого, приняли вид молнии и, прельстившись, зло погибли. А умный свет божественной благодати - невещественный, безвидный и бесцветный, радостный и мирный. Это и есть благодать, называемая просветительной, которая просвещает ум и указывает безопасные пути духовного путешествия, чтобы путник не заблудился и не упал.

Однако, так как тело неразрывно связано с переменами и текут годы, то благодать не пребывает постоянно, а уходит и приходит. И после света наступает тьма, и снова после тьмы - свет.

И послушай внимательно, чтобы уразуметь. Наше естественное состояние перед божественной благодатью есть тьма. Тем более когда к нам приближаются мрачные бесы, природа которых темна. И когда приходит свет благодати, все это исчезает, подобно тому как исчезает тьма, когда восходит солнце. И мы ясно видим даже мельчайшие опасности, которые до восхода солнца были сокрыты от нас. И снова, когда солнце зайдет, нас опять естественным образом объемлет тьма. И у того, кто ходит во тьме, бывают большие беды и болезненные злоключения.

Подобное случается с нами и в духовном путешествии. Когда у нас есть божественный свет, мы все видим ясно и бесы убегают далеко, не в силах устоять перед божественной благодатью. А когда уходит божественная благодать - остается тьма, наше естественное состояние. И тогда опять приходят разбойники-бесы и с нами воюют. Итак, поскольку наше естество подвержено столь многим переменам и в час тьмы мы совершаем много не освещаемых Божией благодатью дел, причиняя себе вред и часто получая смертельные раны от врагов, ибо из-за тьмы мы не видим врагов, которые скрываются, - то мы никогда не должны впадать в самонадеянность и считать, что все, что мы делаем, угодно Богу. И не должны уповать на наше оружие и искусство. Но, призывая божественную помощь, мы должны надеяться на нее и только на нее и с великим страхом говорить как незнающие: "Угодно ли Богу то, что я говорю, или, может быть, я Его огорчаю?" И в час изменений мы

должны терпеть.

Итак, если мы пребудем в этом состоянии и не случится с нами какого-нибудь зла от постоянных браней и смущения страстей, тогда нам дается дар от Бога - благодать совершенная. Она делает нас совершенными и является и называется вышеестественной, ибо шествует выше естества. И в двух других прежних состояниях человек благими помыслами и духовными воспоминаниями понуждает себя держаться добродетелей: любви, смирения, воздержания и прочих. И вообще, благочестивыми и противоборствующими помыслами он дает отпор злобе страстей и держится добродетелей. Когда же придет совершенная и вышеестественная благодать, все страсти исчезают. И все добродетели удерживаются естественно, без усилий и старания самого человека. Ибо дано ему то божественное бесстрастное состояние, которое было до преступления. Потому что страсти вошли в человеческое естество после преслушания, совершенного Адамом. А естественное состояние, в котором человек был создан Богом, было бесстрастным. Поэтому и ум, когда освобождается от страстей, ходит, благодаря божественному знанию, как царь, выше естества.

Итак, когда и ты, чадо, видишь, что без ухищрений и духовных забот о помыслах все добродетели пребывают как естественные и не изменяются, то знай, что ты - выше естества. Когда, опять же, ты удерживаешь добродетели с помощью благих помыслов, а они изменяются, то знай, что ты - в естественном состоянии. А когда ты совершаешь грехи, знай, что ты - в противоестественном состоянии и пасешь чужих свиней, как сказано в святом Евангелии. И поспеши освободиться. А то, что сверх сего, ведает Премудрый и Всеблагий Бог и тот, кто пребывает в Боге, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

12. О любви

Так как мы написали уже много разного, чадо мое, то я, побуждаемый твоей горячей верой и благоговением, посчитал, что хорошо бы написать тебе немного и о любви из того, что я узнал от прежде меня бывших преподобных отцов и чтения Писаний. Но, боясь высоты этой вышеестественной благодати, побеждаюсь страхом, что не смогу окончить это слово. И все же, согреваемый надеждой на ваши святые молитвы, я это слово начинаю. Ибо как я могу, чадо мое, своей силой написать о столь великом даровании, которое превосходит мою силу? И каким языком следует мне рассказать об этой пренебесной сладости и пище святых ангелов, пророков, апостолов, праведников, мучеников, преподобных и всего сонма записанных на небесах?

Истинно говорю, чадо мое. Если бы я мог говорить языками всех людей от Адама, чтобы они мне помогали, то и тогда мне кажется невозможным, чтобы я смог достойно восхвалить любовь. И что говорю: достойно? Ведь человеческий язык ничего, даже малости не может сказать о любви, если Сам Бог, Самоистина и Любовь, не даст нам действие слова, и мудрость, и ведение, чтобы посредством человеческого языка Сам Бог и сладкий наш Иисус Христос - Сам Собой был именуем и восхваляем. Ибо любовь есть не что иное, как Сам Спаситель, сладкий Иисус и Отец вкупе с Божественным Духом.

И все другие божественные дарования человеколюбивого Бога, то есть смирение, кротость, воздержание и прочее возбуждают божественное чувство, когда в нас приводятся в действие божественной благодатью. Они, вобщем, без действия божественной благодати суть просто добродетели. И мы их храним ради заповеди Господа, для исцеления наших страстей. И прежде чем получим благодать, мы постоянно изменяемся в отношении смирения

и самомнения, любви и ненависти, воздержания и многоядения, кротости и гнева, долготерпения и ярости и т. д.

Однако когда мы движимы божественной благодатью, тогда эти постоянные душевные предложения и изменения прекращаются. И хотя тело и испытывает простые и естественные изменения, то есть холод, жару, тяжесть, труд, боль, голод, жажду, болезни и прочее, но душа, питаемая действием божественной благодати, пребывает неизменной в данных ей естественных божественных дарованиях.

А неизменность, о которой я говорю, у меня означает следующее: когда в нас находится благодать, душа не изменяется в данных ей Богом божественных дарованиях. Но не то, однако, что она не изменяется, когда благодать отходит. Малоподвижной она бывает благодаря твердости мысли души, однако не неизменной.

Ибо мы и в другом месте этого письма написали, что до тех пор, пока мы носим это скудельное одеяние, пусть никто не думает, что без пришествия божественной благодати может существовать высота состояния неизменная и без страха, тогда он достаточно вкушает ощущение божественного дарования и по-настоящему познает.

Однако, когда человек достигнет чувства божественной любви, которая есть Сам Бог, согласно говорящему, что Бог любви есть, и пребывали в любви в Бозе пребывает и Бог в нем^[186], тогда способен ли будет человеческий язык, не имеющий божественной энергии, вообще рассуждать о Боге и о Его святых дарованиях? Как сегодня многие добродетельные и благочестиво живущие, делом и словом благоугождающие Богу и приносящие пользу ближнему, думают, и другие о них думают, что они достигли любви из-за малого дела милости и сострадания, которое они имеют к ближнему.

Однако истина не такова. Заповедь любви они исполняют ради Господа, говорящего: "Да любите друг друга"^[187]. И соблюдающий ее достоин похвал как исполнитель Божиих заповедей. Но, однако, это не действие божественной любви. Это дорога к источнику, однако не сам источник. Это ступени ко дворцу, однако не дверь дворца. Это царская одежда, но не Царь. Это заповедь Божия, но не Бог.

Итак, желающему говорить о любви следует достаточно вкусить в чувстве таинство любви, и затем, если позволит Источник любви, сладкий Иисус, передать плод от полученного, и принести настоящую пользу ближнему. Ибо великая опасность для нас говорить ошибочно, и мыслить невежественно, и мнить о себе, что мы знаем то, чего не знаем.

Итак, точно знай, возлюбленное чадо мое, что иное есть заповедь любви, исполняемая делами ради братолюбия, и иное - действие божественной любви. И первое могут все люди, если захотят и понудят себя это исполнить, а второе - нет. Поскольку оно совершается не благодаря нашим делам и не зависит от нашего желания: хотим ли мы, когда мы хотим и как мы хотим. Но зависит оно от источника любви, нашего сладчайшего Иисуса, Который дает нам, если хочет, как хочет и когда Сам хочет.

И когда мы ходим в простоте, и храним заповеди, и со слезами, терпением и постоянством, с болезнью просим, и хорошо, как Моисей, стережем Иофоровых овец, то есть благие и духовные движения ума и помыслы, при зное дня и холоде ночи постоянных браней и искушений, и приходим в сокрушение от своих труда и смирения, тогда удостаиваемся боговидения и видения купины, в наших сердцах от божественного огня любви горячей и неопаленной. И, приблизившись к ней умной молитвой, мы слышим божественный глас, говорящий в таинстве духовного ведения: "Изуй сапоги ног твоих". То есть разрешишь от всякого своеволия и попечения этого века и всякого младенческого мудрования и подчинишься Святому Духу и Его божественной воле, ибо место, на немже ты стоиши, свято есть.^[188]

И когда он от всего разрешится, принимает на себя предстательство за народ и наносит раны фараону, то есть принимает рассуждение и управление божественными дарованиями, и победу над бесами. И затем получает божественные законы. И не на каменных скрижалях, как Моисей, которые разрушаются и разбиваются, но в божественных начертаниях Святого Духа в наших сердцах. И не только десять заповедей, но сколько вмещают наши ум, ведение и естество. И затем входит во внутреннейшее завесы^[189].

А когда приходит божественное облако в огненном столпе любви и он становится весь огнем и не в силах более этого выносить, тогда божественное действие любви вызывает к Источнику любви и говорит человеческими устами: "Кто может отлучить меня от Твоей сладкой любви, Иисусе?" И еще, в веющем дуновении - в теле или без тела Бог знает, внутри келлии или вне ее, в воздухе Бог знает, это знает лишь тот, кто видел, - весь став огнем от огня и изливая слезы любви, с удивлением и изумлением вызывает: "Останови, сладкая Любовь, воды Твоей благодати, ибо связи моих членов разорвались!" И когда он говорит это при веющем дуновении Духа с дивным Его и неизреченным благоуханием, замирают чувства, и невозможно никакое телесное действие. И, весь плененный, заключенный в молчание, он только удивляется богатству славы Божией, пока не уйдет мрак.

И стоит, как безумный, вне себя, словно пьяный, И сказать ничего он не может другого.

Сам язык не позволит промолвить ни слова И не даст ум и сердце душе или воле.

Только лишь: Иисусе, любовь, жизнь и сладость! Мой Отец и Спаситель, раченье и радость!

Мой Создатель и Бог и Божественный Душе, Нераздельная Троица в Единице дивной!

О души моей жизнь, наслаждение сердца, Просвещение ума и любви совершенство!

О источник любви, о надежда и вера, Научи меня Сам, как Тебя обрести мне.

Иисусе, любовь, жизнь, Спаситель и сладость, Только это скажи мне, другого не надо.

Как Тебя мне найти, чтоб упасть Тебе в ноги, Чтобы сладко лобзать Твои раны и гвозди.

Чтобы мог вечно плакать я с болью сердечной, Орошать Твои ноги, как прежде Мария,

Чтобы не отлучили от Тебя меня силы, И господства и власти врага-велиара,

Или суетный мир сей, все его обольщенья, Наслажденья и радость сего краткого века.

Но, где буду я, плача, орошать Твои ноги, Ты возьми мою душу, помести, куда хочешь,

Чтоб Тебя, мой Спаситель, Бог, Творец и Создатель, Видел вечно, и славил, и Тебе лишь служил я.

Вместе с праведных ликом, праотцов, и пророков, И апостолов, с сонмом всех святых преподобных,

И всех ангелов войском, сил небесных священных, Серафимов крылатых, херувимов, престолов,

Вместе с Матерью сладкой, Приснодевой Святою, Богородицей Чистой, Госпожой всех Марией.

Аминь. Итак, блажен, чадо мое, час, в который мы, если сподобимся, предадим нашу душу чистой Господу и будем сорадоваться со всеми, о ком мы сказали, там, где во всех и над всеми царствует Иисус Христос, сладкий Спаситель, Отец и Бог, Дух возлюбленный, святой, благий, мирный, живоначальный, животворящий, Троица Святая Нераздельная, ныне и присно и в бесконечные веки нескончаемых веков. Аминь.

Эпilog

О чадо, непрестанно обращай своим умом и сердцем ко всему тому, что я тебе

написал. И точно знай, что начало чистого пути Божия и пришествие всех благ - это познание человеком своей немощи.

И чтобы это познать, он должен пройти через великие искушения, которые выше его силы. А не пройдя через такие вышеестественные искушения, он не может познать немощь естества. И когда он это познает, то знает все и его руки завладеют всем. И тогда близко и истинное смирение. С ним пришло и терпение. И ведение таинств он постиг. И находится под покровом рассуждения. И от Любви он принял плоды духа: радость, мир, долготерпение, веру, кротость, воздержание.

Вопрос: В чем же состоят все эти блага? Ответ: Все они состоят в том, чтобы человек по благодати увидел в наготе не призраки и видения, а всю голую и чистую правду, что человек - ничто.

Вопрос: Что же такое "ничто"? Ответ: Это "ничто" есть то, что было ничем до того, как Бог сотворил землю и все творение. А когда Он сотворил небо и землю, тогда назвал ее, произошедшую из небытия, землей. И опять: когда Бог взял из нее брение и создал человека, тот был бренный, без души. И когда Он вдунул в него дуновение, тот получил дух жизни, разумную душу, и Он назвал его человеком, "по образу Своему и подобию".

И то, что "по образу" есть дух, который Он дал ему посредством дуновения, разумная душа. А то, что "по подобию", - это прекрасные и благие добродетели: любовь, благодать, милость и прочие, как мы написали выше. И тот, кто имеет эти естественные и благие добродетели, имеет то, что "по подобию". А тот, у кого их нет, - того, что "по подобию", не имеет, но о нем говорит пророк, что в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им^[190].

Вопрос: Но что есть полнота всех благ и завершение всего, чтобы заключить слово?

Ответ: Полнота всех благ и завершение всего есть Бог благий, милостивый, благоутробный, и вся Тем быша от не сущего и без Него ничто же бысть^[191]. Итак, Ему подобает всякая слава, любовь, честь, служение и поклонение, с возлюбленным Его Сыном и сладчайшим Спасителем нашим Иисусом Христом и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом ныне и присно и в бесконечные веки нескончаемых веков. Аминь.

Стихи того же : Я имени не надписал, оно известно всем.

: А если ты его не знал, послушай и узнай. : Его начало есть ничто, с землей сотворено.

: Итак зовут меня: земля, персть, брение и пыль. : Меня Творец образовал и создал из земли.

: Затем разумною душой меня Он украсил. : Монахом сделал Он меня, чтоб славил я Его.

: Чтоб не грешить, не спрашивай ты больше ничего, : А лучше поблагодари, прославь Его со мной -

: Благодарения достоин Он и славы неземной - : Родителя Предвечного с Единородным Сыном

: И Духом и Утешителем, Троицу Святую, : Чтоб части нас сподобила спасаемых Своих

: Мольбами сладкой Матери Христа и всех святых. : Аминь.